АГЕНТСТВО ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(АПНИ)

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

Сборник научных трудов
по материалам
IV Международной научно-практической конференции

г. Белгород, 31 июля 2015 г.

В шести частях
Часть III

ЭПИЦЕНТР

Белгород
2015

УДК 001
ББК 72
С 56

Современные тенденции развития науки и технологий : сборник научных трудов по материалам IV Международной научно-практической конференции 31 июля 2015 г.: в 6 ч. / Под общ. ред. Е.П. Ткачевой. – Белгород : ИП Ткачева Е.П., 2015. – Часть III. – 156 с.

С 56

ISBN 978-5-9907013-4-2
ISBN 978-5-9907013-7-3 (Часть III)

В сборнике рассматриваются актуальные научные проблемы по материалам IV Международной научно-практической конференции «Современные тенденции развития науки и технологий» (г. Белгород, 31 июля 2015 г.).

Представлены научные достижения ведущих ученых, специалистов-практиков, аспирантов, соискателей, магистрантов и студентов по филологии, истории, философии, социологии.

Информация об опубликованных статьях предоставляется в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) по договору № 301-05/2015 от 13.05.2015 г.

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайте: **www.issledo.ru**

УДК 001
ББК 72

© Коллектив авторов, 2015
© ИП Ткачева Е.П. (АПНИ), 2015

ISBN 978-5-9907013-4-2
ISBN 978-5-9907013-7-3 (Часть III)

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ» 5

Abilova A.G. ICT AND ELECTRONIC EDUCATIONAL RESOURCES IN THE PLANNING OF ENGLISH LANGUAGE LESSONS 5

Ваулина С.С., Пробст Н.А. РЕЧЕВАЯ ФУНКЦИЯ СУГГЕСТИВ-СОВЕТА И СУГГЕСТИВ-ПРЕДЛОЖЕНИЯ КАК СОДЕРЖАТЕЛЬНЫХ КОМПОНЕНТОВ ВОПРОСИТЕЛЬНО-ПОБУДИТЕЛЬНОЙ МОДАЛЬНОСТИ 8

Гвоздецкая Н.Ю. ДРЕВНЕАНГЛИЙСКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЭЗИЯ: ХРИСТИАНСКИЕ ДОКСОЛОГИИ-ПАРАФРАЗЫ 13

Дубинина А.С. ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ КАК СРЕДСТВО ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ 18

Дьякова Т.В. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «FREEDOM» 20

Катермина В.В., Липириди С.Х. ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ-ЧИСЛИТЕЛЬНЫМ КАК НОСИТЕЛИ КУЛЬТУРНОГО КОДА 24

Кузнецова И.Н. ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ НА РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА 27

Макрушина И.В. ПАРОДИЙНОЕ НАЧАЛО В АВАНТЮРНО-ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОМ СЮЖЕТЕ РОМАНОВ М. АЛДАНОВА «ДЕВЯТОЕ ТЕРМИДОРА», «ЧЕРТОВ МОСТ» И «ЗАГОВОР» 30

Малтуганова А.Н. ВЕДЕНИЕ ДНЕВНИКА КАК СПОСОБ УЛУЧШЕНИЯ РЕФЛЕКСИИ УЧАЩЕГОСЯ 36

Ненарокова М.Р. УЧЕБНЫЕ ДИАЛОГИ АЛКУИНА КАК РАЗВИТИЕ ТРАДИЦИИ ЖАНРА ПОЗДНЕАНТИЧНОГО ДИАЛОГА 39

Никова М.А., Красина М.Н. ПРОФЕССИОНАЛЬНО КОММУНИКАТИВНОЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНО МЕЖКУЛЬТУРНОЕ – ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ОБУЧЕНИИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В ЯЗЫКОВОЙ ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ-НЕФИЛОЛОГОВ 48

Никольская С.В. СПЕЦИФИКА ОБРАЗНОГО СТРОЯ СОВРЕМЕННОЙ КИТАЙСКОЙ ГОРОДСКОЙ ПРОЗЫ 50

Орехова Н.Н., Обухова О.Н. ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЕЕ ПАРАМЕТРЫ СЕГОДНЯ: НКА «НЕМЦЫ РОССИИ ГЛАЗОВА» В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ 53

Прима А.М., Бурдун Н.В. НИКНЕЙМ КАК САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ 55

Самарин Д.А. РОЛЬ ПСИХОЛОГИЗМА В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ В.А. БОГОРОДИЦКОГО 59

Саюнов И.О. ОСОБЕННОСТИ ТОПИКИ А.Н. ЯХОНТОВА КАК ПОЭТА «ВТОРОГО РЯДА» 64

СЕКЦИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ» 69

Дауева Т.Т. МИРОТВОРЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ В ОСЕТИНСКОМ ОБЩЕСТВЕ 69

Зотова А.В. МАТЕРИАЛЬНОЕ СТИМУЛИРОВАНИЕ ФИНАНСОВЫХ СЛУЖАЩИХ ЛЕНИНГРАДА В ПЕРИОД БЛОКАДЫ 71

Федоров В.И. СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ… БЕЗ ВЛАСТИ… 74

Черкасов А.В. ПЕРВЫЕ ПОГРЕБЁННЫЕ ПЕРВОБЫТНЫЕ СТОЯНКИ В КРЫМУ: К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ 78

Чугунов А.М. К ПОИСКУ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПЕРСПЕКТИВ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: НА ПРИМЕРЕ СТАНОВЛЕНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РОССИЙСКОГО КИНЕМАТОГРАФА В ПРИМОРСКОМ КРАЕ НАЧАЛА XX ВЕКА – ИЮНЯ 1941 г. 80

Чугунов А.М. РОССИЙСКИЙ КИНЕМАТОГРАФ В ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЕ ВЛАСТНЫХ СТРУКТУР ПО ФОРМИРОВАНИЮ «ЧЕЛОВЕКА МАССЫ» (1920-е гг. – ИЮНЬ 1941 г.): К ИСТОРИОГРАФИИ ПРОБЛЕМЫ 88

СЕКЦИЯ «ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ» 96

Борисова Ю.В. ЭЗОТЕРИЗМ И СОВРЕМЕННАЯ НАУКА 96

Гаращук С.С. ВЗАИМОСВЯЗЬ ТРАДИЦИЙ И НОВАЦИЙ В ПРОЦЕССАХ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ 98

Карпин В.А. ПРИНЦИП ПРИЧИННОСТИ КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА 100

Леушкин Р.В. СОЦИАЛЬНО-ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗОВАНИЯ В ВИРТУАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ 104

Петров И.Ф. О НЕКОТОРЫХ ТЕОРИЯХ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В ЗАРУБЕЖНОЙ ФИЛОСОФИИ 108

Петров И.Ф. СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД И РЕГИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА 110

Петров И.Ф. СОЦИАЛИЗАЦИЯ КАК ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ 112

Петров И.Ф. ЧЕЛОВЕК КАК СОЦИАЛЬНОДЕЙСТВУЮЩИЙ СУБЪЕКТ 114

СЕКЦИЯ «СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ» 117

Багаутдинова В.О., Шаповал Ж.А. ПРОБЛЕМЫ БРЕНДИРОВАНИЯ ТЕРРИТОРИИ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПРОХОРОВСКОГО РАЙОНА БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ) 117

Захарова А.С., Шаповал Ж.А. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ УТИЛИЗАЦИИ ТВЕРДЫХ БЫТОВЫХ ОТХОДОВ В МУНИЦИПАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ 122

Кирнос А.Л., Шаповал Ж.А. ОРГАНИЗАЦИЯ ПОДДЕРЖКИ МАЛОГО ИННОВАЦИОННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ ... 128

Мустаева Ф.А. ПРОТИВОРЕЧИЯ В СОДЕРЖАНИИ И ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ С СЕМЬЕЙ 134

Сизиков В.П., Разумов В.И. СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ МОДЕРНИЗАЦИЙ В ОБЩЕСТВЕ 139

Стопычева В.В., Шаповал Ж.А. ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ 147

ICT AND ELECTRONIC EDUCATIONAL RESOURCES IN THE PLANNING OF ENGLISH LANGUAGE LESSONS

Abilova A.G.
English Teacher, Nazarbayev Intellectual School, Master of Pedagogical Sciences,
Kazakhstan, Uralsk

This article describes the importance of lesson planning with the use of information and communication technologies and electronic educational resources. The author points out to the described stages that should be taken into account while lesson planning.

Key words: information and communication technologies, electronic educational resources, source of information, lesson planning, etc.

Lesson planning with the use of information and communication technologies and diverse electronic educational resources requires the compliance with the common principles of teaching, scientific and methodological thesis that are stated in the traditional didactics and stored due to the information technologies with new content.

English lesson planning should be considered as a part of the overall education system and as the integration of the teacher, student, teaching and information means and teaching material.

One should be aware of that lesson in the objectives and didactic structure is very flexible form of the educational process. It is in constant development, and varies depending on the availability of material resources and the launch of new educational electronic resources. Therefore, the opportunity of constant expansion and its updated aims (developing, training, education) and the means to achieve these aims are to be considered in the projected lesson.

Using modern technologies for English language lessons has changed fundamentally the approach to the evaluation of a teacher's informational skills. The latter until recently was associated with the ability to transfer specific information to a student. Today, despite the communicative skills of the Teacher of English, the level of their informational skills is determined by the ability to use a computer as a source of information.

From this point of view, the level of the analytical, predictive and projective development is very important, which are oriented at the evaluation of the electronic educational resources quality and their use in the classroom. The information that electronic educational resources offer should be evaluated on the bases of common didactic principles such as, scientific principle, availability principle etc. It is common to lose the main point of such information because of the abundance of secondary information and the congestion of electronic educational resources and its content. Therefore, it is necessary to select and use information highlighting the paramount points focusing students on the basic concepts.

Thus, the use of the information and communication technologies in an English language classroom is important for the development of a student's personality and the formation of a students' information and communication competence i.e. the ability to compare the advantages and disadvantages of different sources of information; to choose the appropriate technology to search for the information; to create and to use the appropriate models of the study process and information processing, etc.

Experiments show that the efficiency in the development of a student's creative abilities is also directly dependent on the opportunities and means of their self-government. All that students in the learning process can do without outside help, they have to do on their own. To a large extent this principle is realized only by using information technology.

Therefore, despite the variety of forms of the learning process organization with the use of information and communication technologies (research and project work, independent work of students, etc.) the lesson remains the main form of teaching.

Based on the above, lesson planning with the use of information and communication technologies and electronic educational resources according to Bryksina O. [1] can be identified by the following four stages:

1. Concept stage. This stage implies the didactic objective that is aimed to achieve such outcomes such as knowledge formation, consolidation, generalization and enrichment; skills training, etc.

Based on the content of the lesson and its pedagogical problems, the necessity in the use of information and communication technologies and electronic educational resources is arisen. Thus, it can be referred to as:

- the shortage in the educational resources;
- the possibility to present unique information materials (paintings, manuscripts, video clips, sound, etc..) due to multimedia;
- the necessity for visual imaging of the studied phenomena, processes and relationships between objects;
- the necessity to work with the studied objects models, phenomena or processes for their online research;
- the necessity to develop skills for information research;
- the creative conditions for the effective implementation of advanced psychological and pedagogical methods (experimental research and design activities, games, competitive forms of training, etc.);

In accordance with the above arguments, the necessary educational electronic resources are selected for specific methodological purposes: training, informational research, simulation, demonstration, modeling, monitoring, educational games, etc.

2. Technological stage. On the basis of the fixed requirements towards the educational electronic resources the multi-variant analysis and selection process is carried out by didactic and methodological purposes. The form of the lessons (presentation lesson, lesson-study, workshops, thematic project, etc.) is also selected. In addition, a more detailed analysis of the electronic resources is carried out (including the possi-

bility of improvement or modernization). This covers the principle of the information generalization, the study of the accompanying instructional and methodical documentation, the efficiency of the used resources for different activities is projected, the method of their use is determined and the main activities are designed with the existing electronic educational resources in the learning process.

At this stage the English language teacher defines the necessary hardware and software (local data-processing network, Internet access, multimedia computer, software). Most certainly, the independence from logistical materials available to teachers is desired as the teacher is often constrained in practice by the circumstances rather than by the freedom of choice of hardware.

To illustrate, the method of choice for the selection of hardware and software for the English language lesson, let us assume that the presentation lesson with lots of information in multimedia form that accompanies the teacher's speech but does not expect the independent work of students, is selected. In this case, it is advisable to use one multimedia computer and projector in the room. Teacher fulfils the function of the manager, who is timing the lesson resources.

3. Operational stage. At this stage, the main structural elements of the lesson are highlighted, the ways of interaction of each of the components (teacher – student – electronic educational resource – educational material) are selected and their functional relationships.

At this stage, the detailing of the functions assigned to ICT tools, and ways for their implementation are carried out, as well as a variety of ways of student's interaction with the electronic resources in conjunction with the teacher. Step by step lesson planning is carried out. For each its stages the objective, duration, form of the activities, teacher's functions and the main features of his/her activities, forms of formative assessment are implemented, etc.

Each stage of the language class, with the use of the information and communication technologies and electronic educational resources is a completed unit, the beginning of which must be presented with the organizational point; otherwise the learning efficiency is markedly reduced. It is advisable to consider the organization of classes so that students almost simultaneously finish this or that kind of work on the computer. This will allow passing on to the next step in an orderly way.

4. Pedagogical implementation. The main objective of this phase is the transition of the pedagogical principles in specific training effects. To manage effectively the learning process on the basis of the information and communication technologies requires the solution of two main tasks. The first task is to determine the current psychological state and the students' level of knowledge. The second one is in the planning and implementation of the optimal sequence of actions to ensure the absorption of necessary knowledge for the minimum time or the maximum amount of knowledge in a given time. The stage of the language lessons that involves the usage of information technology, the teacher mainly monitors the students' individual work. It does not require interference when students ask the teacher some questions. The main idea is that the knowledge acquired by them in the classroom, will become their personal significance. In this case the teacher is a coordinator, consultant on complex issues, but not the only source of information.

The assessment of current results and the correction of study aimed at achieving the objectives remain traditionally an important step on the pedagogical scale.

Thus, lesson planning with the use of information and communication technologies and electronic educational resources requires from teachers a high degree of professional competence, namely, informational, analytical, predictive and projective skills in preparation for a lesson, as well as organizational and delivery skills during his/her pedagogical implementation.

References

1. Bryksina, O. Lesson planning with ICT and electronic educational resources. ICT and Education, 2004.
2. Becta, B. Benefits and features of ICT in English. ICT in the Curriculum, 2006.
3. Coiro, J. Reading Comprehension on the Internet: Expanding Our Understanding of Reading Comprehension, 2003.
4. Pianfetti, E.S. Teachers and technology: Digital Literacy through professional development. Language Arts, 2001.

РЕЧЕВАЯ ФУНКЦИЯ СУГГЕСТИВ-СОВЕТА И СУГГЕСТИВ-ПРЕДЛОЖЕНИЯ КАК СОДЕРЖАТЕЛЬНЫХ КОМПОНЕНТОВ ВОПРОСИТЕЛЬНО-ПОБУДИТЕЛЬНОЙ МОДАЛЬНОСТИ

Ваулина С.С.
заведующая кафедрой исторического языкознания, зарубежной филологии и документоведения Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта, д. филол. наук, профессор,
Россия, г. Калининград

Пробст Н.А.
младший научный сотрудник лаборатории документной коммуникации Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта, канд. филол. наук,
Россия, г. Калининград

В статье рассматривается специфика функционирования в речи конструкций, репрезентирующих суггестивные содержательные типы вопросительно-побудительной модальности и выступающих в качестве особой разновидности косвенных побудительных речевых актов. Дается общая характеристика их семантического и прагматического наполнения, устанавливаются критерии взаимной дифференциации, определяются базовые возможности применения в процессе коммуникации.

Ключевые слова: побуждение, косвенные директивные речевые акты, модальность, вопроситльно-побудительные конструкции, суггестив-совет, суггестив-предложение.

Стремление тем или иным образом повлиять на окружающую реальность, «подстроить» ее под свои цели и желания является неотъемлемой ча-

стью человеческой деятельности, что, разумеется, отражается и в речевой деятельности. «Практически в любом речевом действии, – отмечает В.И. Карасик, – мы сталкиваемся с воздействием, даже если сообщаем о чем-то или выражаем эмоции» [5, с. 69]. С наибольшей эксплицитностью манипулятивная функция проявляется в директивных речевых актах. Целевая установка побудительного высказывания, как известно, состоит в трансформации существующей действительности в соответствии с намерениями говорящего. Достичь этого можно различными путями. Самый простой и очевидный способ репрезентации императивной интенции – применение прямых директивных речевых актов, включающих традиционные маркеры побуждения – соответствующая синтаксическая форма предложения, глаголы повелительного наклонения, перформативные глаголы и т.д. Однако использование прямых директивных речевых актов может быть успешным лишь при соблюдении ряда условий. Психология человека такова, что в подавляющем большинстве случаев он испытывает неприятие прямых попыток принудить его к выполнению того или иного действия, т.е. выполнить навязанную ему волю другого человека. Для того чтобы достичь коммуникативного успеха при адресации побудительного высказывания, говорящий должен учитывать целый комплекс факторов, в числе которых социальная и возрастная дистанция между ним и говорящим, уместность побуждения в данный момент времени, психологические особенности слушающего и т.д.. Как справедливо замечает Е.К. Теплякова, «игнорирование фактора учета социальных ролевых отношений, личностных качеств и убеждений собеседника, неоправданная убежденность в обладании правом требовать, приказывать, распоряжаться собеседником приводит к тому, что слушающий оказывается не готов выполнить ожидаемое от него действие» [7, с. 12]. В ситуации, когда выполнение слушающим воли говорящего находится под вопросом, субъект волеизъявления вынужден прибегать к различным приемам, призванным повысить вероятность коммуникативного успеха озвучиваемого директивного акта.

Одним из таких приемов является использование особой разновидности косвенных директивных актов – конструкций, репрезентирующих вопросительно-побудительную модальность. Вопросительная форма данных конструкций является инструментом деинтенсификации содержащейся в них побудительной интенции, за счет которого – по крайней мере, внешне – снижается императивное «давление» на слушающего, создается более комфортная для него коммуникативная обстановка. В этом случае указанная форма является своего рода маркером консенсуальности: адресату предоставляется возможность выбора – осуществлять или не осуществлять каузируемое действие. Таким образом, говорящим обозначается в той или иной мере уважительное отношение к личности слушающего, к его мнению и тем возможностям, которыми он располагает. Например, с помощью фразы *У вас не найдется для меня десяти минут, Брюс?* (С. Лукьяненко. Последний дозор) говорящий, безусловно, быстрее и с меньшими проблемами добьется своей цели, чем с помощью высказывания типа *Пойдем, поговорим* или *Мне нужна вся имеющаяся у вас информация. Немедленно предоставьте мне ее*. Вполне

очевидно, что первый вариант в коммуникативном отношении значительно более комфортен для адресата сообщения, нежели последующие – следовательно, шанс наиболее адекватной ожиданиям говорящего реакции значительно повышается.

Особое место среди такого рода косвенных речевых актов занимают конструкции, репрезентирующие различные значения суггестив-совета и суггестив-предложения как содержательных компонентов вопросительно-побудительной модальности [подробнее об этом см.: 6]. Функционально-коммуникативная специфика речевых актов предложения и совета определяется суггестивным характером воздействии на адресата, основанным «не на насильственном внедрении чего-либо в сознание адресата, а на предварительной подготовке этого сознания к внедрению новых отношений к действительности» [3, с. 7]. Соответственно, суггестивные высказывания, как справедливо отмечает З.С. Гусейханова, – это «наименее конфликтные директивные речевые акты, поскольку их функционирование связано с предоставлением адресату свободы в выборе стратегий поведения» [4, с. 9].

Общие коммуникативно-прагматические истоки рассматриваемых вопросительно-побудительных конструкций обусловливает тот факт, что в ряде случаев значения суггестив-совета и суггестив-предложения репрезентируются с помощью одних и тех же средств экспликации – например, глагольной словоформой *давай* (иногда с добавлением частицы *-те – давай(те*), вопросительного местоименного наречия *почему* с частицей *бы*, вводного слова *может быть (может)* и др. Например, фразу *Хотя… может быть, вы ко мне переберетесь? У меня уютнее место* (С. Лукьяненко. Последний Дозор) в зависимости от контекста ее употребления можно интерпретировать и как акт предложения (*Не хотите ли посидеть у меня?*), и как акт совета (*У меня намного уютнее. Поэтому перебирайтесь ко мне*).

Однако на функционально-семантическом уровне различие между суггестив-советом и суггестив-предложением весьма значительно. Вслед за рядом исследователей [см., например: 1; 3; 4] при дифференциации конструкций, эксплицирующих указанные значения, мы считаем возможным опираться на следующие критерии:

– степень доминантности позиции говорящего в речевом акте;

– степень зависимости выполнения каузируемого действия от желания адресата;

– совместность выполнения каузируемого действия (если в качестве его исполнителей предполагаются оба участника коммуникации, то в высказывании преимущественно реализуется суггестив-предложение; если же в роли исполнителя позиционируется только объект волеизъявления, то в большинстве случаев реализацию получает суггестив-совет).

По нашим наблюдениям, вопросительно-побудительные конструкции со значением совета в разговорной речи не характеризуются высокой степенью частотности – во всяком случае, по сравнению с предложениями, передающими просьбу или предложение, что обусловлено, на наш взгляд, рядом факторов. Во-первых, в рамках высказывания со значением совета адресанту

сообщения «принадлежит приоритетная позиция, базирующаяся не столько на социальной роли, сколько на его жизненном опыте или профессиональной компетенции» [1, с. 113–114]. Таким образом, субъект волеизъявления (сознательно или бессознательно) демонстрирует доминантное по отношению к собеседнику положение и с этой позиции считает возможным произвести определенное вмешательство в личное пространство слушающего. Результатом такого вмешательства в данном случае становится попытка говорящего корректировать на коммуникативном уровне поступки и поведение другого человека в соответствии со своим пониманием того, что является благом для адресата. В этом отношении по своей коммуникативно-прагматической специфике совет как речевой акт имеет определенное сходство с прескриптивами. Причем фактор доминантности – пусть и в «завуалированном» виде – сохраняет свою актуальность и в рамках вопросительно-побудительных конструкций. Например: *«Может быть, целесообразнее установить причину отсутствия троих приглашенных?» – осторожно спросил Гесер, невольно подхватывая официальность речи у судей* (В. Васильев, С. Лукьяненко. Дневной Дозор). Несмотря на подчеркнутую (как на синтаксическом, так и интонационном уровне) корректность приведенной фразы, она все же предполагает возможность определенного ситуационного превосходства говорящего над слушающими. В данном случае, озвучивая данный совет, Гесер указывает сразу на два факта: а) по его мнению, он видит наиболее верное в сложившейся ситуации решение; б) он допускает, что для других присутствующих это решение не является очевидным.

Следует отметить, что в рамках суггестив-совета, в отличие от прескриптивных директивных речевых актов, слушающий обладает «свободой маневра» в выборе ответной реакции. Именно такое своеобразие функционально-семантического наполнения высказываний со значением совета и детерминирует, по нашему мнению, определенную ограниченность их употреблений. Так, в том случае, если говорящий по своему социальному статусу занимает более высокое положение, чем слушающий, необходимость побудительного воздействия в суггестивной форме для него не должна быть существенной – гораздо чаще в такой ситуации целесообразнее воспользоваться прямой дирекцией; причем, даже тогда, когда более высокий по своему статусу коммуникант облекает побудительную интенцию в форму совета: такие высказывания весьма часто «являются тактичной формой или косвенным способом выражения команд и распоряжений» [5, с. 251]. Если же по своему социальному положению адресант равен или уступает адресату, вероятность осуществления речевого акта совета во многом зависит от совокупности ситуативных характеристик, создающих предпосылки для его применения (например, специфика отношений между коммуникантами, общие личностные характеристики и психологическое состояние адресанта, обусловливающие степень его готовности принять совет, необходимость совета в данной ситуации с точки зрения участников коммуникативной ситуации и т.д.). При отсутствии или недостаточности совпадения указанных предпосылок речевой акт совета с наибольшей степенью вероятности просто не будет

осуществлен в силу своей нецелесообразности. В этом случае более эффективной формой побудительного воздействия будет являться другой суггестивный речевой акт – предложение. «В речевом акте совета, – отмечает З.С. Гусейханова, – по сравнению с речевым актом предложения, большое значение имеют первоначальные статусные характеристики участников коммуникативного процесса. По этой причине результативность речевого акта совета при изначально более низком статусе говорящего гораздо ниже, чем при речевом акте предложения» [4, с. 6]. При этом суггестив-предложение, как показывает фактический материал, в разговорной речи имеет более широкое распространение по сравнению с суггестив-советом. По нашему мнению, это обусловлено тем, что речевые акты, репрезентирующие суггестив-предложение, в первую очередь ориентированы на такую кооперацию со слушающим, в основе которой лежит обоюдное желание к данному взаимодействию. Здесь следует отметить, что сам по себе факт использования в побудительных конструкциях языковых элементов с семантикой желательности не представляет собой ничего необычного, однако если для содержательной структуры основного корпуса директивных актов наличие семы желательности не является обязательным, то для конструкций, эксплицирующих суггестив-предложение, данная сема, на наш взгляд, является одним из важнейших элементов. Ведь, как отмечалось нами выше, в содержательной основе большинства исследуемых вопросительно-побудительных высказываний лежит в первую очередь консенсуальный принцип. Здесь же он, по сути, абсолютизирован: адресат сообщения полностью свободен в выборе своей реакции на речевой акт данного типа, который не маркирован ни по принципу облигаторности, ни по принципу бенефактивности. Например: *Он достал из кармана… внушительных размеров банкноту с изображением Кремля. Он разгладил ее, подмигнул кому-то и говорит: «Ну, что, друзья, пропьем ландшафт?»* (С. Довлатов. Соло на ундервуде).

Функционально-семантическое различие между суггестив-советом и суггестив-предложением детерминирует и разную модальную архитектонику их содержания. Так, содержательный план вопросительно-побудительных конструкций, эксплицирующих значение суггестив-предложения, формируется за счет взаимодействия вопросительно-побудительной модальности и микрополей ситуативной модальности – желательности и возможности. В конструкциях же, эксплицирующих значения суггестив-совета, помимо базовых сем побуждения и вопроса, актуализируются модальные значения ситуативной модальности – в первую очередь частное значение возможности «(не) быть в состоянии выполнить действие» и частное значение необходимости «потребность в выполнении действия» [подробнее о частных значениях ситуативной модальности см.: 2].

Итак, как показал анализ, два содержательных конституента вопросительно-побудительной модальности – суггестив-совет и суггестив-предложение – обладают собственными коммуникативно-прагматическими и функционально-семантическими особенностями. Для решения некритических вопросов в процессе повседневной коммуникации, как правило, более

частотно используются речевые акты, репрезентирующие значения суггестив-предложения с положительной или нейтральной семантикой. Присущий им необлигаторный характер, предполагаемое равенство коммуникативных позиций участников общения обеспечивают достаточно высокую адекватность их рецепции адресатом сообщения. С другой стороны, в тех случаях, когда необходимо акцентировать важность выполнения каузируемого действия слушающим для адресата (что затруднительно сделать посредством суггестив-предложения), более оптимальным является использование суггестив-совета. Таким образом, грамотное применение вопросительно-побудительных конструкций, репрезентирующих рассматриваемые значения вопросительно-побудительной модальности, является, как нам представляется, одним из важных элементов продуктивных речевых стратегий и тактик.

Список литературы

1. Беляева, Е.И. Грамматика и прагматика побуждения: английский язык [Текст] / Е.И. Беляева. – Воронеж, 1992. – 168 с.

2. Ваулина, С.С. Эволюция средств выражения модальности в русском языке (XI – XVII вв.) [Текст] / С.С. Ваулина. – Л., 1988. – 144 с.

3. Гончаренко, Н.В. Суггестивные характеристики медицинского дискурса [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.В. Гончаренко. – Волгоград, 2007. – 24 с.

4. Гусейханова, З.С. Когнитивно-прагматическая характеристика высказываний со значением «предложение» и «совет» (на материале современного английского языка) [Текст] : автореф. дис. … канд. филол. наук / З.С. Гусейнова. – Ростов-на-Дону, 2009. – 22 с.

5. Карасик, В.И. Язык социального статуса [Текст] / В.И. Карасик. – М., 2002. – 333 с.

6. Пробст, Н.А. Вопросительно-побудительная модальность в художественном тексте (на материале сатирических произведений XIX – начала XX века) [Текст] Н.А. Пробст // Вестник Балтийского Федерального университета им. И. Канта. Филологические науки. – 2013. – Вып. 8. – Калининград, 2013. – С. 12–17.

7. Теплякова, Е.К. Коммуникативные неудачи при реализации речевых актов побуждения в диалогическом дискурсе: На материале соврем. нем. яз. [Текст] : дис. … канд. филол. наук. – Тамбов, 1998. – 157 с.

ДРЕВНЕАНГЛИЙСКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЭЗИЯ: ХРИСТИАНСКИЕ ДОКСОЛОГИИ-ПАРАФРАЗЫ

Гвоздецкая Н.Ю.
зав.кафедрой английской филологии Российского государственного гуманитарного университета, доктор филолог. наук, доцент,
Россия, г. Москва

В статье разработаны принципы контекстуального анализа двух образцов древнеанглийской гимнографии, созданных в жанре религиозной доксологии. Выявлен характер расширения оригинального латинского текста Краткого славословия, положенного в основу парафраз, особенности их поэтической фразеологии и композиции. Семантика древнеанглийской гимнографической лексики анализируется в сопоставлении с семантикой подобных лексем в героическом эпосе англосаксов на примере поэмы «Беовульф». Обнаружены следы дохристианской традиции устного народного творчества и влияние мифоэпической картины мира на восприятие англосаксами христианского вероучения. Иссле-

дование проводилось в рамках научного проекта «Христианская гимнография: история и современность» (Институт мировой литературы имени А.М. Горького, г. Москва).

Ключевые слова: древнеанглийская гимнография, религиозная доксология, героический эпос англосаксов, христианское вероучение.

Доксология, хвалебная песнь светского или религиозного характера – известный жанр античного литературного творчества. В средние века этот жанр получил широкое распространение благодаря развитию христианской гимнографии, в том числе среди новокрещеных германских народов.

Поэтическое творчество англосаксов (VII–XI вв.) представляет синтез ученой латинской и народной германской традиций, благодаря которому поэтические парафразы библейских сюжетов (поэмы *Генезис, Исход, Христос* и др.) насыщались образами героико-эпического происхождения, отразившимися в поэме *Беовульф* [1]. Вместе с тем, и героико-эпическая традиция проникалась христианскими ценностями и библейскими аллюзиями (как это видно на примере того же *Беовульфа*) [5, с. 8–9].

Интересна в этом плане древнеанглийская гимнография, построенная на устойчивой (формульной) героико-эпической фразеологии, которая была приспособлена для передачи христианских концептов. Ярким примером тому служит воспроизведенный на полях *Церковной истории народа англов* Беды Достопочтенного *Гимн Кэдмона* – первый образец религиозной поэзии англосаксов, созданный исконно германским аллитерационным стихом. Особенно интересны древнеанглийские парафразы отрывков из латинских богослужебных текстов – псалмов и молитв, изученные гораздо менее *Гимна Кэмона*. К их числу принадлежат и два парафраза *Краткого славословия*: Gloria Patri, et Filio, et Spiritui Sancto. Sicut erat in principio, et nunc, et semper, et in saecula saeculorum. Amen. Эти парафразы известны под названиями, данными им первыми издателями – *Gloria I* и *Gloria II* [3, с. 74–77, 94].

Памятник *Gloria II* воспроизводит только половину латинского оригинала. Этот текст состоит из трех строк, включающих наименования Лиц Пресвятой Троицы. Поэт удовлетворяет требованиям аллитерационного стиха за счет подбора имен и эпитетов, начинающихся на один и тот же звук. Ср. Wuldor sy ðe and wurðmynt, / wereda drihten, // fæder on foldan, / fægere gemæne, // mid sylfan sunu / and soðum gaste. Amen. (*Gloria II*, 1–3) «Да будет Тебе слава и честь, / воинств Владыка, // Отец на земле, / Благой Единый, // с Собственным Сыном / и Духом Истинным. Аминь».

Следует отметить, что подбор слов не является механическим, но отображает свойства Бога, рассматриваемые сквозь призму героико-эпического идеала. Так, лексема wuldor, эквивалент лат. gloria «слава», дополняется синонимом, который в героическом эпосе обозначал достоинство героя (wurðmynt), и расширяется формульным наименованием дружинного вождя (wereda drihten), подразумевающим в данном контексте власть Бога над силами ангельскими (строка 1). Имя Отца (fæder) вступает в ритмико-синтаксическую формулу с наименованием земли folde (ср. flod under foldan,

Beowulf, 1361a), способным как ассоциироваться с владениями светского правителя, так и намекать на историю Первотворения (ср. firum foldan, *Гимн Кэдмона*, 9a [1, 198] «людям – землю»). Данная аллитерационная коллокация разворачивается далее через присоединение эпитета fægere, который в *Беовульфе* обозначает красоту земного здания (ср. fæger foldbold, *Beowulf*, 773a «прекрасный земной дворец»), но здесь скорее отсылает к благости Божией, будучи дополнен прилагательным gemæne (строка 2). Имя Сына аллитерирует с именем Святого Духа благодаря добавлению эпитетов, принадлежащих светской героико-эпической традиции, но допускающих использование в религиозном контексте (строка 3). Ср. в *Беовульфе*: sylfes willum (2222a) «по собственной воле» (о действиях дракона) – nefne God sylfa (3054b) «если только не Сам Бог…» (откроет драконов клад); soð ond sarlic (2109a) «правдивая и горестная» (песнь сказителя) – þæt is soð Metod (1611b) «то Истинный Бог».

Таким образом, четыре богословских термина латинского оригинала превращены поэтом в краткий, но выразительный художественный текст, отвечающий канону аллитерационного стиха и, вместе с тем, выполняющий дидактическую задачу – дать христианское представление о Боге в привычных англосаксонской аудитории героико-эпических выражениях.

Другой вопрос, насколько точны и приемлемы подобные выражения в богословском смысле. Думается, что наш текст позволяет понять, на базе каких дохристианских концептов могла рождаться древнеанглийская богословская терминология.

Все существительные в данном тексте дают представление о Едином Боге в терминах родового и военного сообщества, что соответствует еще ветхозаветной традиции. Иное дело – прилагательные. С их помощью поэт, по-видимому, стремится дать формулировку свойств Божиих, как они понимаются в новозаветную эпоху, в связи с догматическим обоснованием Троичности Бога. Наиболее прозрачным является эпитет «Истинный» (soð) применительно к Третьей Ипостаси Пресвятой Троицы. За именованием Второй Ипостаси как «Собственного Сына» (sylfan sunu), возможно, просматривается концепт «Единородный» (греч. μονογενὴς, лат. unigenitus), который восходит к древнееврейскому обозначению единственного и потому особенно любимого ребенка у родителей [4].

Сложнее угадать богословские понятия, стоящие за эпитетами Отца, поскольку их толкование связано как с семантическими, так и с грамматическими трудностями. Прилагательное fæger, постоянный эпитет folde в *Беовульфе*, в данном контексте можно отнести к земле как прекрасному творению Божию, на что намекает падежная форма с гласным окончанием. Вместе с тем, паратактическая связь данных прилагательных в тексте (fægere gemæne) позволяет отнести оба к слову fæder, а гласное окончание рассматривать как результат аналогического воздействия последующей формы. Семантически такая трактовка допустима, поскольку fæger в других контекстах употребления обозначает не просто «красивые», но «благие» сущности. Воз-

можно, однако, и третье толкование, при котором оба слова считаются наречиями, то есть исключаются из разряда эпитетов: Glory and honour be to thee… joyously together [3, с. 192–193].

Наибольшие затруднения вызывает слово gemæne (‘common, general, mutual’ [2]), однако в любом случае в нем видно значение общности, сопринадлежности: сотворенная Богом земля выступает как некая «родовая» собственность, а Бог – как «Отец всем». В последней интерпретации можно усмотреть как христианские, так и языческие аллюзии, ср. молитву *Отче Наш* (Pater Noster) и имя «Всеотец», которым зовется германский бог Один в *Младшей Эдде* [6, с. 37].

Интересной синтаксической чертой Gloria II является то, что все имена в этом тексте «нанизываются» на одну единственную глагольную форму – конъюнктив пожелания (sy «да будет»), то есть имена Божии образуют один синтагматический ряд-перечень с наименованиями славы и чести. Тем самым содержание и адресат хвалебного гимна в некотором роде уравниваются; складывается впечатление, что цель пожелания – не просто славословие Бога, но и утверждение самого Его бытия, которое, таким образом, ставится в зависимость от произнесения хвалы. Речевое воздействие на аудиторию осуществляется не путем описания, рассуждения или повествования, а через иную стратегию, напоминающую заклинание-заговор, который составлял важный жанр в дохристианской традиции устно-поэтического творчества древних германцев [7]. Таким образом, как в поэтической фразеологии, так и в отношении жанра древнеанглийская христианская доксология обнаруживает следы языческой эпохи.

Не следует, однако, преувеличивать влияния дохристианских традиций. Как показывает другой памятник, *Gloria I*, целью анонимного автора были не только эстетические запросы аудитории, но и стремление возможно точнее и полнее объяснить смысл христианской веры. Текст длиной в 57 строк делится на шесть частей, каждой из которых предпослана латинская фраза, включающая от одного до шести слов: Gloria (1) – Patri et filio et spiritui sancto (2) – Sicut erat in principio (3) – Et nunc et semper (4) – Et in saecula saeculorum (5) – Amen (6).

В данном памятнике широко представлены повествовательный и описательный типы речи, однако частое упоминание местоимения второго лица (обращение к Богу) не позволяет забыть о перлокутивном характере высказываний. Начинается первая часть текста с той же формы конъюнктива, которая, однако, включается в пассивную рамочную конструкцию: Sy þe wuldor and lof / wide geopenod // … // worulde gewlitegod. «Да будет Тебе слава и хвала / широко открыта // … // миру явлена» (*Gloria I,* 1–5a). Таким образом, акцент делается не на самом славословии, но на «явлении», «откровении» миру Божией славы. Ядро конструкции составляет целый ряд контекстуальных синонимов wuldor, указывающих на мощь и милосердие Бога, а также на главную христианскую добродетель – любовь.

Тема Лиц Пресвятой Троицы развита во второй части. Наряду с прямыми наименованиями используются перифрастические имена и эпитеты, частично унаследованные из устно-эпической традиции. Ср. cyning ofer ealle, / beald gebletsod (11b–12a) «конунг над всеми, / витязь благословенный». Однако важны и библейские аллюзии, ср. asyndrod fram synnum, / … mære þurh clæne gecynd (10–11a) «избавленный (букв. отделенный) от грехов, / … славный чистым рождением».

В значительной мере рассказ строится как перечень деяний Божиих, благодаря которым сотворен и продолжает существовать этот мир. Наиболее детально развита в третьей части тема Первотворения, завершающаяся освящением воскресенья – дня, который почитается «во имя Господа» (on drihtnes namon, 30a), благодаря чему рассказ приобретает сотериологический смысл. В частях 4–5 раскрывается тема вечности, так что акцент делается на мире духовном – «святых сонмах» (halige dreamas, 36b), «избранниках» Божиих (þa gecorenan, 42b), среди которых царит «величайшая любовь» (seo mæste lufu, 46b). Однако в последних строках (49–50) поэт вновь возвращается к теме Откровения Божественной Истины через видимые творения Божии, чем подводит читателя к мысли о необходимости Воплощения.

В последней части, включающей словесные переклички с другими частями гимна, суммируется все, высказанное ранее (51–57). Вместе с тем, здесь впервые упоминается человек как творение Божие, наделенное высшими дарами (не только дыханием и жизнью, но также разумом и речью). И это неслучайно: мысль поэта движется от утверждения всемогущества Единого Бога к всемогуществу Христа Спасителя, что проявляется в перекличке концовок начальной и конечной части текста. Ср. Wealdest eall on riht (7b) «Всем Ты правишь по праву» и Swylc is Cristes miht! (57b) «Всесилен Христос!». Подобная композиция, наряду с другими приемами построения текста, позволила монастырскому поэту в компактной и художественной форме объяснить суть христианского вероучения.

Список литературы

1. Beowulf with the Finnsburg Fragment [Текст] / ed. by C.L. Wrenn and W.F. Bolton. – Exeter, 1992. – 303 p.
2. Bosworth-Toller Dictionary on line [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://bosworth.ff.cuni.cz/.
3. The Anglo-Saxon Minor Poems [Текст] / ed. by Elliott van Kirk Dobbie. – New York, 1942. – 220 p.
4. Библейская Энциклопедия Брокгауза Онлайн [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.vrau.net/brokhaus/.
5. Мир и человек в древнеанглийском поэтическом языке и тексте: опыт лингвокультурологического анализа [Текст] / Н.Ю. Гвоздецкая, Е.А. Полякова, А.В. Вишневский, Е.Н. Пастухова, Е.А. Шилова. – Иваново, 2013. – 212 с.
6. Младшая Эдда [Текст] / Издание подготовили О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. Л., 1970. – 255 с.
7. Топорова Т.В. Язык и стиль древнегерманских заговоров [Текст]. – М., 1996. – 214 с.

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ КАК СРЕДСТВО ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Дубинина А.С.
студентка филиала федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова»,
учитель английского языка муниципального образовательного учреждения «Средняя общеобразовательная школа № 3»,
Россия, г. Новодвинск

В данной статье Интернет-ресурсы рассматриваются как средство обучения иностранному языку, путём их интеграции в образовательный процесс. В статье освещаются актуальные вопросы использования сети Интернет, даётся определение данного образовательного средства, рассматриваются его дидактические свойства и подтверждается актуальность их использования при обучении иностранным языкам.

Ключевые слова: информатизация образовательного процесса, Интернет-ресурсы, средство обучения, дидактические свойства.

Глобализация и информатизация всех сфер общества являются неотъемлемыми показателями XXI века.

Развитие связи в экономически развитых странах мира привело к появлению уникальной, удивительной сети Интернет, которую впоследствии начали использовать в образовательном процессе. Учебные Интернет-ресурсы – это текстовые, аудио- и визуальные материалы по различной тематике, направленные на формирование иноязычной коммуникативной компетенции и развитие коммуникативно-когнитивных умений обучающихся осуществлять поиск, отбор, классификацию, анализ и обобщение информации [5, с. 365].

Внимание к данному средству обучения, связано, с одной стороны, с внедрением Интернета и его колоссальных возможностей в образовательный процесс, а также необходимостью поддержания, стимулирования активности и желания учиться учащихся. С другой стороны, с индивидуализацией процесса обучения, которая реализуется более эффективно, посредством новых технологий, ведь учащиеся абсолютно разные как по способностям, склонностям, уровню обученности, так и по психофизиологическим характеристикам.

Использование Интернета сопряжено с приобретением новых перспектив с целью самовоспитания, увеличения уровня и качества образования, самоактуализации. Широкое применение Интернет-ресурсов также рационализирует деятельность человека и расширяет доступ к информации.

Возможности применения новых технологий в образовании весьма широки, с их помощью стремительно возрастает наглядность изучаемого предмета, расширяется информационная база, развивается игровой аспект, благодаря которому появляется возможность рассмотрения различных аспектов изучаемого предмета. И.В. Челышева отмечает, вследствие современных

технологических процессов человек, используя достоинства «паутиной сети», способен реализовать творческие идеи и планы [6, с. 15].

Применение средств глобальной коммуникации помогает учащимся гармонично жить и работать в информационном мире, глубже и многообразнее постигать окружающий мир и эффективнее развивать интеллектуальный потенциал. Также вероятно изменение и пересмотр целей, содержания обучения, увеличивается значимость интегрированных знаний.

Информатизация языкового образования не означает, что современные средства обучения обязаны копировать традиционные с целью достижения тождественных целей. Наоборот, благодаря своим уникальным дидактическим свойствам, наравне с развитием речевых умений и формированием языковых навыков, существующие информационные и коммуникационные технологии позволяют существенно расширить образовательный процесс. Применение в ходе обучения современных средств обучения создает реальные условия для развития у учеников дополнительных умений и стратегий, что было невозможно на основе традиционных средств [3, с. 2].

Вследствие этого, особенную важность и необходимость приобретает вопрос о дидактических свойствах Интернет-ресурсов, владение которыми интенсифицирует образовательный процесс посредством расширения сферы использования.

П.В. Сысоев выделяет 11 дидактических свойств, которыми владеют Интернет-ресурсы и которые оказывают воздействие на интенсификацию образовательного процесса:

- многоязычие и поликультурность;
- многоуровневость;
- разнообразие функциональных типов;
- мультимедийность ресурсов;
- гипертекстовая структура документов;
- возможность создания личной зоны пользователя;
- возможность организации синхронного и асинхронного общения;
- возможность автоматизации процессов информационно-методического обеспечения и организации управления учебной деятельностью обучающихся и ее контроль;
- выстраивание индивидуальной образовательной траектории;
- реализация педагогической технологии обучения в сотрудничестве;
- развитие умений самостоятельной учебной деятельности [4, с. 120].

Анализ этих дидактических свойств Интернет-ресурсов свидетельствует о возможности создания информационной образовательной среды, в которой учащиеся могут формировать языковые навыки, развивать речевые умения и социокультурную и межкультурную компетенции. Интернет-ресурсы способны значительно обогатить языковую и социокультурную практику обучающихся, что иногда невозможно при использовании традиционных средств обучения. Вследствие этого, при подготовке к уроку, задумывая цепочку уроков согласно теме устной речи и чтения, педагогу необходимо при-

нимать во внимание дидактические свойства любого средства обучения, точно зная, для решения какой методической задачи то или иное средство обучения может оказаться самым эффективным [1, с. 8].

Не следует забывать, что, какими бы свойствами ни обладало, то или иное средство обучения или информационно-предметная среда, первичны дидактические задачи, особенности познавательной деятельности учащихся, обусловленные определёнными целями образования. Интернет со всеми своими возможностями и ресурсами – средство реализации этих целей и задач [2, с. 10].

Таким образом, необходимость применения Интернет-ресурсов в обучении иностранному языку объясняется не только перспективой получения необходимой информации на иностранном языке, но и модернизацией самого процесса обучения языку и культуре.

Внедрение Интернет-ресурсов – это не только соответствие веяниям образования, но и новаторство, которым должен обладать современный педагог.

Список литературы

1. Маслыко Е.А., Бабинская П.К., Будько А.Ф., Петрова С.И. Настольная книга преподавателя иностранного языка: справочное пособие. – Мн.: Вышэйшая школа, 2004. – 522 с.

2. Полат Е.С. Некоторые концептуальные положения организации дистанционного обучения иностранному языку на базе компьютерных телекоммуникаций // Иностранные языки в школе. – 1998. – № 5. – С. 6-11.

3. Сысоев П.В. Информатизация языкового образования: основные направления и перспективы // Иностранные языки в школе. – 2012. – № 3. – С. 2-9.

4. Сысоев П.В. Современные информационные и коммуникационные технологии: дидактические свойства и функции // Язык и культура. – 2012. – № 1. – С. 120-133.

5. Сысоев П.В., Евстигнеев М.Н. Использование новых учебных Интернет-технологий в обучении иностранному языку (на материале культуроведения США) // Вестник Тамбовского университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2008. – № 2. – С. 363-371.

6. Челышева И.В. Медиаобразовательное движение России на современном этапе // Медиаобразование. – 2005. – № 5. – С. 4-32.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «FREEDOM»

Дьякова Т.В.
доцент кафедры межкультурной коммуникации и перевода
Волгоградского государственного социально-педагогического университета,
канд. филол. наук, доцент,
Россия, г. Волгоград

В статье рассматривается понятие лексико-семантического поля, его структура, ядерно-периферийные отношения его единиц. Уделяется внимание изучению лексико-семантического поля понятия «freedom» с точки зрения его языковой и понятийной составляющих на примере американского варианта английского языка.

Ключевые слова: лексико-семантическое поле, ядро поля, периферия поля, гипероним, гиперсема.

Ю.С. Маслов определяет понятие семантического поля (семантическое поле и лексико-семантическое поле являются терминологическими синонимами) следующим образом: «Термином семантическое поле обозначают большее или меньшее множество слов, точнее – их значений, связанных с одним и тем же фрагментом действительности. Слова, значения которых входят в поле, образуют тематическую группу более или менее широкого охвата. С точки зрения их внутренних смысловых отношений, слова, принадлежащие к одной тематической группе, должны рассматриваться как некая относительно самостоятельная лексическая микросистема» [1, с. 96].

В рамках семантического поля выделяются разные типы семантических связей: синонимические, антонимические, родовидовые и др. Важнейшая из них – иерархическая связь по линии род – вид между обозначением более широкого множества (более общего, родового понятия), называемого гиперонимом, и обозначениями подчиненных ему подмножеств, входящих в это множество, т. е. «именами видовых понятий» – гипонимами [1, с. 96–97].

Семантическое поле представляет собой системное образование, располагающее определенными структурными связями и отношениями между своими единицами. Собственно семантическая структура поля состоит из следующих частей:

1) ядро поля, которое представлено родовой семой (гиперсемой). Гиперсема поля – семантический компонент высшего порядка, организующий вокруг себя семантическое развёртывание поля;

2) центр поля, который состоит из единиц, имеющих интегральное, общее с ядром и рядоположительными единицами дифференциологическое значение;

3) периферия поля включает единицы, наиболее удалённые в своём значении от ядра, общее родовое понятие здесь оттеснено в разряд потенциальной или вероятностной семантики. Периферийные единицы могут иметь контекстуальное значение, если поле строится по определённому тексту произведения. Обычно периферийные единицы поля могут вступать в контакт с другими семантическими полями, образуя лексико-семантическую непрерывность языковой системы.

А. М. Кузнецов выделяет следующие критерии для разграничения центра (ядра) и периферии семантического поля:

1) значение центрального слова не может быть уже какого-либо другого слова, кроме главного – гиперсемы данного семантического поля;

2) центральные слова обладают достаточно широкой лексической и грамматической сочетаемостью;

3) центральные слова обладают большой психологической важностью для носителей языка;

4) слова, представляющие собой недавние заимствования из других языков, чаще всего, не будут относиться к центральным;

5) центральные слова являются достаточно простыми по морфологическому составу [2].

Языковые единицы ядра семантического поля отмечаются концентрацией смыслообразующих или интегральных признаков, в то время как периферийные слова:

1) имеют неполный набор ядерных признаков или имеют только их варианты с ослабленной интенсивностью;

2) обладают достаточно низкой грамматической и лексической сочетаемостью;

3) могут являться заимствованными словами;

4) отличаются сложным морфологическим составом;

5) могут быть эмоционально окрашенными, разговорными и т.д. [3, с. 2–3].

Для построения лексико-семантического поля «freedom» нами были выбраны слова, которые без сомнений принадлежат к данному ЛСП (лексико-семантическому полю): «freedom», liberty, license».

«*Freedom, liberty, license mean the power or condition of acting without compulsion. Freedom has a broad range of application from total absence of restraint to merely a sense of not being unduly hampered or frustrated. Liberty suggests release from former restraint or compulsion. License implies freedom specially granted or conceded and may connote an abuse of freedom*» [4].

Таким образом, мы видим, что в данном ЛСП слово «freedom» является гиперсемой, слова «liberty» и «license» – являются смысловым центром поля, т.е. гиперонимами. Остальные же слова из полученной нами выборки находятся на периферии и являются гипонимами.

Freedom

1. the right to do or say what you want without anyone stopping you;

2. the state of being able to do what you want, without anything stopping you;

3. the state of not being a prisoner or slave;

4. the state of not being affected by the thing mentioned;

5. permission to use something without restriction.

Liberty

1. the quality or state of being free:

- the power to do as one pleases;
- freedom from physical restraint;
- freedom from arbitrary or despotic control;
- the positive enjoyment of various social, political, or economic rights and privileges;
- the power of choice;

2. – a right or immunity enjoyed by prescription or by grant;

- permission especially to go freely within specified limits;

3. an action going beyond normal limits:

- a breach of etiquette or propriety;
- a violation of rules or a deviation from standard practice;

- a distortion of fact;

4. a short authorized absence from naval duty usually for less than 48 hours.

License

1. the approval by someone in authority for the doing of something;

2. the granting of power to perform various acts or duties;

3. the right to act or move freely [4].

В основе отбора лежит интегральная сема «отсутствие скованности, стеснения, запретов». При построении данного ЛСП необходимо использовать слова одной части речи – существительные. Используя различные словари (Merriam-Webster's Thesaurus on-line; Roget's New Millennium Thesaurus on-line; Reverso Thesaurus; Oxford Advanced Learner's Dictionary on-line) мы начали строить ЛСП, опираясь на основные выделенные слова. При построении учитывались:

1) слова, синонимичные и антонимичные выбранным понятиям;

2) слова, смежные выбранным понятиям;

3) слова, толкуемые через выбранные понятия.

Ниже приведены примеры некоторых синонимов и антонимов к ключевым понятиям ЛСП:

Independence, Sovereignty, Autonomy, Self-determination, Self-governance, Dependence/ reliance, Heteronomy, Unfreedom, Latitude, Free hand, Authorization.

Далее следуют примеры смежных слов с ключевыми понятиями ЛСП:

Release, Alternative/ discretion/ druthers (dialect)/ selection/ preference/ option/ pick), Self-subsistence/ self-reliance/ self-dependence/ self-support/ self-sufficiency, Liberation/ manumission/ emancipation, Enfranchisement, Carte blanche, Leeway, Wiggle room, Coercion/ duress/ force, Duty/ obligation, Will/ volition, Subjection, Servitude/ enslavement/ thralldom/ yoke.

Для полного понимания картины далее приведены примеры слов, толкуемых через понятия «freedom», «liberty», «license»:

Access, Decompression/ leisure/ relaxation, Repose/calmness/ hush / peace/ peacefulness/ placidity/ quietness/ restfulness/ sereneness/ serenity/ stillness/ tranquility, Blamelessness/ innocence/ faultlessness/ guiltlessness, Discretion.

И это далеко не полный список слов и выражений, принадлежащих к семантическому полю «freedom». В общей сложности их насчитывается более 100. Данное исследование показывает глубину и значимость понятия «freedom» в американском варианте английского языка. Большое разнообразие синонимичных и смежных понятий является свидетельством того, что данное понятие обладает более глубоким значением, нежели только понятийным, и обрастает множеством связей и интерпретаций. Недаром понятие «freedom» выступает в качестве ключевых американских ценностей.

Список литературы

1. Маслов Ю. С. Введение в языкознание. – Учебник для филологических специальностей вузов. М.: Высшая школа, 1987. – 272 с.

2. Кузнецов, А. М. Структурно-семантические параметры в лексике. – М.: Высшая школа, 1989. – 302 с.

3. Елохова Г. В. Понятие функционально-семантического поля как метода систематизации разноуровневых языковых средств. – Абакан: Издательство Хакасского Технического Института, 2012. 7с. [Электронный ресурс]. URL: http://www.sworld.com.ua/konfer28/579.pdf
(дата обращения: 15.12.14).
4. Merriam-Webster's Thesaurus on-line. [Электронный ресурс]. URL: http://www.merriam-webster.com/ (дата обращения: 18.12.14).

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ-ЧИСЛИТЕЛЬНЫМ КАК НОСИТЕЛИ КУЛЬТУРНОГО КОДА

Катермина В.В.
профессор кафедры английской филологии ФГБОУ ВПО Кубанского государственного университета, д-р филол.наук, профессор,
Россия, г. Краснодар

Липириди С.Х.
студентка IV курса факультета романо-германской филологии ФГБОУ ВПО Кубанского государственного университета,
Россия, г. Краснодар

Статья посвящена рассмотрению английских и русских фразеологических единиц с числовым компонентом. В тексте проводится подробный анализ данных единиц, отражающих дополнительные коннотации, которые помогают выявить национально-культурные особенности определенного этноса. В статье подчеркивается, что имя числительное обладает образностью и эмоциональностью, выступая неким транслятором особой национальной символики чисел.

Ключевые слова: язык, культура, код культуры, фразеологизм, числовой компонент.

Как известно, лингвокультурологический анализ осуществляется через коды культуры, которые воплощаются во фразеологических единицах. По мнению В.Н.Телии, код культуры есть система культурных представлений определенного общества о картине мира, мировоззренческие взгляды. В эту систему, как известно, входят артефакты, природные явления, элементы содержания национального сознания, присущие ей особенности восприятия времени, пространства, количества и качества [3, с. 15]. Так, код культуры является системой культурных представлений определенного общества о картине мира.

Традиционно считается, что числовой код пронизывает все национальные культуры, еще с древних времен числам приписывали скрытый смысл и возможность влияния на все окружающее. По данным этнолингвистических наблюдений само человеческое тело стало прообразом и источником всех количественных и пространственных представлений. Отсюда и разные системы счисления: пятеричная (5 пальцев руки), десятичная (пальцы обеих рук), двадцатеричная (пальцы рук и ног).

Не вызывает сомнения тот факт, что познание числа сыграло большую роль в практической деятельности людей, т.к. «... без числа немыслима не только любая наука, но и любое отношение к жизни. Число дает не только меру вещей, но и простую связь явлений, и здесь язык неизбежно связан с числом в развитии человеческого мышления от диффузно-предметных попыток первобытного человека до современного понимания числа и чисел, во всем математическом и философском разнообразии числовых возможностей» [1, с. 212].

Мы разделяем точку зрения А.А.Уфимцевой, которая писала: «В основе знакового значения имен числительных лежит понятие математического числа, ограниченного фактически одним отличительным признаком, выделяющим данное число из ряда других. Подобно именам собственным числительные носят на себе печать выделения, отграничения одного признака количества от другого, не выражая собой никакого содержательного понятия» [4, с. 161].

Принято считать, что во фразеологических единицах имя числительное обладает образностью и эмоциональностью, выступая неким транслятором особой национальной символики чисел.

В рамках нашего исследования были отмечены случаи несовпадения символики числовых компонентов во фразеологических единицах английского и русского языков: second cousin twice removed – седьмая вода на киселе; on cloud nine – на седьмом небе от счастья; the tenth wave – девятый вал; one might as well be hanged for a sheep as (for) a lamb – семь бед – один ответ; one should not keep many waiting – семеро одного не ждут; X says one thing one day and another the next – семь пятниц на неделе; X bent double – в три погибели; fifth wheel – третий лишний.

Фразеологизм «second cousin twice removed» имеет русский аналог «седьмая вода на киселе». Так говорят о человеке, который находится в крайне отдаленном родстве с кем-либо. Происхождение этого оборота связано с изготовлением киселя, представляющего собой жидкую студенистую массу. Если кисель долго стоит, то он теряет свои вкусовые качества и на нем появляется слой воды. Седьмая вода – вода, появившаяся на длительно стоявшем киселе седьмой раз, отчего её вкус ничего общего с киселем уже не имеет. Числительное семь употреблено здесь обобщенно-символически, как и в других русских пословицах и поговорках, поэтому оно варьируется. Следует подчеркнуть, что числительное «семь» связано с семьей: «семь» называет большое количество детей.

В ходе изучения фразеологических единиц с числовым компонентом было зафиксирован фразеологизм «on cloud nine». Ее русский аналог – «на седьмом небе от счастья». Если в английском языке счастье ассоциируется с девятым облаком, то в русском языке – с седьмым небом. Отметим, что число «семь» имеет особое место в жизни русского народа. Это и семь богов древнерусского пантеона, и семь небес, и многие другие семеричные символы.

Интересен и фразеологизм «the tenth wave», который дословно значит «десятый вал». Однако русским аналогом является «девятый вал»: как из-

вестно, это символ страшной опасности, сильное проявление чего-либо грозного. Отмечено, что данное выражение возникло в результате метафоризации словосочетания с конкретным значением самой опасной девятой волны во время бури.

Выделяется и фразеологизм «fifth wheel», который в русском языке принимает немного другой числовой компонент «третий лишний». Число «три» в русской культуре олицетворяет одно из самых высоких христианских понятий – Троицу. Данный фразеологизм можно использовать по отношению к лишнему человеку или предмету.

Отдельно нами выделяется группа фразеологизмов, которая в своем значении только в английском языке имеет числовой компонент: first-class – будь здоров; between two fires – играть с огнем; one has only (to do sth) – лиха беда; neither one thing nor the other – ни Богу свечка, ни черту кочерга; once in a blue moon – в кои-то веки; once bitten twice shy – пуганая ворона и куста боится; one against the other – грудь на грудь; big (fat) zero (nothing) – дырка от бублика; one of the ten plagues of Egypt – Египетская казнь; go(do) number two – большая нужда; go(do) number one – малая нужда.

Как известно, фразеологизм «one of the ten plagues of Egypt» имеет следующее: согласно книге Исход, Моисей требовал от фараона освобождение его народа, обещая при этом, что в противном случае Бог накажет Египет. Однако Фараон не послушался, и на Египет были обрушены 10 бедствий. Отсюда и возник фразеологизм «Египетская казнь».

Согласно вышеуказанной модели нами была выделена группа фразеологизмов, которая в своем значении имеет числовой компонент только в русском языке: hot air – сорок бочек арестантов; say all kinds of things – семь верст до небес; exposed (open) to the wind(s) – на семи ветрах; promises demand patience – обещанного три года ждут; a dose of lead – девять грамм; X is of little (minor) significance – это дело десятое; neither fish nor fowl – ни два ни полтора; on the verge of becoming a [NP] – без пяти минут; too many cooks spoil the broth (the soup) – у семи нянек дитя без глазу; everybody’s business is nobody’s business – у семи нянек дитя без глазу; X sweated blood – семь (десять) потов сошло.

Так, фразеологизм «hot air», имеющий русский аналог «сорок бочек арестантов», имеет очень интересное происхождение. Как известно, ядром этого выражения является «бочка», символизирующая большое количество чего-либо. А само числительное «сорок» еще более усиливает семантическую экспрессивность выражения. Слово «арестант» в составе фразеологизма имеет особое значение, так рыбаки называли «мелкую сушеную рыбку». Отсюда есть и выражение «наговорить сорок бочек арестантов», что означает «нарассказать всяких небылиц о якобы огромном улове».

Следует подчеркнуть, что концепты «число, счет» тесно связаны с развитием культуры. Это положение четко освещается в труде Ю.С. Степанова с преимущественным вниманием к русской культуре [2].

В заключение анализа приведенных выше единиц можно сделать вывод, что метафорическое и символическое смыслообразование во фразеоло-

гизмах с числовым компонентом в сопоставляемых языках базируется на системе культурных и образных ассоциаций и отражает своеобразный, исторически сложившийся способ интерпретации мира человеком русской или английской культуры.

Список литературы

1. Реформатский, А.А. Число и грамматика // Вопросы грамматики (сб.статей к 75−летию акад. И.И. Мещанинова). – М., 1960. С.300−402.
2. Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – М., 1997. – 824 с.
3. Телия, В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // В.Н. Телия. Фразеология в контексте культуры. – М., 1999. С. 13−24.
4. Уфимцева, А.А. Типы словесных знаков. /А.А. Уфимцева. – М., 1974. – 206 с.

ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ НА РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Кузнецова И.Н.
ст. преподаватель кафедры филологии Казахстанского филиала Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, магистр образования,
Казахстан, г. Астана

Статья посвящена актуальной проблеме лингвистики. Процесс заимствования из английского языка протекает в современном русском языке достаточно интенсивно. Эта проблема рассматривается в статье с позиции подготовленного лингвиста. Статья помогает по-новому увидеть проблему заимствований, понять системность процесса освоения новых слов. Публикация будет интересна читателям и полезна специалистам.

Ключевые слова: заимствование, коммуникативная лингвистика, межкультурная коммуникация, коммуникант.

Л. П. Крысин в работе «О русском языке наших дней», анализируя поток иноязычной лексики на стыке XX и XXI веков, полагает, что распад Советского Союза, активизация деловых, научных, торговых, культурных связей, расцвет зарубежного туризма вызвали интенсификацию общения с носителями иностранных языков [1, с. 57]. Вслед за Л.П. Крысиным, мы полагаем, что появление и закрепление большого количества иноязычных слов в русском языке объясняется стремительными переменами в общественно-политической, экономической и научной жизни страны. Этому способствуют расширение международных контактов, усиление информационных потоков, развитие мирового рынка, экономики, информационных технологий, возникновение глобальной компьютерной системы Интернета, накопление и обмен опытом, участие в международных фестивалях, показах мод, спортивных олимпиадах.

На рубеже веков приоритетным направлением в коммуникативной лингвистике становится межкультурная коммуникация, изучающая диалог культур. «Задачами межкультурной коммуникации является определение

«зон напряжения» при международных контактах, предотвращение коммуникативных неудач, трансляция с языка на язык лингвокульторологических концептов» [2, с. 83]. Для эффективного общения коммуникантов, владеющих разными языками, а именно английским и русским, используют термины, понятные всем участникам диалога. Количество терминов в любом развитом языке во много раз больше общеупотребительной лексики. Необходимость в новых понятиях научно-технической сферы является основной причиной увеличения заимствования терминов в наши дни. М.А. Брейтер назвал такую немаловажную причину заимствования как отсутствие *соответствующего понятия в когнитивной базе языка-рецептора* [3, с. 35]. Происходит это в том случае, когда для обозначения определённого понятия, явления жизни, соответствующего той или иной стране или структуре, сразу не находится точного определения для названия предмета или действия, но это понятие более полно и точно можно передать заимствованным словом.

В русском языке процесс заимствования слов в качестве терминов происходил постоянно, сегодня он стал особенно интенсивен. Это связано с теми процессами и событиями произошедшими в обществе, которые не могли не оказать влияния на развитие русского литературного языка и появление новых гуманистических запросов современной эпохи, а также осознание языка как средоточия сути человека. «Всё, что происходило в языке на рубеже тысячелетий и происходит в наши дни, является отражением событий в жизни общества, – пишет З.П. Табакова, – переоценка ценностей, крушение идеалов, неуверенность в завтрашнем дне – через всё это прошли наши современники. И весь этот разлом, неразбериха, как в зеркале, отразились в языке» [4, с. 6] Особенностью сегодняшнего дня является полное заимствование слов английского происхождения. Язык быстро реагирует на потребности человека. Рост национального самосознания способствует развитию общества, развитию и усложнению языка. Как пишет Т. Надточева: «Язык – дерево и плод одновременно, эссенция национального духа и сознания, это живой организм, который влияет и испытывает влияние» [5, с. 104].

В наш век, когда в экономике занята основная часть человечества, когда идёт процесс утраты старых экономических отношений и появляются новые, каждому из нас приходится искать свой собственный путь, свою траекторию в нестабильной экономической системе, особенно в условиях мирового кризиса. Естественно формируются новые стереотипы мышления и общения.

Актуально сегодня использовать Интернет-сеть в целях получения, обмена и отправки информации. Например, население имеет возможность общаться с администрацией страны, города, села. Так, в газете «Квартал», в докладе Акима Серика Билялова читаем: «…В области функционирует виртуальная приёмная и *блог* [англ. blog – дневник он-лайн] акима области на официальном *сайте* [англ. site – помещать, располагать] Северо-Казахстанской области, а также *виртуальные* [англ. virtual – виртуальный] приёмные акимов районов и города Петропавловска, местных исполнителей органов на официальных *сайтах* соответствующих государственных органов. Имеются постоянные рубрики по обращению граждан в печатных СМИ, а также проводятся

прямые эфиры *интернет*-конференции с руководителями государственных органов, – говорит С. Билялов и призывает жителей области напрямую задавать вопросы и получать на них ответы…» [газ. Квартал, ст. «Задачи решаемы», 11.11.14.].

Интернет расширяет возможности во всех сферах нашей жизни, так при помощи Интернет-сети можно произвести оплату коммунальных или любых других услуг. В статье «Квартплата *онлайн*» читаем: «…Комиссия за *онлайн-платёж* обычно не превышает 50 тенге (при оплате наличными эта сумма составляет 75-150 тенге за квитанцию). При «виртуальном» платеже не нужно обналичивать средства с платёжной карточки…» (ж. «Добрые советы», май 2013). Такую услугу называют – *Интернет-банкингом* [англ. Internet + banking – банковские услуги]. Приведём в пример выдержку из статьи упомянутой выше: «…Новейшие технологии позволяют сделать пользование *интернет-банкингом* полностью недоступным для несанкционированного перехвата или искажения…» [ж. «Добрые советы», май 2013]. Заимствования *онлайн* и *Интернет-банкинг* вошли в русский язык с прямым значением, сохранив звуковую форму, адаптировались и широко используются как в специфической сфере, так и в быту. Англицизмы принадлежат разным научным или экономическим сферам, человек, в силу своей некомпетентности, трактует их по-своему. В результате этого специфические термины могут менять сферу употребления. Так, в бытовой речи популярна сегодня фраза – быть *онлайн* ([англ. on-line] – быть на связи). Фраза широко употребляется в повседневной жизни в значении «быть доступным в качестве телефонной связи» в первом значении и с обобщённым нечётким значением: «быть всегда готовым, быть лёгким на подъём». Приведём в пример отрывок из статьи «Будьте счастливы немедленно» из журнала «Космополитен»: «…Торопя настоящее, мы непростительно несправедливы к нему. Потому что именно текущий момент и есть настоящая жизнь, а вовсе не размытые воспоминания и неясные фантазии о будущем. Жизнь в режиме *онлайн*…». Следствием заимствования является изменение сферы употребления термина или употребление термина метафорически, после чего обычно происходит переход к устойчивому значению, обобщению специального значения в процессе употребления. Заимствование приобретает эмоциональную окраску, препятствующую его профессиональному восприятию.

Активная и преуспевающая часть людей нашего общества спешит легализовать собственное понятие о языковой норме для делопроизводства и различных сфер бизнеса, исходя из сугубо утилитарных соображений. Чрезмерное употребление иноязычной лексики, возможно, является результатом нездоровых амбиций. Как пишет А.Ф. Абдулина: «Следствие этого – неупорядоченность, распространённость синонимии и полисемии, взаимодействие с общеупотребительной лексикой» [6, с. 89].

Интенсивное заимствование англицизмов в последнее время, по нашему мнению, затрудняет понимание простых вещей людьми, не владеющими английским или не владеющими специальным английским, например, в области техники, медицины, информационных технологий и т.д. Необходимо

отметить и факт использования новых заимствований в качестве модной тенденции. Крысин Н.А. пишет: «Многие из нас считают иностранное слово *престижным* по сравнению с соответствующим словом родного языка: *презентация* выглядит более респектабельно, чем привычное русское *представление, эксклюзивный* – лучше, чем *исключительный, топ*-модели – шикарнее, чем *лучшие модели*» [7, с. 62].

Список литературы

1. Крысин, Л.П. Русское слово, своё и чужое, 2004, ISBN, 5-94457-183-7.

2. Маслова, В.А. Современные направления в лингвистике. М.: АКАДЕМИЯ, 2008. – 265 с.

3. Брейтер, А. Англицизмы в русском языке: история и перспективы: Пособие для иностранных студентов-руссистов. – Владивосток: изд-во «Диалог» // цитируется по А.И. Дьяков. Причины интенсивного заимствования англицизмов в современном русском языке. //Язык и культура. – Новосибирск, 2003. – 35-43 с.

4. Табакова, З.П. Этнопоэтика. – Петропавловск, 2008. – 6 с.

5. Надточиева, Т. Американская экспансия как фактор деградации русского языка. //«Юность». №11. 2003. – 112 (104-111) с.

6. Абдулина, А.Ф. Проблемы изучения термина в составе языков для специальных целей. Тезарусно-сетевое моделирование в исследовании терминологии (на материале экономической терминологии) // Теоретические проблемы языкознания. Сборник статей к 140-летию каф. Общего языкознания филологического факультета С – Петербургского государственного университета. – С – Петербург, 2004. – 88-90 с.

7. Крысин, Н.А. Жив ли «живой как жизнь». //«Журналист», № 1.2000. – 62-63 с.

ПАРОДИЙНОЕ НАЧАЛО В АВАНТЮРНО-ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОМ СЮЖЕТЕ РОМАНОВ М. АЛДАНОВА «ДЕВЯТОЕ ТЕРМИДОРА», «ЧЕРТОВ МОСТ» И «ЗАГОВОР»

Макрушина И.В.
доцент кафедры русской и зарубежной литературы Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета, канд. филол. наук, доцент,
Россия, г. Стерлитамак

В статье исследуется пародийная рецепция «Фауста» Гете в авантюрно-приключенческом сюжете романов М. Алданова «Девятое Термидора», «Чертов мост» и «Заговор» при создании образа Ю. Штааля. Автор работы выявил, что писатель высмеивает фаустовские претензии нарочито заурядной личности, чьи похождения сообщают повествованию занимательность. Статья адресована филологам и всем интересующимся творчеством виднейшего исторического прозаика русского зарубежья М. Алданова.

Ключевые слова: фаустовский архетип, гипертекстуальность, приём «асимметричного варьирования», реминисцентный пласт.

Реминисцентный пласт в произведении выполняет двоякую функцию: 1) обеспечивает культурный диалог разных эпох; 2) выступает необходимым смысловым и структурным компонентом создаваемого текста. М. Алданов, выдающийся исторический прозаик I волны русской эмиграции, по праву

может считаться одним из самых «литературных» авторов. В его книгах многочисленны «отсылки» к творческому наследию русских и европейских писателей: А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Гоголя, В. Гюго, А. Франса и др. Интертекст, присутствующий в произведениях Алданова на уровне цитации, аллюзий, реминисценций, а также образного и сюжетного варьирования [4, с. 8], становится их необходимым структурным компонентом и содержит в себе мощный эстетический потенциал.

«Фауст» И.В. Гёте породил многовековую интерпретационную литературную традицию. М. Алданов, безусловно, был хорошо знаком с произведениями Гёте. Немецкий классик часто упоминается и неоднократно цитируется в его романах. В статье, посвящённой столетию со дня смерти выдающегося поэта («Современные Записки». – 1932. – № 49.), Алданов писал: «В катастрофические времена мы особенно обязаны помнить о бесспорном. А Гёте бесспорнее всего... Гёте, конечно, самая великая умственная ценность истории». Это вполне объясняет, почему писатель избрал Фауста и Мефистофеля прообразами многих своих героев. Трагедия Гёте ознаменовала собою новый этап в литературном осмыслении фаустовской темы, с её появлением началась вторичная мифологизация образа Фауста. По мнению В. Белоусовой, в сознании последующих интерпретаторов «… существует, в первую очередь, Фауст Гёте и лишь затем … мифологические и легендарные коннотации» [2, с. 139]. Таким образом, мотивы, образы, сюжетные положения гётевского шедевра функционируют в более поздних трансформациях в качестве архетипических.

Исследуя рецепцию «Фауста» Гёте в творчестве Алданова, позволяющую говорить о включённости писателя в давнюю интерпретационную литературную традицию, мы будем пользоваться понятием «фаустовский архетип» (и производными от него по аналогии) в значении гётевский прообраз, к которому восходят фаустовские персонажи Алданова. Эффективнее, на наш взгляд, осмыслять концептуальную трансформацию фаустовского архетипа в романах Алданова, опираясь на методику интертекстуального анализа, позволяющего выявлять тонкие и сложные межтекстовые связи.

«Девятое Термидора» открывает тетралогию М. Алданова «Мыслитель», охватывающую период Французской революции и наполеоновских войн, в серию также вошли книги: «Чёртов мост», «Заговор», «Святая Елена, маленький остров». Каждый из романов представляет собой самостоятельное законченное целое, но связанное общностью исторической эпохи с другими произведениями. Писатель воссоздаёт крупные события русской и европейской истории: термидорианский переворот 1794 года, переход Суворова через Альпы, убийство императора Павла в Михайловском замке; завершает тетралогию изображение последних месяцев заточения Наполеона и его смерти.

В тетралогии «Мыслитель» в сюжетной линии, связанной со Штаалем, Алданов прибегает к *пародированию* гётевской трагедии. В свете теории интертекстуальности в соответствии с классификацией типов взаимодействия текстов, предложенной Ж. Женеттом в его книге «Палимпсесты: литература

во второй степени» (1982), пародирование, обнаруживающее полемико-ироническое мастерство писателя, рассматривается как *гипертекстуальность*. Обращаясь к фаустовскому архетипу, Алданов дегероизирует, до конца опошляет образ, подвергнув его содержательной редукции. По наблюдению Г.В. Якушевой, дегероизация, связанная с иронией, «этим известным эстетическим способом отчуждения, проявляется в подчёркнуто бытовом снижении образа, в обстановке действия, желаниях и поступках измельчавшего героя, в стилистике его речи» [5, с. 233].

Писатель пародирует ряд сцен из «Фауста» при создании образа вымышленного персонажа – Юлия Штааля, человека заурядного, через призму которого изображаются события истории. Перипетии судьбы нарочито непримечательного героя и связанный с ним авантюрно-приключенческий план сообщают повествованию занимательность. «Проецируя» образ Штааля на образ Фауста, Алданов использует приём «асимметричного варьирования» – иронического развенчания персонажа [3, с. 115].

Очень честолюбивый молодой человек, выпускник Шкловского военного училища, Штааль в ожидании предстоящих великих свершений избрал для себя стиль кабинетного учёного («Девятое Термидора»). Величественная поступь века Просвещения ознаменовалась торжеством научной истины, которую вобрала в себя «Энциклопедия» Дидро. Однако благоговейное прикосновение Штааля к книжной мудрости знаменитого словаря не возымело на него «освобождающего» воздействия. Вследствие беспросветной путаницы, сделавшейся в голове юноши от чтения книг, «без руководства и... разбора», он решается посмотреть мир и людей, «испытать *все*, пройти через *все*, чтобы *смысл* жизни пришёл сам собою...» [1, с. 59] (выделено автором). Штааль выбирает путь великого Декарта, который тоже в юные годы, оставив кабинетную науку, погрузился в изучение «великой книги мира». Такова предыстория молодого человека, в которой пародийно обыгрывается завязка бессмертной трагедии Гёте:

На полках книги по стенам
До сводов комнаты моей –
Они лежат и здесь и там...
Таков твой мир! И это мир!
О, прочь! Беги, беги скорей
Туда, на волю!...
Я кинусь в шумный времени поток,
В игру случайностей, куда забросит рок,
И пусть страданье и отрада,
И пусть удача и досада
Причудливой промчатся чередой...

В свет Штааля выводит Иванчук – секретарь при особе высшего сановника Российской империи Безбородко. Ловкий пройдоха и карьерист, Иванчук приставлен к юному «ловцу фортуны» в качестве бывалого провожатого. В алдановской пародийной трактовке «потусторонний посланец» подвергнут демистификации. Иванчук – это «сниженный» Мефистофель, утративший

свою величественность мелкий бес повседневности. Штааль попадает «в кружок веселящейся... *молодёжи*, состоявший большей частью из богатых, знатных и чиновных людей в возрасте от семнадцати до семидесяти лет» [1, с. 73] (выделено автором). Эта петербургская глава «великой книги мира», с ночными поездками по увеселительным местам и кутежами на загородных дачах, чрезвычайно понравилась герою. Упомянутая веха на пути «грандиозных свершений» отсылает нас к соответствующему гётевскому эпизоду, в котором Мефистофель ведёт Фауста в погребок Ауэрбаха, где предаются разгулу студенты:

Тебя ввожу я с первого же шага
В весёлый круг. Вот буйная ватага:
Взгляни, как жить возможно без забот!
Для них – что день, то праздник настаёт.
С плохим умом, с большим весельем, в мире
Ребята скачут в танце круговом...
Им только б был кредит в трактире
Да не трещала б голова, –
Так всё на свете трын-трава!

Вступив в повествование в качестве юного кандидата в фавориты престарелой Екатерины II, молодой человек вскоре становится тайным агентом сразу двух разведок (русской и английской) и попадает в революционный Париж, рассчитывая своими наблюдениями оказать союзной коалиции неоценимые услуги. Штааль предполагал «в докладе Питту и императрице осветить глубокие причины революционных событий и сделать соответствующие выводы, которые могли бы иметь значение для дела монархов» [1, с. 200]. Тщеславные устремления авантюриста, мечтающего разбогатеть и сделать блестящую карьеру, неизменно приводят к неудачам. Штааль не имеет твёрдых идейных и моральных принципов и потому чрезвычайно зависим от чужих мнений. Юношеская инфантильность чревата подражательностью. Молодой человек постоянно стремится походить на кого-то из знаменитых. Так, направляясь в Лондон с секретной миссией, Штааль представляет себя фельдмаршалом Румянцевым-Задунайским в походе, а, оказавшись во Франции, пытается в подражание Карамзину начать «Журнал путника». Витиеватый и очень фальшивый стиль его писаний грешит пошлостью («замечем неприятеля даже шапками» [1, с. 181]). Ученичество героя, помноженное на невежество, оборачивается обезьяньим передразниванием и опошлением всего, с чем он соприкасается.

Пародийность достигает кульминации с появлением в жизни Штааля Маргариты Кольб (выбор имени героини, разумеется, не случаен). Скромная и чистая гётевская Маргарита олицетворяет собой мир простых чувств, естественного существования. Фауст возле неё надеется обрести полноту жизненного счастья, земной, человеческой радости. По контрасту с кроткой и ангелоподобной Гретхен, мечтавшей о верной любви до последнего вздоха, «избранница» Штааля предстаёт исчадием ада. Образ Марго гротескно перелицовывает и саркастически пародирует персонаж Гёте. В инверсии Алдано-

ва страшным демоном, ввергающим в бездну погибели, становится женский образ, а юный герой оказывается в положении «несчастной жертвы», коварно соблазнённой: «После получаса знакомства она очень просто... в форме краткого приказа – выразила желание стать любовницей Штааля» [1, с. 208]. Эта изломанная, неестественная женщина, плохо играющая демонизм, вызывает у юноши чувство страха и отвращения. Грубый физиологизм деталей развивает тему брезгливости: мокрая рука без перчатки, несвежее белье, жадная манера есть. Её пухлые, оттопыренные губы, придающие лицу выражение хищности, говорят о злом и очень опасном существе, способном погубить. Грязная и скучная связь подоплёкой имеет агентурные игры: госпожа Кольб состоит на службе у революционной полиции и может быть полезна британской разведке. В литературной перелицовке гётевского оригинала Алданов «опирается на принцип контрастного противопоставления: страдания трагически одинокой Гретхен, преданной «власти бесчувственно осуждающего человечества», и фальшивый мелодраматизм продажной Марго, во всём облике которой дешёвое комедиантство хохочущей злодейки» [3, с. 118]. Штааль, чувствуя нависшую над ним беду (герой не знает для чего «madame» к нему «приставлена», какова её политическая миссия), в панике *спасается* от Маргариты бегством, позабыв о своей секретной службе.

Содержательная суть фаустовской мифологемы представлена мотивом дерзости познания. Фауст в начале своего пути одержим мечтами постичь *«... все тайны, /Всю мира внутреннюю связь...»*. Персонаж Алданова, делая первые, довольно сомнительные шаги на пути освоения «книги мира», тоже озабочен поисками смысла жизни, глубокого и вечного: «Мудрость столетий откроется мне... Я пойду в мир искать её!» [1, с. 316]. Гётевский Фауст, несущий в себе мощный заряд энергии и таланта, в пародийной интерпретации Алданова превращается в пошлого и заурядного типа. Писатель, «сняв» масштабность героя, высмеивает фаустовские амбиции Штааля.

Следующей аллюзией на тему «Фауста», парафразирующей гётевскую сцену «Кухня ведьмы», становится эпизод посещения Штаалем притона, скрытого под вывеской игорного дома («Заговор»). Фауст, приведённый Мефистофелем к ведьме, подвергается колдовским чарам и пьёт волшебный напиток, который превращает его в юношу, ищущего пылкой любви. «Старая ведьма» – содержательница «весёлого заведения» – поит Штааля «масляным зельем» (гашишом), приглашая придаться любовным утехам (ср.: *Черти же круг, промолви заклинанья/ И влей в стакан напиток чудный…/ Живее пей до дна бокал – /И ты мгновенно ободришься*). Давамеск приносит юноше удачу: крупный выигрыш в карточной игре. Однако «золото», полученное с помощью «дьявольского наваждения», оказывается не счастливым. Покинув притон, Штааль в наркотическом угаре ввязывается в уличный скандал с полицией и попадает в казематы Тайной канцелярии.

Алданов подвергает модернизации многие сцены из «Фауста», давая им возможность новой жизни. Штаалевские похождения организуют приключенческий сюжет трех романов. Беспутный герой плывёт по течению, становясь невольным свидетелем событий большой истории. Участие в

швейцарском походе князя Италийского («Чёртов мост») становится важной вехой в его биографии. Бездонные пропасти Альп, гибель приятелей заставляют Штааля задуматься о прожитой жизни. Однако ему так и не удаётся переломить свою суетливую судьбу. Иронически обыгрывается гётевский мотив «сделки с дьяволом» в размышлениях героя накануне предстоящего перехода: «Да, это будет началом моей новой жизни... Мост в новую жизнь. *Чёртов мост в новую жизнь*...» [1, с. 593] (выделено мною. – И.М.). Ирония достигается благодаря двусмысленности последней фразы, точно характеризующей ситуацию, в которой оказался Штааль. С одной стороны, это реальный каменный мост над пропастью, по которому с боем переходят русские войска под командованием Суворова (по швейцарскому поверью ущелье выстроил сам сатана, поэтому мост прозвали Чёртовым); с другой стороны, во всём, что происходит с героем, угадывается дьявольское участие. Ведомая бесом, совсем измотавшаяся душа Штааля часто оказывается на чёртовом перекрестке.

Гётевский Фауст идёт на сделку с чёртом ради обладания знанием, с помощью которого можно изменить мир и жизнь людей, приблизиться к Богу в возможности творить. Это ищущая натура, дерзновенно ломающая запреты и традиции, натура демоническая, несущая в душе космос и хаос, добро и зло. Подвергнув «иронической перелицовке идею плодотворности союза человека с дьяволом, Алданов изображает Фауста измельчавшего, целиком поглощённого чёртом» [3, с. 119]. Мечтающий о прекрасных женщинах, почестях, богатстве, Штааль идёт по жизни «путём превратным», откликаясь на все греховные соблазны. Характерна сцена на петербургском Лазаревском кладбище. Праздный герой – детина отменного здоровья, любопытствуя, глумится над эпитафиями надгробий, которые забавляют его своей торжественностью. Личину мрачного мизантропа, хохочущего над человеческой бренностью (маска человеконенавистника подсказана ему Ламором), Штааль охотно меняет на образ Жульчика, которым он становится, отправляясь в игорный дом. Вехи на пути последовательного превращения этого персонажа в объект насмешки и сожаления комически отображаются через портрет Жан Жака Руссо в восприятии его Штаалем: «Руссо... посмотрел на <Штааля> с крайним отвращением и затем как будто даже отвернулся...» [1, с. 197]; и позднее: «... на близком расстоянии лицо <философа> выражало совершенное омерзение» [1, с. 214].

При создании образа Штааля в оценке Алданова появляются завершающие иронико-юмористические интонации. Писатель выступает в качестве «разоблачающего субъекта». Проецируя образ Штааля на образ Фауста, Алданов, опираясь на приём «асимметричного варьирования», до конца снижает героя, превращая его в авантюриста, «ловца фортуны». Трактуя образ в юмористическом ключе, писатель высмеивает фаустовские претензии нарочито заурядной личности. Авантюрно-приключенческая линия, связанная со Штаалем и сообщающая повествованию занимательность, выстраивается за счёт заимствования отдельных сюжетных ходов, сцен, мотивов гётевского «Фауста», обладающих запасом эстетической выразительности. Алданов проводит

события большой исторической важности через умственный строй посредственного человека, который их явно до конца не понимает. Этот приём позволяет писателю обходить молчанием белые пятна прошлого, либо показывать его остранённо, не греша против исторической достоверности.

Каждое новое художественное явление опирается на культурную память. Прочтение романов Алданова сквозь интертекстуальную «призму» значимых идей и образов Гёте позволяет говорить об использовании писателем в своих произведениях литературной традиции в качестве поэтико-смыслообразу-ющего компонента. Реминисцентный пласт не только становится необходимым элементом структуры каждой его книги, но и формирует структурное единство метароманного целого.

Список литературы

1. Алданов, М.А. Девятое Термидора. Чёртов мост [Текст] / М.А. Алданов // Алданов, М.А. Собр. соч.: в 6 т. – М.: Правда, 1991. – Т. 1. – С. 37-316; 319-605.

2. Белоусова, В. Трансформация образа Фауста в современной литературе [Текст] / В. Белоусова // Вечные образы и сегодняшние проблемы в литературах Центральной и Юго-Восточной Европы / РАН. Институт мировой литературы им. А.М. Горького. – М.: Наследие, 1997. – 222 с.

3. Макрушина, И.В. Философия истории и поэтика [Текст] : дис. … канд. филол. наук / И.В. Макрушина. – Уфа, 2001. – 226 с.

4. Попова, И.М. «Чужое слово» в творчестве Е.И. Замятина (Н.В. Гоголь, М.Е. Салтыков-Щедрин, Ф.М. Достоевский) [Текст] : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / И.М. Попова. – М., 1997. – 30 с.

5. Якушева, Г.В. Гёте в советской литературе (40 – 80-е годы) [Текст] / Г.В. Якушева // Гетевские чтения: 1997. – М.: Наука, 1997. – 286 с.

ВЕДЕНИЕ ДНЕВНИКА КАК СПОСОБ УЛУЧШЕНИЯ РЕФЛЕКСИИ УЧАЩЕГОСЯ

Малтуганова А.Н.
учитель английского языка
Назарбаев Интеллектуальной школы ФМН г. Уральск,
Казахстан, г. Уральск

В данной статье предложена одна из форм самоанализа учебной деятельности учащихся – ведение дневника, как неотъемлемая часть критериального оценивания. Данный прием дает возможность учащимся использовать не только для самоанализа, а также полученные данные позволяют учителю проанализировать эффективность своего преподавания, скорректировать и спланировать дальнейший процесс работы.

Ключевые слова: рефлексия, самоанализ, критерии оценивания, обратная связь.

В общеобразовательных школах, на протяжении многих лет оценивание учащихся состояло в сравнении достижений учащихся с результатами достижений других учащихся в классе, тем самым учитель навешивал ярлык «отличника» или «троечника». Эта система не рассматривала причины пробелов в знаниях учащихся и пути их ликвидации. Таким образом, ученики,

которые учатся на «четыре» и «пять», удовлетворяясь хорошей отметкой, в большинстве своем, оставались на том же уровне по данному разделу и осваивали новую информацию, не стараясь исправить прошлые ошибки. Почему ученик не может следовать критериям для успешного выполнения работы? И что можно предпринять для полного освоения учебного материала?

В настоящее время общество не удовлетворено пятибалльной системой оценивания, которая не в состоянии отразить уровень достижений школьников. Опыт Университета Кэмбридж предлагает альтернативу традиционной системе в виде критериального оценивания. Основными его функциями являются:

1) анализ усвоения материала;

2) обратная связь, позволяющая всем участникам образовательного процесса как учителям и учащимся, так и родителям понимать уровень освоения изучаемого материала;

3) определение достигнутых результатов в их динамике в соответствии с целями, поставленными перед учеником;

4) выявление текущих затруднений ученика и класса в целом для организации индивидуальной и групповой коррекционной работы;

5) создание психологически комфортной образовательной среды для мотивации учащегося к успешной учебной деятельности [1].

Важным средством развития мышления и творчества учащегося является осознание им некоторых индивидуальных особенностей своей учебной деятельности через рефлексию и самооценивание. Рефлексия в переводе с латинского языка означает «обращение назад». Также это понятие трактуется как размышление о своём состоянии, самоанализ. Педагогика сегодняшнего дня понимает рефлексию как самоанализ учебной деятельности и её результатов. Учителю важно не только узнать и понять продуктивность урока, но и эмоциональное состояние ученика в финале учебного занятия. Ребята должны оценить свою активность на уроке, полезность и интересность форм подачи знаний, увлекательность урока, коллективную работу [3].

Использование критериального оценивания позволяет привлекать к процессу оценивания самих учащихся, то есть осуществлять самооценивание, являющееся важнейшим компонентом образовательного процесса. Рефлексия позволяет учащимся извлекать опыт из своей деятельности, активизировать внутренние ресурсы для решения поставленной задачи, лучше понимать себя. Анализируя и оценивания сильные и слабые стороны своей работы, ученики находят пути их устранения, что позволяет им увидеть и выстроить на основе осмысления этих результатов собственную программу дальнейшей деятельности. Именно самооценка учеников дает учителю много полезной информации, например, о затруднениях учащихся, что позволяет вовремя скорректировать процесс работы. Более того, это является обратной связью между учеником и учителем. Правильно организованная рефлексия позволяет создать положительный настрой, способствующий успешному выполнению задания.

По итогам двухлетнего опыта в стенах НИШ был выработан один из новых инструментов достижения положительных результатов в изучении ан-

глийского языка – рефлексия “Friday Journal”. При ведении дневника Friday Journal, учащиеся каждую пятницу делают запись о том, чему они научились в течение недели, анализируют свою деятельность. В конце недели они показывают его родителям, совместно обсуждают и получают от них комментарий. В понедельник дневники проверяются учителем, и дневники с комментариями родителей поощряются стикерами. Для более четкой формулировки описания своей деятельности в дневнике и составления комментарий родителями, учитель предлагает список фраз. Например:

Для учащихся:	Для родителей:
1. На этой недели я узнал…	1. Я заметила…
2. Было интересно…	2. Я горжусь…
3. Было трудно…	3. Я обеспокоена…
4. Выполнял задания…	4. Я надеюсь, что ты запомнишь…
5. Я понял, что…	5. Я думаю
6. Теперь я могу…	6. Я не понимаю…
7. Я почувствовал, что…	7. Я удивилась…
8. Я приобрел…	8. Мне кажется…
9. Я научился…	9. Пожалуйста, попытайся…. [4]
10. У меня получилось …	
11. Я смог…	
12. Я попробую…	
13. Меня удивило…	
14. Урок дал мне для жизни…	
15. Мне захотелось…	

Это упражнение позволяет учащимся не только проанализировать свою деятельность (выполнение задания, с какими сложностями он столкнулся, как избежать их в дальнейшем), также это полезно для развития их навыка письма, повторения и лучшего запоминания пройденного материала. В начале года учащиеся писали приблизительно сто слов, к концу года объем слов увеличился, к тому же они задавали родителям вопросы по пройденной теме письменно.

Родители ребенка активно участвуют в процессе обучения. Таким образом, ведение дневника выступает обратной связью между ребенком и его родителями, вовлекая их в совместную учебную деятельность. Также это позволяет получать информацию об обучении, отслеживать прогресс в обучении ребенка и обеспечивать ему поддержку в процессе обучения[2].

Этот метод способствует поддержке обратной связи между учителем и учеником. Он позволяет учителю взглянуть на урок глазами учеников, проанализировать его с точки зрения ценности для каждого учащегося, предпринять следующие шаги для преодоления сложностей, с которыми столкнулся ученик.

Таким образом, ведение дневника – это один из эффективных способов оценивания достижений, являющийся частью трехстороннего процесса обучения.

Список литературы

1. Красноборова А.А. Технология критериального оценивания в логике компетентностного и личностно ориентированного подходов [Электронный ресурс] / – Режим доступа: http://www.school2100.ru/upload/iblock/7d9/7d9249061fb337b74ff9bda454428feb.pdf

2. Презентация «Критериальное оценивание как педагогическая технология» [Электронный ресурс] / – Режим доступа: http://www.myshared.ru/slide/186730/

3. Рефлексия на уроке [Электронный ресурс] / – Режим доступа: http://neuch.org/thought/refleksiya-na-uroke

4. Sara Soucy, Friday Journal [Электронный ресурс] / Sara Soucy – Режим доступа: http://smilinginsecondgrade.blogspot.com/search/label/letters

УЧЕБНЫЕ ДИАЛОГИ АЛКУИНА КАК РАЗВИТИЕ ТРАДИЦИИ ЖАНРА ПОЗДНЕАНТИЧНОГО ДИАЛОГА

Ненарокова М.Р.
старший научный сотрудник Отдела классических литератур запада и сравнительного литературоведения Института мировой литературы им. А.М. Горького (ИМЛИ) РАН, д-р филологических наук
Россия, г. Москва

Статья посвящена традиции учебного диалога в период раннего средневековья и учебным диалогам Алкуина как новому этапу развития этой традиции. Диалоги Алкуина представляют собой комплекс учебников, полностью соответствующих программе «тривиума». Они могли служить источником примеров правильного словоупотребления, использования различных художественных средств, фигур и тропов, построения предложений, фраз и лексики, характерных для любой беседы, обыденной или ученой, а также знакомили своих читателей с особенностями одного из наиболее известных античных жанров.

Ключевые слова: история средневековой школы, средневековая латинская литература, средневековый учебник, учебный диалог, тривиум, Алкуин.

Среди литературных жанров, унаследованных средневековьем от античности, жанр диалога выделяется тем, что он был воспринят во всех своих разновидностях и одна из них – учебный диалог – на протяжении всего периода Средних веков оставалась востребованной и широко распространенной.

Определение диалога было известно средневековому образованному человеку в первую очередь из трактата Беды Досточтимого (672/3-735) *De orthographia* («О правописании»), который вплоть до середины XVI в. был стандартным школьным учебником: « «диалог» по-гречески, «рассуждение» по-латыни» [12, v.90, col.130]. Латинское существительное «disputatio» – «рассмотрение, исследование, обсуждение», производное от глагола «disputo» – «истолковывать, рассуждать, спорить», может рассматриваться как самое короткое определение жанра диалога, ибо «disputatio» «предполагает и наличие, по крайней мере, двух собеседников, придерживающихся разных точек зрения на обсуждаемый предмет, и поиск истины, и особую форму записи этого поиска, имитирующую устную речь» [5, с.106]. Более

развернутое определение, чем то, которое дал диалогу Беда, можно было найти и у св.Исидора Севильского (ок.560-636) в его «Этимологиях» [12, v.82, col.238], и у более поздних авторов, пересказывавших текст св.Исидора, например, у знаменитого писателя, богослова и педагога Каролингской эпохи Храбана Мавра (ок.780-856): «Диалог есть обращение [друг к другу] двоих или многих, что латиняне называют беседами. Ибо то, что греки называют диалогом, мы называем беседами. Беседа же есть произнесение речей, ибо они следуют друг за другом между двумя сторонами. … Ибо речь требует [присутствия] другого человека» (*De Universo* («О Вселенной»)) [12, v.111, col.122].

Учебный диалог был частью повседневной жизни античной и средневековой школы. Этот вид диалога было, как кажется, наиболее трудно сохранить, потому что беседы учителя и учеников на занятиях обычно не записывались. Тем не менее, существуют счастливые исключения из этого правила. Так, в манускрипте *Carnotensis 13*, изданном в 1907 г. Ч. Лежандром, комментарий к Шестой эклоге Вергилия, который датируется IX в., записан в виде вопросов и ответов по образцу трактата Присциана *Partitiones* («Разбор [«Энеиды»]») [2, с. 64]. До нашего времени дошел также диалог Альдхельма (639-709), первого англо-латинского поэта, о двадцати восьми видах гекзаметра, включенный в его «Послание к Ацирцию» (королю Нортумбрии Альдфриту) [12, v.87, ccol.173D-183B]

На протяжении всей истории жанра диалога выделялись два его главных вида: философский и учебный. Еще Диоген Лаэртский (к. II – нач. III веков н. э.) выделял эти два типа диалога у Платона – «один, приспособленный для обучения, другой для поиска истины» [13, p.10]. Это деление сохранилось и упрочилось, когда в период поздней античности и раннего средневековья точка приложения сил образованного человека переместилась «с форума... в классную комнату» [11, p.19]. Философские диалоги, цель которых состояла в поисках истины, с литературной точки зрения были гораздо более развиты, они более известны, например, диалоги Цицерона (106 до н.э-43 до н.э.), но перу прославленного оратора принадлежит и риторический трактат в форме вопросов и ответов – *De Partitione Oratoria Dialogus* («Диалог о разделении ораторской речи»), в котором выводятся учитель, сам Цицерон, и ученик, в роли которого выступает сын Цицерона Марк; Марк получает знания, задавая отцу вопросы и выслушивая ответы [13, p.13]. Название диалога, состоявшего из вопросов и ответов, было взято из римской юридической терминологии: *altercatio* – «альтеркация» (спор, прения сторон, перемежающиеся вопросами и ответами) [13, p.14]. Одним из самых ярких примеров «альтеркации» является *Altercatio Hadriani Augusti et Epicteti Philosophi* («Спор Адриана Августа и философа Эпиктета» (VI/VII вв.)), в котором император Адриан разговаривает со своим собеседником на самые разные темы. Этот диалог был известен в раннесредневековой Европе и послужил образцом для новых произведений такого же типа, например, для диалога англосакса Алкуина «Словопрение высокороднейшего юноши Пипина с Альбином схоластиком» [13, p.14-15].

Три позднеантичных автора подготовили почву для развития раннесредневекового диалога, в том числе и учебного. Это Цицерон, Блаж.Августин (354-430) и Фабий Планциад Фульгенций (V в.н.э). Каждый из них внес свой вклад в изменение отношения к диалогу: «Для Цицерона это краткое изложение греческой учености, которое должно было стать памятником латинской литературы, достойным встать рядом с произведениями греков. Для Августина это создание документа, содержащего результат научных занятий и справочную информацию. Для Фульгенция это удобный аллегорический комментарий к Вергилию. Все эти авторы сознательно направляют свои усилия на то, чтобы вверить диалог письму. Делая это, они представляют сам процесс диалога неотделимым от его записи» [11, p. 32]. В диалогах Блаж.Августина (*De magistro*, «О наставнике») и Фульгенция, как и в диалоге Цицерона *De Partitione Oratoria Dialogus* («Диалог о разделении ораторской речи»), действующими лицами становятся учитель и ученик.

Первые раннесредневековые диалоги создает Боэций (ок.480-524/526): «можно отметить, как Боэций переходит от более древней практики записей открытых диспутов к Августиновой практике разговоров с самим собой» [13, p.24]. В диалоге *In Isagogen* («Введение» к «Категориям»), посвященном комментарию Порфирия к «Категориям» Аристотеля, в виде собеседников он выводит себя как учителя и некого Фабия, выступающего в роли ученика, человека малых знаний и посредственных способностей, желающего, однако, учиться. Как пишет С.Лерер, «давно уже установлено, что Фабий является литературным персонажем, выдуманным только для того, чтобы способствовать истолкованию текста Порфирия» [11, p. 70].

Для средневекового человека рядом с античными образцами существовали и образцы христианские, в первую очередь. Свящ.Писание, например, Книга Иова, а также труд св.Григория Великого (540-604) «Собеседования о жизни италийских отцов и о бессмертии души», особенно читаемый в раннесредневековой Англии, где на св.Григория справедливо смотрели, как на Апостола англосаксов.

Все перечисленные выше диалоги были известны англосаксу Алкуину (ок.735-804), советнику Карла Великого и главе придворной школы, но первоначально учителю соборной школы Йорка, в богатейшей библиотеке которой он и познакомился с этими произведениями [8, p.658], а потом, ориентируясь на них, создавал собственные диалоги.

Алкуин родился в благородной семье. Он был родственником Виллиборда, одного из первых проповедников христианства на севере Европы. Алкуин получил образование у учеников Беды Досточтимого, в соборной школе Йорка периода ее расцвета и сам позже преподавал там [2, с.12]. Школа Йорка была преемницей школ Кентербери и Ярроу, а Йорк стал «интеллектуальным центром христианской Европы к северу от Италии и Испании и удерживал свое положение в течение пятидесяти лет» [9, p.33], до отъезда Алкуина во Францию. Система образования в Йорке была для своего времени уникальна: ученикам преподавали чтение, пение и письмо, причем каждый предмет вел отдельный наставник [9, p.34].

Слава об учености Алкуина была так велика, что и через восемьдесят лет после его смерти о нем говорили, как об ученом муже, равном Беде и св.Григорию Великому: «Альбин из народа Англов … знал всю обширность писаний больше всех в нынешние времена, как ученик Беды, ученейшего комментатора после святого Григория» [2, с.12]. Приехав в 782 г. по приглашению Карла Великого во Францию, Алкуин должен был наладить подготовку миссионеров для новозавоеванных саксонских земель, но планы Карла изменились, он оставил Алкуина при дворе и поручил ему возглавить дворцовую школу и устроить ее по образцу Йоркской школы, в которой он сам учился и преподавал [1, с.28].

Дворцовая школа существовала еще во времена деда Карла, Карла Мартела, или по крайней мере, его отца Пипина, ее учениками были юноши благородного происхождения, которые должны были усваивать правила придворного этикета, военного искусства, начала грамотности. Самые способные из них становились писцами королевской канцелярии [1, с. 27]. Перед Карлом Великим стояла совершенно другая задача. Он нуждался в священниках, способных совершать богослужение на латыни и проповедовать христианскую веру на народном языке, в епископах и образованных мирянах, которые могли бы стать его советниками и помощниками в проведении реформ. В качестве главы придворной школы, которая стала своеобразной лабораторией реформ, ему нужен был человек, опытный в обучении тех, у кого латынь не была родным языком [1, с. 28], и Алкуин, весьма образованный человек и талантливый педагог, подходил на эту роль как нельзя лучше.

Как педагог Алкуин, как кажется, продолжал просветительские традиции Веармута и Ярроу, будучи учеником Экберта, в свою очередь учившегося у Беды Досточтимого, который записал о себе в конце «Церковной истории народа англов»: «...я всегда находил удовольствие в том, чтобы или учиться, или учить, или писать» [6, p.566]. В посланиях и трактатах Алкуина эта мысль несколько видоизменяется – «учиться, чтобы учить» – и в таком виде сохраняется вплоть до XI в., когда ее повторяет в своих «Англосаксонских беседах» талантливый педагог и писатель Эльфрик Бата. Так, в послании к некому духовному сыну Алкуин пишет: «Пусть [отроки] учатся в юности, чтобы было чему учить в старости» [12, v. 100, col. 459D]. Хотя вся вторая половина жизни Алкуина была связана с Францией его связь с Веармутом-Ярроу и с родным Йорком не прерывалась, и в посланиях монастырской братии и епископу Эдильберту он снова и снова повторяет: «Пусть мальчики учат Священное Писание, чтобы, когда наступит возраст совершенства. они смогли учить других. Кто не учится в отрочестве, не учит в старости» [12, v. 100, col. 164C], «Кто не сеет, тот не жнет, кто не учится, тот не учит» [12, v. 100, col. 449A].

Алкуин не оставил записей своих бесед с учениками, но создал несколько учебников в форме диалогов. Известно, что он, став главой придворной школы, сосредоточил свои усилия на преподавании «семи свободных искусств», в особенности «тривиума» [1, с. 28]. Свидетельством этому являются три диалога, каждый из которых посвящен одной из дисциплин «тривиу-

ма»: *De grammatica* («О грамматике»), *De rhetorica et virtutibus* («О риторике и добродетелях»), *De dialectica* («О диалектике»). У него для этого были и образцы, поскольку, как говорилось выше, в библиотеке Йоркской школы были сочинения не только Цицерона, Блаж.Августина и св.Григория Великого, что было обычно для раннесредневековых монастырских и соборных библиотек, но и Боэция и Фульгенция [8, p.658], и практические навыки, поскольку в Йоркской школе изучалась юриспруденция? и риторика преподавалась так, чтобы ученики могли вести диспуты [9, p.34]. Участие в ученых спорах и беседах было признаком «совершенного мужа», хорошо образованного человека [10, pp.23-24]. Так, например, в характеристике св. Альдрика, епископа Санского, особо указывается, что он «получал удовольствие от беспрерывных разговоров с монахами и наслаждался беседами весьма многих благочестивых людей» [12, v.105, col.800C]. Учебный диалог не только передавал знания в увлекательной форме, но и помогал развивать устную речь, прививал навыки общения: «немая мудрость или мудрость, слабо одаренная даром речи» [14, p.61], по мнению Алкуина, не приносит пользы, она не может «отвратить людей от их прежних привычек и привести их к различным размышлениям о жизни» [14, p.61]. Необходимо учиться говорить, овладевать приемами воздействия на собеседников, чтобы уметь защищать свою точку зрения: «Так же, как воин обучается в военном лагере, так и оратор обучается дома, чтобы он не боялся делать среди многих то, в чем он упражнялся сам по себе» [14, p.143].

Алкуин разделяет мнение своих предшественников о том, что диалог как литературный жанр является плодом размышлений своего автора и что действующие лица являются его отражениями: «Мудро спрашивать значит наставлять. И если один задает вопросы, а другой учит, тем не менее, идеи обоих проистекают из одного источника, и этот источник есть источник Мудрости» [14, p.129]. Чтобы текст увлекал читателя, «идеи обоих», вопросы и ответы, должны быть изложены грамотным латинским языком в соответствии с предписаниями античной риторики. Правила построения такого текста разбираются в диалоге *De rhetorica et virtutibus*, («О риторике и добродетелях»), который рассказывает о риторических приемах, необходимых для создания литературного текста, в том числе и диалога. В основу этого диалога были положены трактаты Цицерона *De Inventione* («О нахождении») и ритора IV в. Юлия Виктора «Риторическое руководство Гермагора, Цицерона, Квинтилиана, Аквилы, Маркоманна, Татиана». По мнению Алкуина, знание правил риторики необходимо тому, кто хочет стать причастным мудрости, а упражнение в использовании этих правил делает человека искусным оратором: «...знание предписаний приносит пользу всей нашей жизни, а упражнение в них дарует умение» [14, p.71].

На примере судебного разбирательства Алкуин, следуя Цицерону и Юлию Виктору, объясняет Карлу, как нужно строить речь, чтобы склонить собеседника на свою сторону. Так, он подробно объясняет, что такое введение: «Речь, подобающим образом приготовляющая душу слушателя к остальной части разговора» [14, p.97]. Можно «начинать речь прямо» [14, p.104], но такие

случаи редки, поскольку далеко не всегда «дух слушателя благорасположен в споре» к своему оппоненту [14, p.104]. Обычно, чтобы доказать свою точку зрения, необходимо подготовить аудиторию к восприятию того, что ей придется выслушать, подготовить слушателя, сделав его ««благорасположенным [к говорящему], внимательным и восприимчивым» [14, p.97], добившись его «дружеского расположения» [14, p.97]. Расположение аудитории достигается, согласно Алкуину, четырьмя способами, один из них – «от себя» [14, p.97]: «когда о своих деяниях и служениях мы говорим без надменности, если мы уменьшаем обвинения, выдвинутые против нас, если мы уменьшаем неудобства, которые случились, или трудности, которые неизбежны, если мы молимся и скромны и кротки в наших просьбах» [14, p.97]. При этом своих противников следует делать «предметом ненависти, или ревности, или презрения» [14, p.97], а слушателей, наоборот, объявлять «храбрыми, мудрыми, благородными» [14, p.99]. Как отмечает Алкуин, «Слушатель становится внимательным, если мы указываем, что будем говорить о новом, важном или невероятном, или об интересном всем и каждому... Слушатель делается уступчивым, если мы открыто и кратко откроем самую важную часть нашего дела» [14, p.99]. Столь же подробно рассказывается о таких частях изложения дела, как повествование и разделение, подчеркивается важность подбора аргументов, которые должны бесповоротно убедить собеседника в правоте говорящего: «Многие богатства сокровищницы часто делаются видимыми при помощи одного ключа. ... Доказательство есть приведение аргументов в такой последовательности, чтобы ваша сторона диспута внушала больше доверия и имела больше силы» [14, p.105]. Особое внимание необходимо обращать на заключение речи, поскольку «заключение есть конец и цель всего предприятия» [14, p.105]. Все эти риторические приемы, по мнению Алкуина, суть средства организации мысли [14, p.61], и он пользуется ими, создавая свои произведения, в том числе и учебные диалоги.

Первой дисциплиной «тривиума» была грамматика. По определению, данному Алкуином, «грамматика есть наука, связанная с буквами, она страж правильной речи и правильного письма» [12, v. 101, col.858A]. Для людей, говоривших на одном из языков германской группы, занятия грамматикой означали изучение латыни, а знание латинского языка открывало для них не только сокровища античной культуры, но и путь к административной или церковной карьере. В Алкуиновом диалоге *De dialectica* («О диалектике») так доказывается необходимость изучать грамматику: «Если хорошо, чтобы каждый человек говорил правильно, тогда грамматика – хорошая вещь. Никто не сомневается, что говорить правильно – хорошо, следовательно, грамматика – хорошая вещь, ибо правильная речь без грамматики невозможна. Если невежество – вещь плохая, следовательно, не учить грамматику – плохо, ибо всякий человек, не знающий грамматики, невежда» [12, v. 101, col. 965D]. Грамматика упоминается в ряду других предметов, обязательных для изучения, в знаменитом указе Карла Великого «Admonitio generalis» (789 г.): «И пусть будут созданы школы для того, чтобы учить мальчиков псалмам, пению по нотам, счету и грамматике при каждом монастыре и епископском доме» [4, 141].

По мнению Алкуина, выраженному в стихотворении «Пришло письмо...», если латынь преподается плохо, то вместо правильно написанного текста получается «сор записок» [5, с.151]; с плохим знанием латыни невозможно «переписать Евангелие, Псалтирь или Миссал» [4, 141], как это предписывается указом короля. «Дар никудышных писцов пусть рука твоя тут же отбросит», – восклицает Алкуин [5, с.151]. Грамматика, а вместе с нею и латинский язык, являются первой ступенью образования: «не должно презирать знание светских наук, но, словно основание, в нежном возрасте детям должно преподавать грамматику, и [затем] другие науки философского искусства, пока по неким ступеням знания они не смогут взойти на вершину евангельского совершенства, и вслед за увеличением лет увеличится и богатство знаний» [2, 16].

Диалог *De grammatica* («О грамматике») в ряду учебных диалогов, написанных Алкуином, стоит первым по порядку изучения дисциплин «тривиума». В течение многих столетий со времени его написания он «оставался шедевром, оставившим в тени образцы, по которым он был написан» [7, p.112].

Диалог De grammatica («О грамматике») состоит из нескольких частей, причем композиция его заставляет вспомнить объяснения Алкуина, как нужно строить свою речь, чтобы склонить слушателей на свою сторону, из диалога *De rhetorica et virtutibus* («О риторике и добродетелях»). Первая часть может быть отнесена к философским диалогам, «приспособленным ... для поиска истины» [13, p.10], но одновременно играет и роль введения ко всему диалогу. Это разговор в классной комнате между учителем и учениками, иногда называемый «Об истинной философии» [5, 109]. Ученики просят своего наставника обучить их философии, так как «философия есть наставница всех добродетелей, и среди всех богатств мира сего лишь она одна никогда не оставляла несчастным владеющего ею» [5, 109], и наставник, пользуясь риторическим приемом «от дела» [14, p.99], одобряет желание своих учеников «искать пребывающего, а не ускользающего», ибо «многая горечь примешивается к земному счастию, которое ни для кого не бывает полным или надежным», и тем самым укрепляет их в этом намерении [5, 109]. Алкуин выстраивает систему аргументов таким образом, чтобы его речь «внушала больше доверия и имела больше силы» [14, p.105]. Сначала при помощи серии вопросов, на которые отвечает сам наставник, ученики, а с ними читатель или слушатель, убеждаются в том, что все земное тленно и непостоянно: «Что прекраснее света? И он потемняется сменяющим его мраком. Что прекраснее летних цветов? Они, однако, погибают от зимней стужи. Что милее телесного здоровья? И кто твердо надеется быть здоровым вечно? Что радостнее безмятежного мира? Однако грозный трут раздоров часто разжигает [пламя вражды]» [5, 109-110]. Подведя учеников к мысли, что искать нужно вечного, наставник вовлекает их в беседу и тем самым позволяет им почувствовать себя «мудрыми» [14, p.99], то есть использует риторический прием «от слушателей» [14, p.99]: «Каковы суть вечные украшения души? – Прежде всего, мудрость, которой я весьма побуждаю вас учиться. – Откуда мы знаем, что мудрость вечна?.. – Считаете ли вы, что душа вечна? – Не только считаем, но и весьма точно знаем. – А разве мудрость не есть украшение и досто-

инство души? – Да. – ...Следовательно, видно, что обе вечны – и душа, и мудрость» [5, с.110]. Беседа заканчивается именно так, как и нужно наставнику: его аудитория полностью согласна с ним, ученики говорят хором: «Веди, направляй, куда тебе угодно, мы охотно следуем за тобой…», «Дай десницу, наставник, и подними нас из праха невежества…» [5, с.110].

После того как посредством вводного диалога ученик – читатель или слушатель – станет «благорасположенным [к говорящему], внимательным и восприимчивым» [14, p.97], начинается собственно учебный диалог, целью которого является усвоение «некоторых правил латинской грамотности» [5, с.112]. Однако учебный материал, который нужно усвоить, достаточно нелегкий для юных германцев – франков или саксов, изучающих неродной для них язык, облечен в занимательную форму, явно ориентированную на традицию античного и позднеантичного диалога. Для диалогов Цицерона, Блаж.Августина («Против Академиков») [5, с.112], Боэция («Введение» к «Категориям» Аристотеля) [11, p.70-71], а также и для таких известных богословских произведений, как «Собеседования египетских отцов» прп. Иоанна Кассиана Римлянина и диалоги Сульпиция Севера [5, с.112], характерно описание места, где находятся герои произведения, и обстоятельств, побудивших их к разговору. Также начинается и собственно учебный диалог: «Были в школе наставника Альбина два отрока, один франк, другой сакс, которые совсем недавно проникли в терния грамматической чащобы» [5, с.112]. По античной традиции герои диалогов беседуют не один день, поэтому в диалогах часто есть указание на течение времени [5, с.112]. То же находим и в диалоге Алкуина. Ученики беседовали целый день, им пора прерваться на ночь, но на следующее утро их разговор продолжается: «Франк. <…> на время прервемся. – Сакс. Прервемся. [Наутро]. Франк. Поднимайся, Сакс. – Сакс. Чего ты хочешь, Франк? – Франк. Хочется мне, чтобы ты мне объяснил правила причастий. – Сакс. Объясню» [5, с.112]. Монотонность перечисления грамматических форм облегчается шутками, что заставляет вспомнить диалоги Блаж.Августина и Фульгенция [11, pp.52, 61]. Так, например, Сакс, которому явно наскучили окончания существительных разных родов, с облегчением говорит Франку: «<…> Едва, в конце концов, освободился я на этот раз от долга, меня тяготившего (gravissimo)», на что Франк с юмором замечает: «Но много тебя обогатившего (gratissimo)» [5, с.112], а один из переходов к новой теме оформлен следующим образом: «Франк. Я бы достаточно получил [знаний], Сакс, если бы мошки, которые живут в доме наставника, не наполняли мне уши своими вопросиками. Однако, если угодно, перейдем к другому. Только мошек также отгоню. Ты переходи, к чему хочешь, я последую за тобой туда, куда ты идешь» [5, с.112]. Если вспомнить, что по определению Алкуина, грамматика учит не только правильному письму, но и правильной разговорной речи, то окажется, что диалог, посвященный этой дисциплине, вполне соответствует задачам этой дисциплины.

В ряду немногочисленных учебных диалогов раннего Средневековья, дошедших до наших дней, диалоги Алкуина выделяются тем, что они представляют собой не разрозненные тексты, а систему учебников, которые соот-

ветствуют программе «тривиума». Цель «тривиума» состоит в том, чтобы обучаемые говорили и писали на правильной латыни, создавая риторически украшенные прозаические и стихотворные тексты, а также могли поддержать беседу на не родном для них языке, отстаивая свое мнение и убеждая собеседников в своей правоте. Учебные диалоги были написаны Алкуином с тем, чтобы цели «тривиума» можно было легко реализовать на школьных занятиях, поскольку в них самих можно найти примеры правильного словоупотребления, использования различных художественных средств, фигур и тропов, построения предложений, а также фразы и лексику, характерные для любой беседы, обыденной или ученой. Знание латыни открывало перед образованным средневековым человеком богатства античной культуры, и диалоги Алкуина были полезны и здесь, поскольку они знакомили читателей с одним из наиболее известных литературных жанров, воспроизводя его основные признаки в упрощенной форме. Продолжая традицию античного и раннесредневекового учебного диалога, диалоги Алкуина стали новым ее этапом, полностью реализуя цели «тривиума» как синтеза гуманитарного знания.

Список литературы

1. Ненарокова М.Р. Европейская школьная культура VIII-IX веков//Памятники средневековой латинской литературы. VIII-IX века. М., 2003.
2. Ненарокова М.Р. Каролингская эклога: теория и история жанра. М., ИМЛИ РАН, 2012. – 416 с.
3. Ненарокова М.Р. «Пришло письмо...»: страница из стихотворного дневника Алкуина// Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения. 2014. № 6. С.138-150.
4. Алкуин. «Пришло письмо...» (пер с лат. М.Р.Ненароковой) // Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения. 2014. № 6. сс.151-152.
5. Ненарокова М.Р. Рецепция жанра диалога в литературе эпохи Каролингов. Приложение. Пасхазий Ратберт. «Эпитафия Арсению» // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. М., 2010. №1. С.106-130.
6. Bede’s Ecclesiastical History of the English People. ed. by Bertram Colgrave and R.A.B.Mynors. Oxford, at the Clarendon Press, 1969. – 577 p.
7. Duckett, Eleanor Shipley. Alcuin, Friend of Charlemagne. NY, 1951. – 337 p.
8. Garrison, Mary. The library of Alcuin’s York // The Cambridge History of the Book in Britain. Vol. 1. ed. by Richard Gameson. Cambridge, 2011. pp.633-664.
9. Gaskoin C.J.B. Alcuin: his life and his work. L., 1904. – 275 p.
10. Jaeger, C. Stephen. The Envy of Angels. Cathedral Schools and Social Ideals in Medieval Europe, 950-1200. Pennsylvania, University of Pennsylvania Press, 2000. – 544 p.
11. Lerer, Seth. Boethius and Dialogue. Literary method in The Consolation of Philosophy. Princeton, New Jersey, 1985. – 264 p.
12. Migne, J.-P. Patrologiae Latinae Cursus Completus (PL). – On CD-Rom. – Chadwick-Healy, 1993-1995.
13. Novikoff, Alex. J.. The Medieval Culture of Disputation, Pedagogy, Practice and Performance. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2014. – 336 p.
14. The Rhetoric of Alcuin and Charlemagne. A Translation with an Introduction, the Latin Text, and Notes by Wilbur Samuel Howell. Princeton-London, 1941. – 175 p.

ПРОФЕССИОНАЛЬНО КОММУНИКАТИВНОЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНО МЕЖКУЛЬТУРНОЕ – ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ОБУЧЕНИИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В ЯЗЫКОВОЙ ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ-НЕФИЛОЛОГОВ

Никова М.А.
доцент кафедры иностранных языков Национального исследовательского ядерного университета МИФИ, канд. социол. наук, доцент,
Россия, г. Москва

Красина М.Н.
старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин, зав. сектором иностранных языков Международного института экономики и права,
Россия, г. Москва

В статье рассказывается о том, что расширение международного сотрудничества и международных контактов требуют от специалистов сегодня свободного владения иностранным языком. Решить эту задачу призваны рассматривающиеся здесь основополагающие принципы, которые сохраняют свою актуальность и отражают особенности обучения устной иноязычной, профессиональной речи в условиях неязыкового вуза. Обучение нормам межкультурного общения на иностранном языке; развитие культуры устной и письменной речи на изучаемом языке в ситуациях официального и неофициального общения – приоритетная цель обучения иностранному языку в различных типах учебных заведений.

Ключевые слова: профессиональная деятельность, коммуникативные навыки, коммуникация, межкультурная коммуникация, профессионально направленное обучение, деловой иностранный язык, языковая компетенция, языковая подготовка, коммуникативной культуры языковой личности, социокультурная компетенция, духовные ценности.

В наше время значительно расширился круг лиц, профессиональная деятельность которых непосредственно связана с межнациональным и, следовательно, межкультурным общением. Общение с иностранными коллегами приобретает, поэтому, большую профессиональную ценность и становится атрибутом любой специальности. Эта тенденция непрерывно нарастает и крепнет. Пользуясь иностранным языком для приобретения новых профессионально-значимых знаний и для углубления своего профессионального опыта, специалист расширяет компетентность не только для решения собственно профессиональных задач, но и для более глубокого понимания статуса своей профессии в обществе в целом [2].

Реалии сегодня таковы, что, к сожалению, выпускники вузов далеко не всегда способны участвовать в профессионально-значимом общении. Одним из основных недостатков организации языковой подготовки в неязыковых вузах является ограниченное количество часов, отводимых на изучение английского языка, что, традиционно, является тормозом в решении существующих задач подготовки будущих специалистов согласно требованиям времени.

Так, к примеру, в своем исследовании «Обучение устной иноязычной речи как средству профессионального общения» В.М. Селезнева предлагала организовать на занятиях речевое общение не только на основе учебной, но и на основе профессионально направленной и игровой деятельности, чтобы формируемая у студентов иноязычная речь отражала специфические черты их будущей специальности. Были выдвинуты следующие основополагающие принципы, отражающие особенности обучения устной иноязычной, профессиональной речи в условиях неязыкового вуза, которые сохраняют свою актуальность, а именно: принцип использования иностранного языка в качестве средства общей подготовки специалиста; принцип целесообразности и функциональности; принцип проблемного обучения или стимулирования познавательной деятельности обучаемых [3]. На практике реализация этих принципов так же вызывает некоторые сложности.

В новых методических концепциях, ключевым понятием признана «языковая личность», описание которой стало объектом фундаментальных исследований современных педагогов и методистов. И.И. Халеева ввела в научный оборот современной лингводидактики новое понятие «вторичная языковая личность», перед которой «встает задача овладеть определенной суммой знаний о картине мира другой языковой общности, т.е. выйти … на когнитивный (тезаурусный) уровень языковой личности» [4].

В настоящее время итоговой приоритетной целью обучения иностранному языку в различных типах учебных заведений является развитие коммуникативной культуры языковой личности. Это понятие включает формирование и развитие языковой, речевой и социокультурной компетенций; обучение нормам межкультурного общения на иностранном языке; развитие культуры устной и письменной речи на изучаемом языке в ситуациях официального и неофициального общения.

Так, Т.Н. Астафурова выделяет несколько направлений обучения, релевантных для профессиональной иноязычной коммуникации. По мнению некоторых исследователей языковая подготовка специалистов-нефилологов должна охватывать два направления в обучении межкультурной профессиональной компетенции [1].

1) Профессионально коммуникативное направление: овладение текстовой деятельностью, репрезентирующей соответствующую сферу профессиональной деятельности, развитие языковых знаний, речевых навыков и умений, способности адекватно использовать языковые средства для построения высказываний в соответствии с нормами изучаемого языка, вовлечение обучающихся в активную творческую деятельность с ориентацией на решение коммуникативных профессиональных задач.

2) Профессионально межкультурное направление: знание национальных особенностей родной культуры, изучение речеповеденческих норм и правил социума в процессе профессионального взаимодействия и формирование фоновых знаний, релевантных для той или иной производственной деятельности, знание элементов социокоммуникации, особенности националь-

ной ментальности и духовные и материальные ценности, формирующие национальное достояние народа страны изучаемого языка.

При рассмотрении новых подходов к обучению английскому языку следует не оставлять в стороне очевидный факт, который должен определять особенность его преподавания в неязыковом вузе: английский язык, на котором говорят представители, практически, всех существующих на Земле культур, не должен преподаваться как один из иностранных языков, но должен преподаваться, именно, как язык международного общения.

Список литературы

1. Астафурова, Т.Н. Стратегии коммуникативного поведения в профессионально – значимых ситуациях межкультурного общения (лингвистический и дидактический аспекты) [Текст]: Автореферат / Т.Н. Астафурова – Москва,1997.

2. Никова, М.А. Из опыта применения коммуникативного подхода при обучении иностранному языку студентов неязыковых вузов [Текст] // Материалы I Международной заочной научно-практической конференции. Современные тенденции развития науки и технологий – Белгород, 2015.

3. Селезнева, В.М. Обучение устной иноязычной речи как средству профессионального общения (неязыковой вуз) [Текст]: дис. … канд. пед. наук / В.А. Селезнева – Москва, 1982.

4. Халеева, И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи (подготовка переводчиков) [Текст] // Высшая школа. – 1989.

СПЕЦИФИКА ОБРАЗНОГО СТРОЯ СОВРЕМЕННОЙ КИТАЙСКОЙ ГОРОДСКОЙ ПРОЗЫ

Никольская С.В.
доцент кафедры китайской филологии Института стран Азии и Африки МГУ,
канд. филол. наук, доцент,
Россия, г. Москва

В статье рассматриваются базовые элементы городской прозы, которые отличают ее от других разновидностей малой прозы. Специфический хронотоп, определяющая роль художественной детали, своеобразное построение системы образов – характерные черты современной городской прозы, в том числе и китайской.

Ключевые слова: современная городская проза, образ города, пространство и время, художественная деталь.

Возникшая из устного сказа городская повесть появилась в Китае примерно в X веке. Ее расцвет пришелся на конец XVI – первую половину XVI века, когда издатели Фэн Мэнлун и Лин Мэнчу выпустили несколько сборников повестей – «хуабэнь». Каждая открывалась стихами, за которыми следовал небольшой рассказ, не связанный с основным сюжетом. Далее повествование делилось на отрывки, разграниченные стихами. В конце в стихах же давалось резюме всей повести. Местом действия чаще всего был город, а героями – его обитатели. Нравоописательные повести – «хуабэнь» пользовались большой популярностью и предназначались для развлекательного чтения.

Не будет преувеличением утверждение, что городская литература на протяжении веков вызывала в Китае интерес. Но новую жизнь и новую форму городская проза обрела во второй половине XX века.

Само название «городская проза» – понятие вне жанровое. К ней можно отнести и роман, и повесть, и рассказ, и очерк, и эссе. Главное, что должно их объединять – это содержание, в основе которого лежит мирообраз города с его характерными чертами и символами. Конфликты в городской прозе строятся на бытовых, житейских ситуациях, а ее целостность проявляется в четкой структуре мотивов. Особый хронотоп, ведущая роль художественной детали, своеобразное построение системы образов отличает городскую прозу от других разновидностей малой прозы, например, деревенской, исторической, философской и т.д.

Специфику «городской прозы» прежде всего определяет пространство. Его ограниченность ощущается почти физически. Масштабы ограничения могут варьироваться. Максимальный – город в целом. Наглядная иллюстрация – рассказ Сюй Кунь «Доброе утро, Пекин» [4, с.115-174]. К состоятельному менеджеру одной из пекинских компаний приезжают дальние родственники из деревни. Он устраивает гостям экскурсию по Пекину, и понимает, что город стал для него родным и близким, а он сам – неотъемлемая частица этого города.

Чаще встречается ограничение масштаба до части города – улица, переулок, центр города. Действие рассказа Мянь Мянь «Покажи мне дорогу к следующему виски-бару» [3, с. 206-218] происходит в Шанхае, упоминаются реально существующие улицы, бары, закусочные. Герои в основном ходят по улице Маоминлу, точнее, всё время сюда возвращаются, словно двигаются по кругу, из которого не могут вырваться.

Минимальное пространство – дом, квартира, офис. Такое пространство дает возможность рассказать и чисто бытовую, и детективную историю. Героиня повести Лу Вэньфу «Учеба закончилась» [1, с.150-195] в основном сидит дома и перебирает старые вещи, чтобы выбросить ненужное. Но оказывается, что за каждой вещью стоит целая эпоха – кусок ее жизни, от чего нельзя избавиться. Так в ограниченном пространстве детали быта раздвигают временные границы. В рассказе Лян Сяошэна «Зверское убийство» [2, с.151-180] события в основном разворачиваются в офисе и квартире одного из героев. Директор компании пытается уговорить главного бухгалтера пойти на финансовую махинацию и предлагает ему взятку, а у бухгалтера не хватает смелости сказать, что он не согласен. Директор воспринимает его действия как неудовлетворенность суммой взятки и убивает его. Детективная составляющая рассказа несущественна, главное – показать, как разное восприятие одного и того же явления ведет к трагедии.

Не зависимо от масштабов пространства, время основного события в городской прозе приближается ко времени рассказывания. Панораму расширяют вставные эпизоды, которые с точки зрения времени существуют сами по себе. В них время сжато, а пространство раздвинуто, чаще даже происходит перемещение в другое пространство, а в одном эпизоде может поме-

ститься целый кусок жизни. Большую роль здесь играют воспоминания. Это не идеализация прошлого, а мотив «другой жизни». Игра со временем характерна для повести Лу Вэньфу «Колодец» [1, с.86-149]. Первая глава выглядит как экспозиция, где обозначается место действия и представляются основные герои. Далее действие развивается поступательно до пятой главы, в которой время переносится на 23 года вперед. Повесть выглядит как драма в двух действиях.

Еще одна характерная черта «городской прозы» – значительная роль детали. Мастером художественной детали можно по праву назвать Лу Вэньфу. В его повести «Колодец» – сюжетообразующая деталь вынесена в название произведения. Колодец в маленьком переулке – это и «центр информации», куда стекаются все неофициальные сведения, и самое удобное «место для зрителей», наблюдающих за жизнью главной героини. Здесь же и трагически кончается ее жизнь.

Специфическая организация системы образов – еще одна особенность «городской прозы». Количество главных персонажей здесь ограничено, но зато много проходных, эпизодических героев. Главные герои формируются через реплики, замечания, впечатления и отношение к ним героев второстепенных. Герой «городской прозы» – горожанин, в котором читатель может узнать себя. Иногда это успешный провинциал, прижившийся в городе, но чаще аутсайдер, который хотел бы что-то изменить, но не в состоянии. Автор занимает в основном две позиции: рассказчик – герой повествования или сторонний наблюдатель, не вмешивающийся в происходящее, наблюдающий за всем со стороны, но постоянно находящийся рядом со своими героями. Его присутствие и позиция передается через язык и стиль, для которого характерен юмор и скрытая ирония. Своеобразное действующее лицо «городской прозы» – сам город, воспринимаемый героями как нечто одушевленное, как партнер и союзник. Мотив воздействия города на человека выражен имплицитно, заметен в основном в теме «провинциал в городе».

Как показывает анализ современной китайской «городской прозы», она в основном строится по тем же принципам, что и русская, и европейская проза мегаполиса, поэтому легче всего вписывается в мировой литературный процесс. Такая проза представляет интерес как для китайского, так и иностранного читателя. Первые узнают здесь себя, вторые могут получить достоверные сведения о жизни и быте горожан в Китае.

Список литературы

1. Лу Вэньфу. Собрание сочинений (Лу Вэньфу цзи). Фучжоу, 1986.
2. Лян Сяошэн. Зверское убийство (Эчжа) . В сб. Graded Chinese Reader, 2. Beijing, 2007.
3. Мянь Мянь. Покажи мне дорогу к следующему виски-бару (Гаосу во тунсян ся игэ вэйшицзи цзюбадэ лу).В сб. Чжунго юсю дуаньпянь сяошо. 1978-2008. Пекин, 2008.
4. Сюй Кунь. Доброе утро, Пекин (Цзаоань, Бэйцзин). В сб. Graded Chinese Reader, 1. Beijing, 2007.

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЕЕ ПАРАМЕТРЫ СЕГОДНЯ: НКА «НЕМЦЫ РОССИИ ГЛАЗОВА» В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ

Орехова Н.Н.
профессор кафедры иностранных языков и методики преподавания
«Глазовский государственный педагогический институт В.Г. Короленко»
Россия г. Глазов

Обухова О.Н.
преподаватель кафедры иностранных языков и методики преподавания
«Глазовский государственный педагогический институт В.Г. Короленко»,
кандидат филологических наук,
Россия г. Глазов

В статье на материале пролонгированных полевых исследований (включенное наблюдение, интервью, анкетирование) Глазовского отделения НКА «Немцы России» обосновывается динамический характер этнической идентичности и этнического языка.

Ключевые слова: этническая идентичность, динамика, структура идентичности, этнический язык, этические приоритеты, психологические константы.

Согласно Всероссийской переписи 2010 в г. Глазове Удмуртской республики проживают свыше 230 немцев. В возрастной структуре группы представлены все поколения, от 90 лет до недавно родившихся. Полевые исследования, проводимые нами в течении 8 лет (2009-2015 гг.) в форме регулярного сопровождения, включенного наблюдения и непосредственного участия в социокультурной деятельности немецкого сообщества, дают возможность высказать свои соображения и оценки деятельности данного этнического сообщества.

Как известно, в 1991 г. были сняты последние административные ограничения в отношении российских немцев (в частности, право эмиграции в Германию). С 1991 г. функционирует общество «Wiedergeburt» (Возрождение), ныне Глазовское отделение ФНКА «Немцы России». Представительские и контактные функции осуществляет правление, практическая деятельность планируется и координируется подразделением «Seniorenklub». В сферу деятельности также входит обучение немецкому языку в группах разного возрастного состава и этнической принадлежности – это немцы, русские, удмурты, татары и др. Германия финансирует эту деятельность, а также оказывает высокотехнологичную медицинскую помощь (протезирование, средства передвижения, санаторное лечение) немцам, подвергшимся депортации, принудительному труду в условиях спецпоселения (содержание под конвоем, работа на лесоповале, строительстве промышленных и гражданских объектов, еженедельная явка в спецкомендатуру, отказ в получении высшего образования).

Основные виды деятельности Глазовского отделения НКА осуществляются по целому ряду направлений:

– традиционно-мемориальное

– участие в мероприятиях городского центра этнических культур «Дом дружбы»

– изучение сохранение и пропаганда немецкого языка, фольклора и традиций

– связь с соотечественниками и родственниками за рубежом

– участие в республиканских и региональных мероприятиях ФНКА

– по результатам регионального смотра (Приволжский федеральный округ) глазовское отделение награждено дипломом 3 степени, а глава «Sineiorinklub» Хельга Вернеровна Крысова (Бек) удостоена памятной медали Екатерины Великой (2012г).

Обратимся к предмету настоящей публикации этнической идентичности и одному из ее основных характеристик – этническому языку. Последний наряду с другими параметрами (материальная и духовная культура, картина мира, фольклор психологические особенности личности и др.) является дистинктивным этническим признаком. На сегодняшний день в Глазове из 270 этнических немцев и их потомков, свою этническую принадлежность подтвердили 87 респондентов. Из них всего 15 старших возрастных (80 – 90) и (60 – 70) лет свободно владеют немецким языком. Имеет место и гендерный дисбаланс: 90% немецкоговорящих – женщины, которые овладели языком в ходе семейного общения в моноэтнических (редко в немецко – русских семьях) семьях, где звучала немецкая речь бабушек и дедушек, поддерживались семейные традиции, соблюдались праздники, кулинарные традиции, приветствовалось рукоделие, традиционное обустройство жилья.

Наши полевые исследования свидетельствуют, что минимизация роли этнического языка в силу исторических причин (ограничения при приеме на работу, в вуз, наказание за немецкую речь в детских садах вплоть до середины 50-х гг) непосредственно не связана с деградацией материальной и духовной культуры этноса. Анкетирование, проводимое в 2012г в Глазове и Германии (всего 42 респондента из них 12 граждан ФРГ) свидетельствует о сохранении традиционного «ядра» этноса [1]. Это прежде всего высокий рейтинг семейных ценностей. Отсутствует безбрачие, крайне редки разводы, сохраняются и поддерживаются семейные связи (поездки в ФРГ и Россию) [2]. Культурные и этнические приоритеты и ориентиры немцев России и ФРГ обладают большим сходством: высокий рейтинг семейных ценностей, гендерный приоритет мужчин в материальном обеспечении семьи; интерес к фольклору, традициям, обычаям, рефлексия об этнических нравственно – психологических особенностях (прочный брак, трудолюбие, ответственность) [3,4].

В заключении выскажем один тезис, возможно, крамольный. Этническая идентичность, будучи феноменом сложным, не характеризуется жесткой иерархичностью. Да, она включает ряд констант (высокие показатели семейных ценностей и уклада, уважение к старикам, традиции ведения домашнего хозяйства, реже религиозные ценности – протестантизм, меннонитство, католицизм). Этнический язык может минимизироваться как средство коммуни-

кации, однако сохраняются другие этнические константы. Это рациональность мироощущения, высокая адаптивность, низкая конфликтность, привычка к труду и обустройству быта, высокое чувство ответственности.

Список литературы

1. Орехова Н.Н., Обухова О.Н. Этнические немцы Глазова [Текст] / Орехова Н.Н., Обухова О.Н // Вятское обозрение. Этнографический альманах. – Киров, 2010. – С. 86-92.
2. Герман А. А., Илларионова Т.С., Плеве И.Р. Этническая психология [Текст] / Герман А. А., Илларионова Т.С., Плеве И.Р. // МСНК – пресс. – 2005. – С. 216-220.
3. Орехова Н.Н., Обухова О.Н. Этнические немцы Глазова сегодня: демография, язык и культура [Текст] / Орехова Н.Н., Обухова О.Н // В помощь исследования языка и культуры российских немцев. Материалы Международного научно – практического семинара. Изд – во КГПУ. – Красноярск, 2008. – С. 87-93.
4. Смирнова Т.Б. Результаты этносоциологического опроса и мониторинга общественных организаций российских немцев [Текст] / Смирнова Т.Б. // Немцы новой России: проблемы и перспективы развития; Материалы 2-й Международной научно-практической конференции. МСНК – пресс. – Москва, 2010. – С. 6-53.

НИКНЕЙМ КАК САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Прима А.М.
доцент кафедры английской филологии ФГБОУ ВПО Кубанского государственного университета, канд. филол. наук, доцент,
Россия, г. Краснодар

Бурдун Н.В.
студентка IV курса факультета романо-германской филологии ФГБОУ ВПО Кубанского государственного университета,
Россия, г. Краснодар

Статья посвящена рассмотрению никнейма в рамках саморепрезентации языковой личности. В тексте проводится подробный анализ лингвистических особенностей никнеймов, позволяющих языковой личности использовать данный феномен для создания определенного образа и оказания определенного воздействия на других участников интернет-коммуникации.

Ключевые слова: никнейм, антропоним, языковая личность, интернет-дискурс.

В настоящее время происходит расширение границ функционирования языка посредством интернет-коммуникации, которая является не просто новым каналом передачи информации, но и новой средой, в которой сосуществуют и преобразуются различные информационные потоки и виды дискурса [8, с. 126].

Виртуальные антропонимы представляют собой особую форму личных имен коммуникантов виртуального пространства. Возникновение компьютерных имен обусловлено необходимостью идентификации пользователя в пределах одной виртуальной среды – форума, чата, конференции. С одной

стороны, это имя собственное, так как оно указывает и индивидуализирует объект. С другой стороны, подобный оним несет в себе такую черту имени нарицательного, как характеристика именуемого объекта. Однако имя нарицательное, характеризуя предмет, «соотносит именуемый предмет или группу предметов с классом» [7, с. 367], что не свойственно виртуальному антропониму, который дает характеристику объекту без его обобщения.

По словам Т. В. Аникиной, в интернет-коммуникации различаются следующие формы антропонимов: логин, сетевое имя, никоним (ник или никнейм) [1].

Никоним (никнейм, ник) – имя, используемое для общения в сети. Если логин безлик и представляет собой число или бессмысленную последовательность букв, то никнейм используется для самовыражения и несет определенную смысловую нагрузку. От логина ник отличается тем, что он доступен всем и «несет в себе функцию самопрезентации личности» [3, с. 1].

По мнению М.Г. Чабаненко, среди функций никонимов можно выделить 1) функцию самопрезентации (никоним является знаком самоопределения личности); 2) дискурсивную функцию (образ говорящего, обозначенный в имени, детерминирует его речевое поведение); 3) контактоустанавливающую функцию (никоним, несущий формой и содержанием определенную систему общих фоновых знаний говорящего и адресата, «способен выступать как кодирующий с позиции субъекта и декодирующий с позиции адресата знак»); 4) эмоционально-экспрессивную функцию (субъект оказывает воздействие на адресата выбором определенного никонима); 5) игровую функцию («сокрытие личности за никонимом позволяет выстраивать линию своего речевого поведения, не опасаясь повредить собственную репутацию») [9, с. 70].

Опираясь на классификацию Л. В. Самойленко [5], распределим выбранные нами никнеймы по следующим семантическим группам: 1) реальные или вымышленные имена пользователей и различные производные от них (Геля Холмс, Миша Лапин, RuslanOsmanov, Mr_John_Shepard); 2) имена с указанием на возраст (Софи_19, Ксюшшонок21, Marga18ret); 3) присвоенные имена поп-звезд, героев фильмов, названия самих фильмов или рок-групп (А_в_душе_я_танцую, Капитан Джек Воробей, 30STM, Игорь Юрьевич Николаев); 4) имена с указанием на социальный статус пользователя (glamourбомж, ищу_маму); 5) имена, объективирующие характер или настроение чаттера (Разгильдяйка, Вредный_Укроп, AngryPonedelnik, Альтруист, _1nsane, Веселый_Батя_Твой, GreedyBoy); 6) имена, эксплицирующие сферу интересов пользователя (Любитель_Выпить, Типичный_Анимешник Катрина, Манговый_маньяк, ForeverDoter); 7) нетипичные ники (Заяц---Убивашка, Труповозик, Подопытный Ирландец, ВАЗ_777, Черный чемоданчик, Астральный Единорог, Левий_портизан, Мандариновый топор, Дальневосточная чупокабра, Секция_Мягких_Игрушек, 1,5_кг_Отличного_пюре, Неадекватный Бегемот, Почуханный Почух, Коварное Печенько, Убойный Тапочек, Мозги_в_носке, Злой Хиппи), возникающие как результат игровой фантазии авторов.

Создание ника – это некий творческий акт, элемент игры, в которой каждый стремится быть оригинальным. Для «никмейкера» важно создать ситуацию неожиданности, так как это служит гарантией для мгновенного завязывания разговора, что, по сути, и является главной целью человека, зашедшего в чат.

Необходимо отметить, что общение в чате основано на зрительном восприятии, поэтому чрезвычайно важным оказывается то, как написано имя. В первую очередь обращается внимание на разнообразное графическое оформление никнеймов. Особенности ников во многом зависят от их состава, то есть от того, из какого рода словесных знаков они построены. Т. В. Аникина выделяет три вида ников: антропонимические ники, ники смешанного типа и апеллятивные ники [1].

Антропонимические ники основаны на формальном преобразовании существующего антропонима, чаще имени или фамилии. Данная группа ников представлена реально функционирующими личными именами, а также никами, в качестве лексических основ которых избираются имена известных лиц и героев: MileyCyrus2000, T_Lannister, AlecBrood, Лис Потрошителевич, А.С.Пушкин, Amanda3285, emilyclark, сталин иосиф, Людовик 14.

Ники смешанного типа состоят из двух лексических элементов: антропонимического и нарицательного (характеризующего, оценочного или образного): Jennyisfun, Georgian_ boy, Баян Камелия, Скромный kritic, Носок Василий, Фрэнки Штэйн, Аидов мзыкант, Ashot_DEADSHOT, Сонька-золотые_ручки.

Апеллятивные ники содержат только нарицательные элементы. Структурно можно выделить следующие типы ников: а) однословные: feministka, nigga000, ballerina2222, exactly0909, insert, sleeeeeep; б) двусловные, подразделяемые на следующие группы:

- конструкция N + N, то есть в состав ника входят два имени существительных: Дед Картон, Тапок Правосудия, Печаль Беда, Жена_Шамана, Волонтер Вечности, Печенька Канцлер, ButerflyPrincess;

- конструкция Adj + N или N + Adj, то есть в состав входят имя существительное и прилагательное: Цветущий Бред, горячий_беляшек, Темная Планета, dancingbear, кровавый тапок, алая роза, краснаякукла, коварный эльф, пьяная__обезьяна, Великое Ничтожество, Синий Каспий, Active_Listener, Рыжее Чудо, стальная крыса;

- прочие сочетания: дважды_убитый_анархист, Кот своей хозяйки, DetroitHere, charmed25uk, CathTheGreat, BEECOOL2;

в) многословные, состоящие из более чем двух элементов: Ваш_мистер_Ж, ~GoOd GiRL WiTh BaD iNtEnTiOnS~, Охотница_на_Обломинго, Little Me Jenny, Ворон семьи Романовых, Орешек с секретом, Что-то не понятное; г) ники-предложения: are_u_ready_4_De, i_am_so_me, I_LIVE_FOR_YOU, itsme1234, Annalovesyou, Хочу_все_и_сразу, Don`t say you love me unless you mean it, а_я_не_могу_придумать_ник, Смотри_на_меня_в_упор, я_только_почитать.

Графические средства в чатовой коммуникации выполняют особую роль, помогая чаттерам выделиться и быть непохожими на других. Ник, оформленный с использованием разнообразной графики и нарушенными нормами орфографии, несомненно, более привлекателен для пользователей чата [2].

Среди языковых особенностей оформления ников выделяются следующие:

-использование прописных букв для всего слова или его части, смешение прописных и строчных букв: ДоРеМи, ПоВЕЛиТЕЛЬнИЦА, ALPHIE28, уПоРоТый хлебушекъ, ОрАнЖеВая МаНьЯчка, 2Ntense, ТурбоВыБУльКИвальтель, ЛЕГКАЯ ШиЗоФФрЕнИя, ЛюБоПыТнОе ПеЧеНьКо;

-нижнее подчеркивание для выделения границы между словами: Герой_этого_города, a_big_one25, andrea_rock_girl, Angelic_Nat, boy_wonder;

-устранение интервала между словами и слитное написание значимых слов: ленивыйкошаааак, AlicefromWonderland, allthingsgood, asherbees, beachchicktoo, Tinalovesyou, showmehow;

-использование небуквенной символики – математические значки, геометрические фигуры; ^^ Кавайный Няяш^^*, $Фальшивый воображала$, ♫♥Крик_во_тьме_любви_и_зла♥♫, *Whisperer*.

Появление ника обусловлено несколькими составляющими, но в основе всего находится личность. На выбор ника влияют индивидуальные характеристики, общекультурные знания, уровень образованности, результаты внутренней обработки личностью внешних жизненных событий, иерархия приоритетов. Как только важность какого-либо аспекта уменьшается, коммуникант может сменить ник на тот, который будет в большой степени отражать его предпочтения или самоощущения.

Таким образом, никнейм – не что иное, как «социальный код, роль, образ, взятый напрокат. Это своеобразная самопрезентация, визитная карточка, которая предъявляется виртуальному обществу для идентификации и, разумеется, привлечения внимания» [4, с. 248].

Список литературы

1. Аникина, Т. В. Политизированные никнеймы в ономастическом пространстве чатов / Политическая лингвистика; Урал. гос. пед. ун-т / гл. ред. А. П. Чудинов; ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т» – Вып. (1) 35. – Екатеринбург, 2011. С. 198–201.

2. Гвоздев, А. Н. Избранные работы по орфографии и фонетике / А. Н. Гвоздев. М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 288 с.

3. Журавлева Е.А. Никнейм как разновидность антропонимов / Е.А. Журавлева, А.А. Корнелюк // Сборник материалов международного форума студенческой и учащейся молодежи «Первый шаг в науку – 2009». – Минск, 2009. – Т. 1. – С.45–49.

4.Москальчук А.А. Никнейм – виртуальное имя человека/ А.А. Москальчук // Записки горного института. – 2009. – Т. 182. – С. 246–248.

5. Самойленко, Л. В. Виртуальный дискурс фатической коммуникации Internet Relay Chat // Материалы международной конференции «Активные процессы в различных типах дискурсов: политический, медийный, рекламный дискурсы и интернет-коммуникация. 18−19 июня 2009 г. − М. : МПГУ, 2009. − С. 426–430.

6. Соков А. А. /Функционально-стилевые особенности никонимов в виртуальном дискурсе [Электронный ресурс] / Соков А. А. – Режим доступа: http://cyberleninka.ru/article/n/funktsionalno-stilevye-osobennosti-nikonimov-v-virtualnom-diskurse#ixzz3ctVjuqz3 .

7. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. − М.: Наука, 2007. − 367 с.

8. Юдина Н.В. Русский язык в XXI веке: кризис? эволюция? прогресс? : моногр. М.: Гнозис, 2010. − 296 с.

9. Чабаненко М.Г. Молодежный дискурс как реализация типовой и индивидуальной языковой личности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2007. – 198 с.

РОЛЬ ПСИХОЛОГИЗМА В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ В.А. БОГОРОДИЦКОГО

Самарин Д.А.
доцент кафедры правового обеспечения национальной безопасности филиала Байкальского государственного университета экономики и права в г. Якутске,
канд. филол. наук,
Россия, г. Якутск

В статье рассматривается психологическая сторона лингвистической теории В.А. Богородицкого как неотъемлемый компонент его представлений о языке и речи. Как показывает проведённое исследование, психологические факторы, выявленные российским лингвистом, созвучны научным идеям эпохи и, более того, позволили придти к важным открытиям в сфере фонетики, морфологии, синтаксиса, лексикологии и стилистики. Актуальными представляются выводы В.А. Богородицкого для современных исследований литературного языка и психолингвистики.

Ключевые слова: младограмматическое направление, психолингвистика, изменчивость, ассоциация, предложение, слово, литературный язык, художественная форма.

Для теоретических установок Казанской лингвистической школы (КЛШ) были характерны два фактора: излишний психологизм и непонимание социальной природы языка. Психологическая направленность в языке красной нитью проходит через работы И.А. Бодуэна де Куртенэ и его учеников. Не стала исключением и оригинальная лингвистическая концепция В.А. Богородицкого.

Находясь в русле младограмматического направления в языкознании, школа И.А. Бодуэна де Куртенэ, бесспорно, подверглась идейному и концептуальному воздействию со стороны концепции Г. Пауля. Глава лейпцигских младограмматиков неслучайно высказывался об исключительно психологическом характере языкознания даже в отношении отдельных фактов. С другой стороны, он писал: «Психология языка как особенный предмет не имеет места ни в языкознании, ни в психологии. Есть только одно языкознание, но также только одна психология» [12, S. 21]. Из этого утверждения следует, что психология языка особо выделялась им как независимое явление.

И.А. Бодуэн де Куртенэ, с одной стороны, достаточно критично относился к младограмматической доктрине. На это в статье «Памяти А. Мейе» указал Л. В. Щерба: «Но многие лингвисты уже давно тяготились концепцией младограмматиков и стремились сбросить с себя ярмо Г. Пауля: достаточно сослаться на труды Бодуэна де Куртенэ, начиная с конца 70-х годов прошлого столетия» [10, с. 407]. Стремясь выйти за рамки младограмматизма, И.А. Бодуэн де Куртенэ всё же не отказался от психологической доминанты в лингвистических исследованиях. С его именем связана отечественная традиция психолингвистического подхода к феномену языка. Он совместно с Н.В. Крушевским и В.А. Богородицким установил разные типы отношений в языке. Основные положения современной психолингвистики были развиты экспериментально учениками И.А. Бодуэна де Куртенэ: в Казани В.А. Богородицким, а в Петрограде – Л.В. Щербой. Сам этот термин в российской лингвистике укрепился после появления монографии А.А. Леонтьева «Психолингвистика» [1967 г.].

Психологическая установка характерна для всей лингвистической концепции В.А. Богородицкого. На это обстоятельство указывают, прежде всего, сами названия его работ, например, лекция 11 «Морфологический анализ слов в психологическом освещении» и «Этюд по психологии речи». Лекция 10 «Психофизиология речи» и лекция 14 «Психофизиологическое изучение индивидуальных явлений речи» не относятся прямо к психолингвистике, так как смешаны с биолингвистикой мозга (нейролингвистикой).

Сравнительные исследования В.А. Богородицкого также демонстрируют значение психологизма. В «Очерках по общему языковедению и русскому языку» (1901 г.) он рассматривал вопросы морфологии, русского вокализма и чередований гласных в русском языке. В поправках к рецензии И.А. Бодуэна де Куртенэ В.А. Богородицкий отрицал влияние со стороны Н.В. Крушевского на изображение психологического момента речи. Аргументируя свою правоту, он подчеркнул: «Признавая приведённое утверждение И.А. Бодуэна де Куртенэ совершенно ошибочным, я позволю себе указать на то, что мои чисто психологические исследования в области письма и речи появились в свете чуть не двумя годами ранее таковых же Н.В. Крушевского» [3, с. 557]. Эти идеи В.А. Богородицкого основывались на статьях «Изучение малограмотных написаний», «О морфологической абсорбции» и «Этюде по психологии речи» 1881-1882 гг. В названных работах, как и в самом отклике на рецензию главы КЛШ, содержится прямая отсылка к психологии.

При анализе природы языка В.А. Богородицкий обращал внимание на его изменчивость во времени и пространстве, видя её причину в смене генераций (поколений). Она представляет собой основной культурно-социальный фактор, вызывающий изменения языка. В теории генераций кроются их психолого-социальные причины. Их появление учёный объяснял тем, что дети, подмечая нюансы произношения звуков в речи взрослых, могут употреблять некоторые из них предпочтительно перед другими, порой преувеличивая. В этой связи учёный отмечал: «Отсюда и получаются отмечаемые отдельными исследователями некоторые звуковые различия у старших и младших пред-

ставителей того или другого говора, причём старшим кажется, что молодая генерация модничает» [8, с. 116]. Таким образом, с течением времени в языках и происходят изменения.

Ассоциативное свойство речи В.А. Богородицкий показал в статье «Этюд по психологии речи». Учёный писал об упрочении коммуникативной связи при повторении: «Благодаря ей по одному названию предмета легко вызывается в уме представление самого предмета, равно как при появлении в уме идеи предмета мы легко называем этот последний обычным его именем» [6, с. 146]. С учётом мнения учёного М.К. Тимофеева отмечала: «Любая мысль, оказавшись выраженной в виде некоторого языкового текста, может выступить в функции знака по отношению к этому тексту» [9, с. 139]. Поскольку язык может функционировать лишь при допущении возможности обращения своих знаков, жесты закономерно отошли на второй план.

С прогрессом языка непосредственно связан творческий рост его носителей. В лекции В.А. Богородицкого «Психология поэтического творчества» проведён психологический разбор произведений этого жанра. Пытаясь понять причины формирования национальных типов мышления, учёный писал: «В области ощущений сказываются индивидуальные разницы в зависимости от разной тонкости наших органов чувств, а также разницы по характеру воспроизведения, что конечно должно отражаться и на целом мышлении» [2, с. 4]. Исследованием данной проблемы до В.А. Богородицкого занимались в России А.А. Потебня и И.А. Бодуэн де Куртенэ, а в Пруссии – В. фон Гумбольдт.

Несмотря на то, что В.А. Богородицкий считал основной единицей речи предложение, он проводил психофизиологический анализ речи на примере слов как более простых явлений. Размышляя о природе слова с психолингвистической стороны, в лекции 10 исследователь напоминал: «Мы уже знаем, что слово есть звуковой символ представления или понятия, который проявляется произношением у говорящего и слышанием как у говорящего так и у слушающего» [8, с. 143]. От этого положения учёный переходил к исследованию системы ассоциаций слова.

Различая произносительную и слуховую стороны, В.А. Богородицкий указывал: «При этом импульсы и мышечное чувство составляют внутренний или психический момент звукопроизводства, а мышечные действия – его внешний момент; слышание также предполагает моменты внешний и внутренний: первым является колебательное состояние наружного воздуха, передающееся барабанной перепонкой уха, а вторым – возникающие в мозгу слуховые ощущения» [8, с. 11-12]. В этой характеристике ощущается влияние психологической теории И.А. Бодуэна де Куртенэ.

В «Общем курсе русской грамматики» В.А. Богородицкий дал определение морфологии: «Морфология изучает в словах не отдельные звуки, но знаменательные (морфологические) части слов, каковы: корень, префикс, суффикс, окончание и основа; при этом она показывает, как язык пользуется ими для изменения слов по склонениям и спряжениям, а также для словопроизводства. Вместе с тем морфология группирует самые слова по характеру их

значения и формы в те наиболее крупные разряды, которые известны под названием частей речи» [4, с. 94]. Но перед изложением русской морфологии учёный рассматривал морфологические категории. Е.В. Акимова подчеркнула основное отличие взглядов В.А. Богородицкого от теории И.А. Бодуэна де Куртенэ: «Впрочем, сам учёный, исследуя морфологические категории и процессы современного ему русского языка, их «психологическому освещению» уделяет второстепенное внимание, сосредоточиваясь на «внешней морфологии» [1, с. 8]. К ведению морфологии В.А. Богородицкий относил именно знаменательные части слов.

Психологическое представление образования морфологических частей слов в сознании подтверждает применение В.А. Богородицким ассоциативного метода. Исходя из этого, учёный заключал: «И так, с психологической точки зрения процесс образования грамматических форм в нашем уме сводится к ассоциации по смежности и сходству» [8, с. 157]. Именно ассоциации обеспечивают лучшее запоминание слов и понятий, облегчая изучение языка. В экспрессивных ситуациях закономерно происходит появление у слов и новых ситуативных значений.

В.А. Богородицкий был убеждён в незавершённости эволюции частей речи. Цель учёного состояла в кратком обзоре их постепенного формирования с опорой на сравнительно-грамматические данные. В.А. Богородицкий выделял в целом 12 частей речи, указывая в 11-ой лекции «Морфологический анализ слов в психологическом освещении»: «Прежде всего они группируются в два наиболее крупных раздела: 1) слова, служащие для обозначения умственных представлений и 2) слова эмоциональные» [8, с. 158]. Слова, обозначающие умственные представления, подразделяются на а) слова с собственным значением и б) слова без собственного значения (формальные). Слова с собственным значением разделяются на самостоятельные (имена существительные, личные местоимения и глаголы) и подчинённые слова (имена прилагательные (причастия), определительно-указательные местоимения и наречия (деепричастия)). К формальным словам относятся предлоги, союзы и частицы, а к эмоциональным – междометия.

В синтаксической теории вслед за немецким учёным Г. Габеленцем рядом лингвистов (А.А. Потебнёй, Ф. Ф. Фортунатовым) на первое место выдвигалось учение о «психологических» подлежащем и сказуемом. Данные понятия В.А. Богородицкий считал совершенно чуждыми для психологии категориями. На примере выражения «птица летит», в котором оба слова могут играть роль психологического подлежащего, исследователь подчёркивал негативный фактор проникновения в грамматику логического элемента [8, с. 177]. Исключение В.А. Богородицким искусственных категорий из синтаксиса и сохранение за главными членами предложения их формально-грамматического значения говорит о том, что позиция русского языковеда отличалась от оптимизма В. Матезиуса по поводу теории актуального членения предложения.

Литературный и поэтический язык, сочетая в себе новые и архаичные формы, также крайне интересны с психологической точки зрения. Разбирая

случаи народной этимологии, В.А. Богородицкий подчёркивал частые злоупотребления объяснением слов посредством данного понятия в связи с произволом интерпретаций и отходом от настоящего народного чутья. Учёный считал, что правильность интерпретаций зависит от способности к логическим размышлениям. Эти взгляды В.А. Богородицкого перекликаются с рассуждениями австрийского психолога Ф. Кайнца (1897-1977), убеждённого в неточности термина «языковое чутьё» для обозначения чувства в собственном смысле слова. Поэтому в работе «Psychologie der Sprache» он заявлял, что «чувство» в «чувстве языка» скорее подчинено знанию как его генетический продукт [11, S. 325]. Влияние «чувства языка» действительно ощущалось в лингвистической литературе на основе схожести представлений И.А. Бодуэна де Куртенэ, В.А. Богородицкого, Н.Д. Голева, К.Д. Ушинского, Л.В. Щербы, А.М. Пешковского и других исследователей.

Богатство и образность речи в целом зависит от индивидуальных особенностей носителей языка. Эта зависимость показана в очерке В.А. Богородицкого «Психология поэтического творчества в соотношении с научным»: «В области представлений и понятий, образующих нашу мысль, можно подметить весьма характерное различие у разных индивидуумов, состоящее в том, что у одних лиц мысль является с большей образностью составляющих её представлений и понятий, у других же – с большей отвлечённостью» [5, с. 315]. Стилистические особенности речи определяются уровнем психического развития.

Идеи В.А. Богородицкого по изучению произведений художественной литературы находятся в полном соответствии с направлениями современных психолингвистических исследований текстов. Это связано с особенностями художественной формы, в которой сочетаются как содержательная сторона, так и акустический образ и синтаксическая структура. В таком их синтезе художественная форма и должна быть объектом исследования.

В русской лингвистике неоднократно появлялись идеи изучения патологических фактов языка. В.А. Богородицкий был одним из наиболее последовательных исследователей этого направления. В «Этюде по психологии речи» он призывал к изучению речи в её реальном состоянии. В этой связи он заявлял: «Исследователю языка нужно всегда помнить, что он должен стремиться к изучению речи в её действительности; поэтому он должен подвергать строгой критике всякое грамматическое учение, внимательно рассматривая, не следует ли отнести это учение, так сказать, к лингвистической морфологии» [7, с. 147]. С их употреблением языковед соотносил внедрение в речь заимствованных слов, новообразований, образований по аналогии и различных нарушений и отходов от нормированного языка. Последний случай он подробно осветил в 14-ой лекции «Психо-физиологическое изучение индивидуальных явлений речи».

Несомненно, что во всех разделах лингвистической концепции В.А. Богородицкого просматривается психологическая составляющая. Это было связано с углубленным вниманием учёного к причинам процессов, происходящих в языке. Рассматривая язык как орудие мысли и деятельность,

В.А. Богородицкий ставил в центр своих исследовательских интересов проблемы языковой личности.

Список литературы

1. Акимова, Е. В. Взгляд казанских грамматистов на семантический статус термина «морфология» [Текст] / Е. В. Акимова // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. – Филология. Культурология. Педагогика. Методика. – 2013. – № 4. – С. 7-10.
2. Богородицкій, В.А. Психология поэтического творчества [Текст] / В.А. Богородицкій // Ученыя записки Императорскаго Казанскаго университета. – Казань, 1900. – 27 с. (Публичная лекция).
3. Богородицкій, В.А. Поправка къ рецензіи проф. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ на мое сочиieніе „Очерки по языковѢдѢнію и русскому языку“ (1901 г.) [Текст] / В.А. Богородицкій // Журналъ министерства народнаго просвещѢнія. – СПб, 1903. – Часть CCCL. – Декабрь. – С. 556-557.
4. Богородицкій, В.А. Общій курсъ русской грамматики (Изъ университетскихъ чтеній) [Текст] / В.А. Богородицкій. – Казань: Типо-литографія Императорскаго Университета, 1904. – [4], 211 с., 2 л. ил.
5. Богородицкій, В. А. Психологія поэтическаго творчетсва въ соотношеніи съ научнымъ [Текст] / В. А. Богородицкій // Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку: Пособіе при изученіи науки о языкѣ. – Изданіе 3-е, пересмотрѣнное и исправленное. – Казань: Типо-литографія Императорскаго Университета, 1910. – С. 314-335.
6. Богородицкий, В.А. Этюд по психологии речи [Текст] / В.А. Богородицкий // Очерки по языковедению и русскому языку – Изд. 4-е, перераб. – М.: Учпедгиз, 1939. – С. 146-157.
7. Богородицкий, В.А. Этюд по психологии речи [Текст] / В.А. Богородицкий // Очерки по языковедению и русскому языку. – Изд. 5-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – С. 146-157. (Лингвистическое наследие XX века.)
8. Богородицкий, В.А. Лекции по общему языковедению [Текст] / В.А. Богородицкий. – Изд. 3-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 312 с. (Лингвистическое наследие XX века.)
9. Тимофеева, М.К. Естественные и формальные языки: дисс. на соискание учён. степени докт. филол. наук [Текст] / М.К. Тимофеева. – Новосибирск: Институт математики Сибирского отделения Российской академии наук, 2005. – 323 с.
10. Щерба, Л.В. Памяти А. Мейе [Текст] / Л.В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность / Под редакцией Л.Р. Зиндера и М.И. Матусевич. – Изд. 4-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – С. 405-412. (Лингвистическое наследие XX века.)
11. Kainz, F. Psychologie der Sprache [Text] / F. Kainz. – B. IV. – Stuttgart-Wien: Hans Huber Verlag, 1965. – 402 p.
12. Paul, H. Prinzipien der Sprachgeschichte [Text] / H. Paul. – 5. Aufl. –Halle a. S.: Verlag von Max Niemeyer, 1920. – 432 s.

ОСОБЕННОСТИ ТОПИКИ А.Н. ЯХОНТОВА КАК ПОЭТА «ВТОРОГО РЯДА»

Саюнов И.О.

аспирант кафедры литературы Псковского государственного университета, Россия, г. Псков

В статье рассматривается утверждение о том, что псковский поэт А. Н. Яхонтов принадлежит к числу поэтов «второго ряда». На примере его стихотворений освещаются

особенности употребления «второстепенными» поэтами мировой культурной топики. Обозначаются различия между классиками и поэтами «второго ряда». Делается вывод о важности изучения творчества последних.

Ключевые слова: А. Н. Яхонтов, «второстепенный» поэт, море, романтический мотив, топика, топос.

Александр Николаевич Яхонтов (1820–1890) – псковский поэт и переводчик, выпускник Царскосельского Лицея. Он не был носителем собственного литературного стиля, однако, несмотря на постоянное применение «чужого» языка, смог оставить достаточно богатое и характерное для своего времени наследие. В настоящее время предприняты первые опыты в исследовании его творчества [11], однако степень изученности данного вопроса нельзя считать удовлетворительной.

В своей работе мы попытаемся осветить ведущие начала поэтической топики Яхонтова как поэта «второго ряда». Для этого, прежде всего, необходимо дать определение терминам «топос» и «топика», а также рассмотреть основной критерий, согласно которому мы считаем А. Н. Яхонтова «второстепенным» поэтом.

По мысли В. В. Виноградова, топика – это совокупность топосов, устойчивых элементов, которые проявляются на уровне сюжетов, тем и поэтических формул, «устойчивая жанрово-стилевая среда, представленная в виде созданных литературных норм и канонов» [2, с. 39]. Таким образом, она является неотъемлемой частью художественного пространства произведения, ряда произведений или определённого периода в литературе. Зарождение литературоведческого термина «топос» произошло в работах Э. Курциуса. По замечанию А. И. Жеребина, он называет топосами «относительно устойчивые комплексы изобразительных средств, предназначенные для описания типических ситуаций, действий или переживаний» [6]. Этой позиции мы и будем придерживаться в данной работе.

Топосы в наибольшей мере выявляют сложно квалифицируемое различие между «общими местами» в классической поэзии, и поэтизмами в произведениях «второстепенных поэтов», которых одним из первых в своей статье «Русские второстепенные поэты» определил и описал Н. А. Некрасов [8]. В отличие от классиков, при наличии должного таланта и основной части прочих необходимых качеств, они не могут идти исключительно своим собственным путём, нуждаясь в своеобразной опоре или ориентире.

Таким образом, граница между «литературными рядами» на наш взгляд определяется следующим: поэты-классики, пользуясь арсеналом культурной топики, органично сочетают выражение личных переживаний с общим смыслом, изначально заложенным в универсалиях культуры. По словам В. В. Виноградова, «Чем глубже поэт вникает в национальную сущность русской истории, современной жизни и в “дух” русского языка, <...> тем всё шире и сложнее делаются связи и отношения <...> с самыми разнообразными литературными темами, сюжетами, образами, стилями русской и мировой литературы». Сам этот процесс исследователь называет «сложным процессом

литературного намагничивания» [4, с. 418]. Что касается поэтов «второго ряда», то они, в силу эклектического характера творчества, не способны достичь художественного синтеза такой степени «намагничивания». Творчество «второстепенных поэтов» представляет собой контрастное слияние абстрактно-универсального и сугубо личного смыслов, что в конечном итоге лишает его целостности и самобытности. Поэт «второго ряда», считая культурную топику достоянием человечества, а не только художников-гениев, свободно пользуется ею для выражения повседневных переживаний и настроений, ограниченных пределами его собственного «я». Данные закономерности подтверждает творчество поэта, признававшего себя «второстепенным» литератором, Александра Николаевича Яхонтова.

Топика его стихотворений достаточно многообразна, так как, будучи всесторонне развитым человеком, он интересовался и вдохновлялся различными культурами и периодами от античной Греции и Рима до современных ему Германии и Российской Империи. Также, благодаря своей переводческой деятельности, он занимал особое место в литературном процессе, находясь одновременно в контексте русской и зарубежной литературы, при этом и та и другая оказали на его творчество заметное влияние. Восприятие А. Н. Яхонтова как в прижизненной критике, так и в последующих исследованиях зачастую является довольно противоречивым: его творчество не совпадало в полной мере ни с «народнической», ни с «романтической» парадигмами в искусстве и в равной степени могло истолковываться в духе обеих этих парадигм.

Данное обстоятельство, как и схожесть стихотворений Яхонтова с сочинениями других поэтов, отмечены в ряде рецензий, например, в статье К. К. Арсеньева «Новые сборники русской поэзии», опубликованной в 1884 г. в журнале «Вестник Европы» [1, с. 257]. В целом, автор статьи отзывается о Яхонтове довольно сдержанно. Он отмечает несомненное поэтическое дарование автора, которое всё же не может быть названо полностью самостоятельным. По словам Арсеньева, стихотворения Яхонтова местами напоминают творчество А. Н. Майкова, А. К. Толстого, но чаще всего – Н. А. Некрасова. При этом критик подчеркивает, что в данном случае эта схожесть является не результатом заимствования или подражания, а зависит, вероятно, от сходства настроений. Сравнение даже самых сильных стихотворений Яхонтова с поэтическими аналогами преимущественно оборачивается не в его пользу. Взяв для примера стихотворение «Народ», автор статьи показывает его «некрасовское» настроение, нарушаемое в финале «фальшивой нотой». По словам Арсеньева, «Отголоски Некрасова слышатся здесь на каждом шагу; близость основного мотива влечет за собою близость приемов и форм» [1, с. 261]. Концовку стихотворения критик разбирает подробно, обращая внимания на неуместные «наставления г. Яхонтова», среди которых не находится ни одного, применимого к истинному положению русского народа. Именно отсутствием таких ошибок, по мнению критика, и обусловливается сила Некрасова. Такие же неуместные контрасты отмечаются и в других стихотворениях Яхонтова, затрагивающих «народную» тему. В числе удачных стихотворений отмечается «Сила земская», «напоминающая гр. А. Толстого не

столько по содержанию, сколько по форме» [1, с. 263]. Критик заявляет, что Яхонтов не придерживается определенной колеи, стараясь быть всегда в творческом движении, вне каких-либо определенных рамок и групп. Несмотря на это топика его стихотворений неизменно остается в узком поле личностного восприятия, практически никогда не выходя на «всеобщий» уровень.

В журнале «Отечественные Записки» за 1884 год в разделе «Новые книги» появилась статья «Стихотворения А. Яхонтова. СПб. 1884» [9, с. 72]. В ней сборник стихов получил более оптимистичный отзыв, однако критик также подчеркнул, что по собственному позиционированию (посредством стихотворения-предисловия «Мне робко шепчет тайный голос») Яхонтова можно отнести к числу «Восторженных детей» вроде А. А. Фета и Я. П. Полонского – при этом отмечено, что он зачастую уступает им в благозвучности стиха, яркости образов и силе эпитетов. Вместе с тем, по мнению автора статьи, Яхонтов близок по настроению своих стихов к Н. А. Некрасову, так как он так же относится к народу, неся в себе «властительную думу». В качестве примера, как и в предыдущей статье, берется стихотворение «Народ» и подчеркиваются его «чисто некрасовские мотивы», выраженные не с некрасовской силой и блеском. Там же отмечено, что «не обладая талантом, который прокладывает себе собственные пути, он <Яхонтов>, естественно, подчинился влиянию господствовавших в <...> поэзии течений и направлений» [9, с. 74].

Однако поэт не во всём следовал веяниям времени, и «некрасовское» направление было не единственным ориентиром для его творческого «я». На закате эпохи романтизма свойственные этому мироощущению мотивы оставались присущими как переводам Яхонтова (в частности – переводам стихов Гейне и Гёте), так и его собственным произведениям. *Море* зачастую выступает оппозицией *Дома* и выражением идеи пути и беспокойства. Именно его можно назвать ведущим топосом романтических мотивов в творчестве Яхонтова.

Море является знаковой константой мировой литературы, фигурируя в ней с античности, однако достоверно отразить всё многообразие его метаморфоз смогли именно поэты-романтики. Оно воплощало для них идеалы свободы, будучи стихией, несущей в себе одновременно жизнь и смерть, постоянно меняющейся и похожей в их восприятии на круговерть человеческой жизни. Для большинства из них оно было живым, чувствующим и мыслящим существом.

По мнению Поля Валери, «Небо и море – стихии, неотделимые от широчайшего взгляда: наиболее простые, наиболее свободные с виду, наиболее изменчивые в целостной протяжённости своего исполинского единства» [3, с. 341]. В стихах А. Н. Яхонтова будет проведена похожая параллель, и ручей, падающий с гор, из-под самого неба, пройдя путь вниз станет более «приземлённым», познав весь спектр земных страданий.

Речь идёт о стихотворении «Горный ручей» (1853). В данном случае происходит персонификация ручья, а само стихотворение строится на цепочке олицетворений. Ручей, пленяясь морем и небом, отчаянно стремится вниз, туда, где ещё никогда не был и где, по его мнению, находится идеальный, полный свободной активности мир. Покинув родное место, преодолевая пре-

грады и питая свои силы влечением ко всему новому, он, наконец, спускается к морю и понимает, что оно не свободный простор, а «вечно готовая смерть и могила» [10]. За этой метаморфозой угадывается лирический герой Яхонтова, который понимает, как заблуждался, мечтая сбежать из тихого уголка, где был рождён. Но мотив возвращения в данном случае отсутствует, обратного пути для героя уже нет – и он навсегда растворяется в море.

Как и в сочинениях других поэтов XIX в., море в стихах Яхонтова выражало идею романтического «побега» и душевного беспокойства, но беспокойство это всегда было сугубо конкретным, личным. Несмотря на глобальность затрагиваемых тем, оно не выводило к идеям, выходящим за рамки собственных переживаний поэта. Совершенно иначе топос моря представлен в классической поэзии. Здесь стихотворение выступает «поэтическим целым», которое, по словам М. М. Гиршмана, «<…> возникает лишь при творческом создании и взаимном преображении <…> в единый организм» стиховой композиции, смыслового восхождения к подлинным духовным ценностям жизни и смены душевных состояний лирического героя [5, с. 35].

Ценность подхода к использованию общекультурной топики, присущего поэтам «второго ряда», состоит в том, что поэт, прикрепляя личное к универсалии, навсегда оставляет в стихотворении след своего времени. «Второстепенные» поэты не являются «вневременными» в отличие от классиков, и это дает возможность позднейшим читателям понять и прочувствовать ценностные начала отдельных пластов культуры, осмыслить внутренний мир человека конкретной эпохи в системе его онтологических составляющих и особенностях сформировавшей его среды.

Список литературы

1. Арсеньев, К.К. Новые сборники русской поэзии [Текст] / К.К. Арсеньев // Вестник Европы. – 1884. – Т. III. – №5. – С. 257-273.

2. Булгакова, А.А. Топика в литературном процессе [Текст]: пособие / А.А. Булгакова. – Гродно : ГрГУ, 2008. – 94 с.

3. Валери, П. Об искусстве [Текст]. – М.: Искусство, 1976. – 622 с.

4. Виноградов, В.В. Стиль Пушкина [Текст]. – М.: ОГИЗ, 1941. – 620 с.

5. Гиршман, М.М. Литературное произведение: Теория и практика анализа [Текст]: учеб. пособие / М.М. Гиршман. – М.: Высшая школа, 1991. – 160 с.

6. Жеребин, А.И. Цитата Михайлова из Курциуса и её обратный перевод [Текст] / А.И. Жеребин // Вопросы Литературы: Журнал критики и литературоведения. – 2011. – №4. – С. 290-301.

8. Некрасов, Н.А. Русские второстепенные поэты [Текст] // Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем. – М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1950. – Т. IX. – С. 190-221.

9. Стихотворения А. Яхонтова. СПб. 1884 [Текст] // Отечественные записки. – 1884. – Т. CCLXII. – № 1. – Отд. 2. – С. 72-75.

10. Рукопись. Стихотворения А. Яхонтова. № 1 [Текст] // ПГИАХМЗ. ОР и РК. Ф. 881 (Яхонтов А.Н.). ОФ 16333 (12)).

11. Творчество А.Н. Яхонтова в контексте русской и зарубежной культуры [Текст]: коллективная монография / под ред. Н.Л. Вершининой. – Псков: ЛОГОС Плюс, 2011. – 140 с.

МИРОТВОРЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ В ОСЕТИНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Дауева Т.Т.
младший научный сотрудник Северо-Осетинского института
гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНЦ РАН
и Правительства Р. Северная Осетия – Алания,
Россия, г. Владикавказ

В статье рассматривается система обычного права и суда. В частности, исследуется институт третейства в XIX веке. Выявляются особенности судопроизводства, а также механизмы исполнения приговора.

Ключевые слова: осетинское общество, судоустройство, третейство, конфликтогенные факторы.

Средневековый осетинский суд, сохранявшийся в течение долгого времени, был третейским, посредническим. В его функции входило разрешение внутриобщинных тяжб, а также конфликтов между жителями разных общин (прекращение кровной мести и вражды, поземельные споры и пр.). А. М. Ладыженский, специально изучавший обычное право горцев Северного Кавказа, считал, что суд посредников возник как первоначальный орган для урегулирования именно межэтнических конфликтов, а затем превратился во внутриобщинный судебный орган [4, с. 80].

Судьи (тæрхоны лæгтæ) избирались из среды общинников – лиц пожилого возраста, имевших достаточный жизненный опыт, пользующихся авторитетом и безукоризненно знавших все детали обычного права. Изучая обычное право осетин, Н. Мансуров писал, что судьей мог быть избран мужчина не моложе 50 – 60 – лет, обладавший наряду с перечисленными качествами хорошей физической формой, чтобы «в случае кровомщения со стороны недовольных его решением, он мог бы постоять за себя» [6, с. 148]. Г. Лиахвели также указывал, что судьей мог стать «… только имеющий от роду не менее 60 лет, заявивший себя в каких-нибудь делах, отличившийся особенным мужеством на войне, владеющий особенной опытностью, расположением народа, знанием народных обычаев, адатов и т.д.» [5]. Состав и полномочия судей не были постоянными, они выбирались в каждом деле самими тяжущимися. Как указывал М. М. Ковалевский «тяжущиеся стороны выбирали каждая своих посредников в неравном числе – обиженная сторона имела всегда одним посредником больше против обидевшей, ответчик – одним меньше против истца» [3, с. 214]. Судей могло быть от трех до девяти, но в большинстве случаев суд состоял из 5 – 7 человек. Процесс выбора судей был довольно длительным, требовалось согласие обоих сторон, чтобы окончательно утвердить состав судей.

В основе судебной практики лежало не соблюдение таких обычных действий как допрос и привлечение косвенных улик, а сам объект судебного

разбирательства. Дополнением к очевидному факту служило заявление потерпевшей стороны.

Использование косвенных улик и свидетельских показаний было настолько нетипичным, что могло вызвать резко негативную реакцию осужденного. Джантемир Шанаев указывал: «Свободная критика улик, представлявшихся против обвиняемого, была опасной для судей: она могла быть понята как факт недоброжелательства судей к обвиняемому и его роду и потому послужить для последнего основанием к преследованию судей, как недругов» [7, с. 6]. Несправедливое решение вызывало не только месть со стороны осужденного, но и недоверие всего общества. Поэтому судьи действовали с величайшей предусмотрительностью, стараясь принять верное и объективное решение.

Одним из ключевых элементов осетинского судопроизводства была присяга. Она рассматривалась как судебное доказательство и одновременно как средство защиты обвиняемого. Суд выносил решение о самооправдании присягой, если обвиняемый отрицал свою вину и были веские доводы для сомнения в его виновности. Присяга не была обыденным явлением, она принималась в редких случаях, к тому же именем наиболее почитаемого в данной местности святого и прахом покойника – близкого родственника. Прегрешения перед своими покойниками, перед богом и «дзуаром» («святым местом») считались одинаково страшными преступлениями. Как отмечал один из первых бытописателей Джантемир Шанаев, что осетины верили «… эти божества наказывали людей неумолимо строго, не только за прямую вину перед ними, блиставшими в сознании народа страшною карательной мощью, но и за один призыв, одно обращение к ним, сделанное в свое оправдание ложно» [6, с. 13]. Присягу назначали в делах о воровстве, о земельных спорах и др. Она обязательно подкреплялась соприсяжничеством – поручительством со стороны родственников.

Довольно значимой фигурой в осетинском судопроизводстве был «комдзог» (доказчик). Чаще всего он выступал в делах о воровстве. В этой роли обычно фигурировал участник или очевидец преступления. За свое участие на суде «комдзог» получал материальное вознаграждение от потерпевшего. Если ему не удавалось уличить виновного, он нес ответственность перед потерпевшим. «Комдзог» тоже должен был совершать присягу или участвовать в соприсяжничестве.

Длительность существования традиционного суда «тærхоны лæг» некоторые исследователи объясняют его действенностью и безапелляционностью решений. «Их слово было незаменимо, их решение свято; здесь не имели места никакие апелляционные и другие жалобы; так как умнее и опытнее «тærхоны лæг»-ов не было, то всякий противящийся мнению этих патриархов был противником самого общества, его взглядов и понятий» [2, с. 39].

Судебная практика осетин предусматривала и систему контроля за исполнением решения суда. Оно гарантировалось избранием поручителей от обеих сторон, которые должны были нести ответственность за выполнение

приговора суда [1 с. 122]. Эта функция, в случае ее успешного проведения, предполагала материальное вознаграждение от заинтересованной стороны.

Таким образом, основной функцией осетинского суда было третейское разбирательство дел, посредничество между враждовавшими сторонами, примирение кровников, установление размера и форм компенсации за причиненный ущерб.

Список литературы

1. Канукова, З. В. Традиционная культура в формировании регионального брендинга // Устойчивое развитие горных территорий. – 2014. – № 3 (21). – С. 121- 124.
2. Кобахидзе, Е. И. « Не единою силою оружия…». – Владикавказ, 2010. – 452 с.
3. Ковалевский, М. М. Современный обычай и древний закон. М., 1886. – Т.2. – 410 с. Репринтное воспроизведение. Владикавказ, 1995.
4. Ладыженский, А. М. Очерки социальной эмбриологии (внутриродовое и междуродовое право кавказских горцев) // Научная мысль Кавказа. Северо-кавказский научный центр высшей школы. – 1997. – №2. – С. 80 – 89.
5. Лиахвели, Г. Древний осетинский суд // Юридическое обозрение. – Тифлис, 1885. – № 197.
6. Мансуров, Н. С. Обычный суд у осетин // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах / сост. Л. А. Чибиров. Цхинвали, 1982. – Кн. 2. – 300 с.
7. Шанаев, Дж. Присяга по обычному праву осетин // ССКГ. – Тифлис, 1873. – Вып. 7.

МАТЕРИАЛЬНОЕ СТИМУЛИРОВАНИЕ ФИНАНСОВЫХ СЛУЖАЩИХ ЛЕНИНГРАДА В ПЕРИОД БЛОКАДЫ[1]

Зотова А.В.

доцент кафедры истории и регионоведения Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича,
кандидат исторических наук,
Россия, Санкт-Петербург

В статье на основе архивных документов исследуется деятельность финансовых органов Ленинграда по обеспечению материального стимулирования сотрудников в период блокады Ленинграда (сентябрь 1941 – январь 1944 гг.). Доказывается, что ленинградские финансисты, находясь в блокированном городе, не были оторваны от своих коллег из других регионов Советского Союза, а успешно конкурировали с ними в выполнении своих должностных обязанностей, чему способствовало их материальное стимулирование.

Ключевые слова: Великая отечественная война, блокада Ленинграда, финансы, Народный комиссариат финансов СССР, соцсоревнование.

В период блокады Ленинграда в городе работали 6 банков с многочисленной сетью филиалов и агентств: Ленинградская контора Госбанка, Ленинградская контора Промбанка, Ленинградская контора Сельхозбанка, Ленин-

[1] Работа выполнена при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых-кандидатов наук (Договор от 16 февраля 2015 г. № 14.W01.15.6540-МК).

градская контора Торгбанка, Ленинградский коммунальный банк и 116 сберегательных касс [1]. В связи с тяжелейшими условиями, в которых приходилось работать городским финансовым органам, для того чтобы повысить эффективность их работы, был разработан ряд мер стимулирующего характера.

В 1942 г. СНК СССР и Минфин СССР и РСФСР объявили об организации всесоюзного социалистического соревнования среди республиканских, краевых и областных финансовых отделов, нацеленного на выполнение задач по формированию государственного бюджета. Победителем в соревновании мог стать тот финансовый отдел, который, в первую очередь, представил бы лучшие показатели по бюджету. Необходимо было обратить внимание на такие статьи, как выполнение доходной части бюджета, выявление дополнительных доходных источников и мобилизация по ним поступлений в бюджет бесперебойное финансирование предусмотренных бюджетом мероприятий при максимальном соблюдении экономии в расходах и без сокращения мероприятий, обеспечивавших нужды населения. Также в рамках тех требований необходимо было провести ревизии во всех организациях по соблюдению ими сметно-бюджетной и штатной дисциплины. Необходимо было добиться лучших показателей в выполнении планов по государственным доходам, налогам и сборам, государственному страхованию, вкладам и займам.

Для того чтобы обеспечить выполнение требований по государственным доходам, необходимо было представить отчетность о выполнении плана по налогу с оборота, отчислениям от прибылей, подоходному налогу и неналоговым доходам без недоимок. Очень важны были платежная и отчетная дисциплина в хозорганах, своевременная и высококачественная проверка налоговых отчетов и балансов. Что касается выполнений требований по налогам и сборам, то должна была быть осуществлена организация и проведение работы по учету плательщиков, начислению платежей и их взысканию. Выполнение плана поступления налогов и сборов по каждому отдельному платежу, при наименьшей сумме недоимок, полном предоставлении установленных льгот и строжайшем соблюдении революционной законности. Обращалось внимание и на своевременное рассмотрение жалоб плательщиков. Что касается государственного страхования, то должны были быть проведены работы по учету объектов обязательного окладного страхования, правильное исчисление и полный и своевременный сбор страховых платежей при наименьшей сумме недоимок. Максимальный охват объектов добровольным страхованием и перевыполнение плана по каждому виду добровольного страхования, правильная организация работы по определению и размещению убытков так же имели большое значение. Кроме того, должны были быть выполнены планы по привлечению вкладов. Закрепление суммы подписки на государственный военный заем по рабочим и служащим полным своевременным поступлением взносов и наибольшим процентом поступивших взносов по займу на селе. Заключительным этапом в требованиях было составление учета и своевременное представление отчетности по бюджету, госдоходам, налогам и сборам, госстрахованию, вкладам и займам [2, л. 15-16].

Победителям в соцсоревновании выдавались премии: первая премия – переходящее красное знамя ЦК Союза финансово-банковских работников НКФ СССР и 100 000 руб. для премирования лучших работников; две вторые премии – по 75 000 руб.; три третьих – по 50 000 руб.

Итоги Всесоюзного соцсоревнования подводились ежеквартально, не позднее 25 числа следующего после истечения квартала месяца, итоги областных соревнований – не позднее 15 числа [2, л. 15-16].

Также помимо этих сумм еще выдавались премии по 60 000, 40 000 и 25 000 руб. [2, л. 17-18].

Известно, что в третьем квартале 1942 г. победу одержало Московское финансовое управление. Вторую премию (по 75 000 руб.) разделили Горьковское и Московское областные финансовые отделы. Третью премию (50 000 руб.) получили Тамбовский, Бухарский и Карагандинский областные финансовые отделы, а также НКФ Татарской АССР. Ленинградский финансовый отдел не одержал победу, но был отмечен при подведении итогов соцсоревнования [2, л. 49]. В письме заведующему Ленинградским горфинотделом И.В. Гужкову от НКФ СССР 8 ноября 1942 говорилось о том, что «При выполнении плана по налогу с оборота на 131, 1% финорганы г. Ленинграда заняли второе место по РСФСР. <…> Однако, план по налогам хотя и выполнен на 102,9% (25 место), но по военному налогу и подоходному налогу с населения имелось недовыполнение заданий – 11 365,6 т.р. недособрали» [2, л. 52]. Также было отмечено, что план по государственному военному займу за 1942 г. был выполнен на 78,7%; по 2-й денежно-вещевой лотерее – 72, 8% квартального задания; по вкладам в сберкассы произошла рецессия в сумме 32 284 000 руб. Финансовое руководство страны отметило ленинградских коллег за то, что отчетность сдавалась своевременно и была хорошего качества, было замечено, что Ленинградским городским финансовым отделом подготовлено на двух местных курсах 113 финансовых работников.

В целях поощрения лучших работников финансовых органов Госструдсберкасс и государственного кредита, Госстраха, а также банков долгосрочных вложений приказом № 448 НКФ СССР от 22 июля 1942 г. был учрежден нагрудный значок «Отличник финансовой работы» [2, л. 19-20]. В Положении о значке говорилось, что значком должны награждаться те финансовые сотрудники, которые добились значительных результатов в «а) выполнении финансовых планов и повседневном проведении твердой финансово-бюджетной и кредитной дисциплины; б) изобретательстве и рационализации, направленных к улучшению и укреплению финансовой, сберегательной, страховой и кредитной работы; в) подготовке и правильном использовании кадров» [2, л. 20].

Кроме того, в конторах Госбанка был учрежден знак «Отличник Госбанка».

По результатам социалистического соревнования Ленинградская контора Госбанка в 1944 г. дважды одержала победу во Всесоюзном социалистическом соревновании контор Госбанка, получив по результатам работы во II квартале переходящее Красное знамя правления государственного банка и

ЦК профсоюза финансово-банковских работников и звание «Лучшая контора», а по результатам III квартала контора заняла третье место в соревновании контор Советского Союза. В конторе было 210 отличников, из них 33 были награждены нагрудным знаком «Отличник Госбанка» [3].

Руководство страны полагало, что награждение орденами, медалями и денежными премиями лучших работников финансовых органов за успешное выполнение заданий правительства по финансированию обороны страны будет стимулировать всех финансовых работников к еще лучшему выполнению возложенных на них партией и правительством задач.

Председатель ЦК Союза финансово-банковских работников А. Сафронов призывал всех трудящихся в финансовой сфере: «Товарищи финансовые работники! Утроим наши усилия, чтобы помочь Красной Армии выполнить первомайский приказ т. Сталина – окончательно разгромить немецко-фашистские войска и освободить советскую землю от гитлеровских мерзавцев в 1942 г.» [2, л. 17].

Для того чтобы обеспечить победу Ленинградского городского финансового отдела на Всесоюзном соцсоревновании на протяжении всей блокады, соцсоревнование в банках не прерывалось ни на день [4]. Между сотрудниками подписывались индивидуальные и коллективные договоры о соревновании. Ленинградская контора Госбанка в мае 1942 г. вызвала Московскую контору Госбанка на соцсоревнование [5]. Организовывались соцсоревнования по профессиям: соревновались на лучшего операциониста, контролера, кассира. По результатам соцсоревнований всегда выдавались денежные премии лучшим сотрудникам финансовой сферы. Эта состязательность не казалась формальностью. Многие советские люди считали, что социалистическое соревнование, как специфическая форма конкуренции, играет позитивную роль в мобилизации людей на борьбу с фашизмом.

Список литературы

1. См. например: Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (Далее – ЦГА СПб.). Ф. 1126; Ф. 1136; Ф. 1289; Ф. 9494; Ф. 2033; Ф. 7279; Ф. 9823.
2. ЦГА СПб. Ф. 1853. Оп. 7. Д. 171.
3. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (Далее – ЦГАИПД СПб.) Ф.3856. Оп.1. Д.14. Л. 5 об.
4. См. например: ЦГАИПД СПб. Ф. 1668. Оп. 2. Д. 1. Л. 2.; Оп. 1. Д. 11. Л. 4.
5. ЦГАИПД СПб. Ф. 3856. Оп. 1. Д. 8. Л. 3.

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ… БЕЗ ВЛАСТИ…

Федоров В.И.
ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, д-р истор. наук,
Россия, г. Якутск

В статье «Советская власть … власть без власти…» рассматриваются её коллизии в первые годы создания на примере Якутии. Если отряд Рыдзинского в 1918 г., захватив

Якутск, власть передал Совету рабочих депутатов, то в декабре 1919 г. советов вовсе не было. В этих условиях, когда Советская власть восстановилась, областью управляли Военревштаб, затем ревкомы, не связанные с волеизъявлением населения, т.е. провозглашенная советская власть существовала без власти. Так продолжалось до образования Якутской АССР.

Ключевые слова: советская власть, территория, Якутия, военревштаб, ревкомы, продразверстка, продналог, комбеды, повинность.

Советская власть в Якутии, будучи свергнутой 5 августа 1918 года, отрядом Гордеева вновь установилась 15 декабря 1919 года в результате переворота, совершенного гарнизоном города при содействии левых сил – коммунистов и левых эсеров.

После победы Февральской революции ни Якутский комитет общественной безопасности, ни Областной Совет, объявивший себя высшим органом местной власти, ни земство, ни политические партии и союзы не могли найти и принять адекватные меры для спасения населения края и предотвращения надвигающейся катастрофы в крае. В этих условиях основная масса населения становилась готовой для принятия любых изменений в общественно-политической жизни и практически ждала их. Этим объясняется бескровный переворот 15 декабря 1919 г. и свержение областного управляющего, представляющего администрацию Колчака.

В связи с этим переворотом сложилась весьма парадоксальная ситуация. Во второй половине 1918 г. в связи с высылкой большой группы арестованных политических деятелей за пределы области, сильно ослабли сторонники советской власти, в первую очередь, большевики, которые не сумели восстановить разбежавшиеся советы.

Если отряд Рыдзинского, разогнав Областной совет В.Н. Соловьева, 1 июля 1918 года власть передал Якутскому Совету рабочих депутатов, большинство членов которого только что были освобождены из тюрьмы, то 15 декабря 1919 года к моменту переворота в Якутске советов не оказалось вовсе. В этих условиях власть была передана временному органу – вновь созданному Военно-революционному штабу, действовавшему от имени советской власти, на правах революционной законности. Таким образом, была восстановлена Советская власть, но без власти. Реальная власть принадлежала Военно-революционному штабу, его вооруженным формированиям.

Первостепенной задачей Военревштаба являлось создание нового государственного аппарата власти. Приказом от 24 декабря 1919 года он ликвидировал, в первую очередь, учреждения областной администрации Колчака: Областное управление, его отделы (административный, казенная палата, тюремный и милиция). Казначейство, отделение Госбанка, акцизное управление, областная типография были переданы в ведение Штаба. Были закрыты судебные учреждения, расформированы местные воинские части и следственные комиссии в области и уездах. Якутская городская дума была заменена городским комиссариатом [1, с. 36]. До установления органов советской

власти на местах временно сохранялись областная, уездные и волостные земские управы, которым были переданы некоторые учреждения ликвидированного Областного управления, так как в первое время в волостях и наслегах некому было заниматься хозяйством и другими делами.

Декабрьский переворот произошел, когда еще формально действовал режим адмирала Колчака в Сибири. Военревштаб продолжал испытывать сложности в связи с наступающей Красной Армией и Центросибирью. Только после восстановления советской власти в Сибири во второй половине января 1920 года Военно-революционный штаб смог получить временную инструкцию об образовании органов советской власти в Северо-Восточном крае. В феврале и марте 1920 г. была попытка организовать органы советской власти в Якутской области по этой инструкции. Работа велась в условиях политической борьбы, преодолевая острую нехватку кадров, невероятную темноту масс, которая предопределяла их инертность. Несмотря на это, кое-как, хотя не повсеместно, удалось организовать советы на уровне волостных структур. Многие из них, из-за неумения работать среди трудящихся масс, распались. В четырех уездах, кроме Олекминского, уездные съезды вовсе не проводились.

Напряженная политическая обстановка в стране и области требовала восстановление органов власти на местах в форме единых революционных комитетов, созданных в районах военных действий в годы гражданской войны в России. По телеграфному распоряжению от 14 марта 1920 г. уполномоченного Симбревкома по Якутской области М.К. Аммосова был организован временный Губернский революционный комитет (Губревком), наделенный широкими полномочиями, в составе председателя Гладунова Я., членов – Винокурова Т., Соловьева М. Военно-революционный штаб был распущен, как выполнивший возложенные на него задачи. Все уездные комиссариаты переименовали в уездные ревкомы [2, с. 97].

Ревкомы, как чрезвычайные органы советской власти, в России создавались в трех видах: ревкомы местностей, освобожденных от неприятеля; ревкомы прифронтовой полосы; ревкомы тыла [3, с. 96]. Все ревкомы Якутии относились к ревкомам тыла, так как они в период создания находились в глубоком тылу, не соприкасаясь с прифронтовой полосой. Только со второй половины 1921 года Якутия стала зоной активного гражданского противостояния уже с оружием в руках. Если пренебречь установления советской власти летом 1918 года на период чуть более одного месяца, ревкомы действовали в мирных условиях. Несмотря на это вновь создаваемые советы на основе демократических выборов, ввиду неспособности их управлять и работать среди населения заменялись назначаемыми с сверху ревкомами, которые руководствовались т.н. революционной законностью. Это в то время, когда действовала первая Конституция РСФСР, принятая в 1918 году, провозгласившая о передаче всей власти советам и утвердившая её структуру снизу до верха и порядок её формирования. Несмотря на это, в отдаленных провинци-

ях России, в том числе в Якутии, Советская власть существовала без власти, осуществляя её через временно созданные революционные комитеты, наделенные чрезвычайными полномочиями от имени советской власти.

В связи с возникшей сложностью с продовольствием в городах, Совнарком России принимал чрезвычайные меры. В деревнях из бедноты формировались чрезвычайные органы – комитеты бедноты (комбеды), действия которых по насильственному изъятию зерна у крестьян поддерживались беднейшими слоями населения. Это в деревнях создавало условия для разжигания гражданского противостояния [4, с. 413].

В начале января 1919 г. в России была введена продразверстка как натуральная повинность в порядке принудительного отчуждения с крестьян требуемого количества продуктов. Руководство страны её представило как военный союз пролетариата с крестьянством.

По установлению советской власти в Якутии сразу начали действовать её законы. Реввоенштаб, Губревком Якутии и ревкомы на местах их строго придерживались и выполняли. Немедленно приступили к национализации частных промышленных предприятий и частично земли [5, с. 41]. Большую работу провели по выполнению декретов о трудовой, гужевой и конской повинностей. Самая тяжелая повинность для якутян была хлебная продразверстка, объявленная летом 1920 г. в размере 420 тысяч пудов, хотя климатические условия Якутии не позволяли населению самостоятельно обеспечиваться хлебом. Сельское население кроме хлеба сдавало много мяса и масла по твердой цене [6, с. 46].

Политика военного коммунизма, особенно её составляющая – продразверстка, введенная и действовавшая в относительно спокойное для Якутии время – 1920 и первой половине 1921 г., легла тяжелым бременем на большинство якутского крестьянства и вела его к разорению. Этим предопределила вступление более озлобленной по отношению к советской власти части населения в повстанческое движение. В Якутии полная легитимность Советской власти (в смысле власти советов) наступила по формированию руководящих государственных органов вновь созданной Якутской АССР (27. IV. 1927) в январе 1923 года

Список литературы

1. История Якутской АССР. Т. 3. – М., 1963. – 362 с.

2. Борьба за установление и упрочение советской власти в Якутии. Сб. документов и материалов. Ч. 1. Кн. 2, 1958 – 146 с.

3. Макаров Г.Г. Северо-Восток РСФСР в 19818-1921 гг. Якутск. 1988 – 301 с.

4. История России с древнейших времен до наших дней: Т. 2. М.: Проспект. 2010 – 720 с.

5. История Якутской АССР. – М. Изд-во АН СССР, 1963 – 362 с.

6. Гоголев З.В. Социально-экономическое развитие Якутии. Новосибирск: «Наука» 1972 – 256 с.

ПЕРВЫЕ ПОГРЕБЁННЫЕ ПЕРВОБЫТНЫЕ СТОЯНКИ В КРЫМУ: К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ

Черкасов А.В.
доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Филиала ФГБОУ ВО «Государственный морской университет имени адмирала Ф.Ф. Ушакова» в г. Севастополь, канд. пед. наук, доцент,
Россия, г. Севастополь

В статье представлена характеристика особенностей начального изучения феномена погребённых памятников первобытной истории на территории Крымского полуострова в хронологическом диапазоне – 30-50-е гг. XX в.

Ключевые слова: первобытная история Крыма, историография первобытных исследований, каменный век, первобытная стоянка.

В 40-х – начале 50-х гг. XX в. отечественный историк-исследователь С.Н. Замятнин объяснял незначительное количество выявленных стоянок каменного века тем, что в современную эпоху большинство из них находилось в так называемом погребённом состоянии. Очевидно, за длительный в хронологическом контексте период, своды навесов обваливались и перекрывались сдвигами и осыпями [1]. В настоящей публикации рассматривается начальный этап изучения данного археологического феномена в границах Крымского региона. Первой обнаруженной и исследованной погребённой стоянкой стала Бахчисарайская, на северном склоне одноимённой балки, напротив ущелья Майрам-дере, под скальной стенкой на высоте 33-36 м над уровнем р. Чурук-су [3]. Памятник был открыт в 1940 г. Д.А. Крайновым, выявившем в районе серию отщепов, мустьерский остроконечник, а также остеологические остатки. Разведочный шурф установил наличие культурных отложений, а в дальнейшем позволил сделать вывод о двуслойности памятника [3, с. 140]. В верхнем слое было собрано 118 изделий из кремня, нижний презентовал коллекцию из 1800 артефактов. Новым шурфом, севернее массива обвала, под самой скалой, была локализирована часть входа в древнюю пещеру. Археологам удалось рассмотреть достаточно просторную камеру размерами 9 на 4 м с гипотетически человеческими костями у входа. Проникнуть в пещеру помешали глыбы завала [4]. Дальнейшее изучение Бахчисарайской стоянки возобновилось в 1957 году А.А. Формозовым. Основное внимание ученых на второй этапе направлялось на исследование части площадки, где происходила хозяйственная деятельность первобытного человека. В данном локусе кремневый инвентарь представляли полиморфологическими остроконечники, скребла и ножи. Был найден один радиально-двусторонний, основательно сработанный нуклеус (1-й культурный слой) [4, с. 145]. Задача поиска стоянок подобного типа, как самостоятельный пункт полевых исследований, институционально была оформлена в 1954-1955 гг. в контексте деятельности Крымской палеолитической экспедиции Института Истории материальной культуры (ИИМК) при изучении палеолитического местонахождения Кабази (у с. Малиновка), в 13 км к югу от Сим-

ферополя. Открытие здесь каменных орудий связывалось с именем К.С. Мережковским, который в 1880 г. упоминал о «двух открытых местонахождениях..., одно из которых содержится на склоне той горы, в которой образованы три пещеры Кабази» [2]. Вторичное «открытие» объекта произошло в 1952 г. в ходе экспедиции А.А. Щепинского [5, с. 86]. Ученым было установлено, что местонахождение, по материалу из погребённой пещеры, следует датировать эпохой мустье [6]. По причине того, что толщина слоя с находками под обваленными плитами, не превышала 20 см, А.А. Щепинский предположил: падение кровли навеса произошло вскоре после заселения стоянки. Однако человек продолжил жить на прилегающей площадке. На этом участке раскопками были локализированы четыре очага диаметром от 30 до 50 см с остатками древесного угля [4, с. 149-150]. После того, как первобытные обитатели оставили стоянку, поверхность кровли, со временем обвалилась, перекрыв как навес, так и саму площадку. Археологами был составлен план поселения Кабази, проведена подробная систематизация собранных артефактов (более 2000 наименований), оформлена фаунистическая коллекция (по данным В.И. Громова, фауна Кабази была представлена пятью видами животных: диким конём, диким ослом, бизоном и благородным оленем [3]. Особой находкой стали двусторонние обработанные орудия, идентифицированные А.А. Щепинским, как наконечники копий. С одной стороны, они были обработаны плоскими сколами, с другой – выпуклыми. Находка стала второй в истории листовидных форм крымского мустьє (первые орудия подобного типа обнаружены А.А. Формозовым в Салачике (Староселье)) [6, с. 57]. Таким образом, Кабази стала шестой (после Киик-Кобы, Чокурчи, Шайтан-Кобы, Волчьего грота и Староселья) стоянкой мустьерского периода и второй – погребённой (после Бахчисарайской). Значение обнаружения погребённых пещер на территории Крыма, во-первых, в предоставлении нового материала для характеристики эпохи палеолита в регионе, во-вторых, в собственном открытии указанного археологического феномена.

Список литературы

1. Замятнин С.Н. Очерки по палеолиту / С.Н. Замятнин. – М-Л.: АН СССР, 1961. – 176 с.

2. Мережковский К.С. Отчет о предварительных исследованиях каменного века в Крыму / К.С. Мережковский. – СПБ., 1980. – 43 с., ил.

3. Степанчук В.Н. Поздние неандертальцы Крыма. Киик-Кобинские памятники (история исследования, локализация, стратиграфия, хронология, фауна, каменный инвентарь, происхождение, судьбы) / В.Н. Степанчук. – К.: Стилос, 2002. – 217 с.

4. Формозов А.А. Мустьерская стоянка Кабази в Крыму (первый опыт изучения погребенных пещер в СССР) / А.А. Формозов // Советская археология. – 1959. – № 29-30. – С. 143-158.

5. Щепинский А.А. К вопросу об ашеле в Крыму / А.А. Щепинский // Исследование палеолита в Крыму (1879 – 1979): Сб. научных трудов (отв. ред. Колосов Ю.Г.). – К., 1979. – С. 85-91.

6. Щепинский А.А. Мустьерские памятники Крыма и опыт реконструкции хозяйственной деятельности неандертальского человека / А.А. Щепинский // КСИА. – 1990. – В. 206 – С. 52-58.

К ПОИСКУ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПЕРСПЕКТИВ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: НА ПРИМЕРЕ СТАНОВЛЕНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РОССИЙСКОГО КИНЕМАТОГРАФА В ПРИМОРСКОМ КРАЕ НАЧАЛА XX ВЕКА – ИЮНЯ 1941 г.

Чугунов А.М.
, Дальневосточной государственной академии искусств, доцент,
Россия, г. Владивосток

В статье показаны сложности перехода к новой исторической парадигме, многовариантный научный поиск которой еще не завершен. Поскольку проблемы методологических подходов неизменно встают перед каждым исследователем, предлагается их решение на примере становления и функционирования российского кинематографа в Приморском крае с позиций современного исторического знания.

Ключевые слова: методология, новая историческая парадигма, кинематограф, функционирование.

При определении инструментария выявления, упорядочения, систематизации и обобщения документов и материалов автором была избрана методология, которая позволила исследовать функционирование системы кинематографа в сложный период отечественной истории начала XX в. – июня 1941 г. Это сама по себе трудная исследовательская задача осложнялась необходимостью обращаться к формационному методу, основанному на марксистко-ленинской идеологии, но исследование при этом осуществлялось на базе новой исторической парадигмы, многовариантный научный поиск которой еще не завершен и дискуссии не прекратились.

В этом контексте зарубежные историки выделили эпистемологические проблемы, связанные с «постмодернистским вызовом», угрожавшим самому существованию истории, как научной парадигмы (К. Поппер) [16, с. 79-116]. Они указали на умножение исторических субдисциплин, зачастую мало или вовсе не связанных между собой, следствием чего стала прогрессировать утрата целостности исторической дисциплины, ее фрагментарность. Это побудило П. Новик [22] констатировать «хаос» в исторической науке, случившийся после развала СССР и марксистско-ленинской идеологии, что было опасно для существования исторической дисциплины.

Отечественные ученые (А.А. Искандеров [8, с. 7-19], С.Г. Кара-Мурза [9]) кризис исторической науки связывали с кризисом марксизма. Так, в работах А.А. Искандерова [8] и И.Д. Ковальченко [11, с. 3-11] под кризисом в российской истории понимали не застой и упадок в ее развитии, а такую поляризацию теоретико-методологических взглядов и подходов, следовательно, и конкретно-исторических концепций, которые во многих аспектах разрывали единство коренной сущности исторического познания. Плюралистическое единство различных теоретико-методологических теорий, подходов и методов И.Д. Ковальченко считал необходимым условием преодоления кризиса

исторической науки. Работы А.И. Валлерстайна [4] и А.П. Репиной [18] вызвали острые дискуссии по вопросу «о кризисе в исторической науке», в ходе которой высказали свои суждения Дж. Тош [20], Л.В. Алаев [1] , И.Р. Пригожин и И. Стенирс [17], в которых шел поиск направлений новой парадигмы общественных наук.

Длительная дискуссия старого «формационного метода» с учеными, предлагавшими «цивилизационный метод», нашла отражение в работах М.А. Барга [2], П.К. Гречко [6], Б.И. Коваля [10]. Обобщенные выводы о современных методологических процессах в исторических науках были изложены в коллективном труде [19]. Работа В.С. Малахова стала своеобразным обобщением альтернативных концепций в исторической науке [13].

Методологическую основу изучения заявленной темы составил, прежде всего, *принцип историзма*, позволивший подойти к объекту исследования с учетом наработок предшественников и возможностей дальнейшего более углубленного изучения проблемы исследования. Анализ работ предшественников не только дал возможность увидеть картину изучаемого вопроса, но и избежать противоречий и тупиковых решений. Принцип историзма потребовал выявления и изучения максимально полного набора фактов, необходимых для решения конкретной задачи: исследование процесса становления и функционирования российского кинематографа в заявленных временных и территориальных рамках. На основе принципа историзма все события и явления в кинематографе различались по степени значимости и с учетом взаимосвязей с общеисторическими переменами в стране. Принцип историзма использован при формировании эмпирической базы исследования, интерпретации и анализе фактов, конструировании исторических картин, периодов и этапов развития, изучении объекта в динамике.

Сравнительно-исторический принцип позволил выдержать рациональную направленность исследования, выявить общие и специфические условия формирования функционирования кинематографа в отдаленном регионе России, особенности Указов и Постановлений Центральных органов власти и краевых властных структур для поддержки кинематографа, региональный аспект направленности его развития.

Историко-ситуационный принцип использован при анализе процесса становления и развития сети кинематографа в только что получившим в 1938 году административную и хозяйственную самостоятельность Приморском крае, в особых условиях его геополитического, природного и военно-стратегического значения. Автор статьи исходит из принципиально важного теоретического положения, что в кинематографической системе, объединявшей многие структурные составляющие, от кинопроизводства до кинопроката и вместе с тем, способной к саморазвитию на основе научно-технического прогресса, выделяются такие зоны, где процессы идут, как они шли во всем объеме системы в прошлом, а в других – какими еще предстояло им быть, будучи зависимыми от идеологических установок Центральных властных структур. То есть будущее и прошлое переплеталось в настоящем. Эта двухмерность ориентации

кинематографического процесса помогла использовать метаисторическую формулу «раннего характера будущего» кинематографа.

В процессе работы с архивными документами и материалами выяснилось, что мы имеем дело с качественно новым явлением в обществе, проанализировать и объяснить которое на основе одного *формационного метода*, действовавшего во временных рамках данного исследования, оказалось невозможным. Формационный метод позволял только рассмотреть новые функции государства в поддержке развития кинематографа и ориентации его функционирования в нужных для советской власти направлениях.

Цивилизационный метод позволил избежать перекосов в исследовании и представить исторический процесс формирования и развития кинематографа в динамичном сопряжении двух начал: объективно-заданного и субъективно-волевого. Синтез двух методов дал возможность увидеть объект исследования с разных позиций общественной практики – через системы ценностей (категория цивилизационной методологии) и интересы (категория формационной методологии), рассмотреть региональную политику поддержки кинематографа в контексте конкретных исторических ситуаций, сравнить отношение Центра к дальневосточным проблемам на разных исторических этапах через отражение в сюжетах документальных, хроникальных и художественных фильмов, выявить особенности значимости Дальнего Востока для страны в предвоенные годы.

Формационный метод полезен при выявлении экономической и финансовой баз кинопроизводства и кинопроката (киноустановок, кинопередвижек, аппаратуры, строительство кинотеатров, подготовка специалистов и т.д.). Цивилизационный метод помог посмотреть на историю формирования и развития кинематографа с позиции осмысления и признания своеобразия, уникальности жизни людей в дальневосточном регионе, близости и влияния на них народов Азиатско-Тихоокеанского мира.

Исследование опирается на *проблемно-хронологический метод* изучения исторической действительности, что позволило сопоставить состояние процессов и явлений, влиявших на формирование направлений функционирования кинематографа в дальневосточных субъектах РСФСР в начале и в конце исследуемого исторического периода, а также проследить практические действия работников системы кинематографии по реализации годовых планов кинопроката, отбора фильмов для показа зрителям, их сохранности и т.д.

Автор исходит из того, что движущими силами любых крупных исторических событий, в частности, появления и развития кинематографа как уникального явления в обществе, могут быть самые разнообразные факторы: политические, социальные, культурные, психологические, идеологические и т.д. Поэтому методологический инструментарий данного исследования выразился в одновременном изучении исторических, социокультурных, искусствоведческих, психологических аспектов решения проблем восприимчивости широкими массами зрителей складывающейся инновационной государственной идеологии и политики в субъекте СССР на дальнем Востоке. Этот метод требует огромной поисковой работы.

Системно-структурный метод расширил возможности автора при определении этапов и периодов исследуемых процессов в их целостной системе, проверке исследуемых явлений по разным типам исторических источников.

Для целостного видения проблемы кинематографа был использован *статистический метод*. С помощью этого метода шла вторичная обработка соответствующего блока источников, осуществлялась группировка статистического материала, извлеченного из различных источников.

Для понимания менталитета кинематографических работников и зрителей в исследуемых временных рамках начала XX в. – июня 1941 г., потребовалось включение в творческую лабораторию категорий *герменевтической школы*.

Таким образом, в процессе исследовательского отбора, изучения источников и литературы, анализа статистических данных и информации из периодической печати важен был выбор «метода» выполнения работы. Метод (от греч. metodos) – путь к чему-либо, способ исследования для выполнения цели и задач. Основные функции метода – организация исследовательской работы по определенным правилам, приемам, способам и нормам познания.

В работе были использованы *методы, заимствованные из других гуманитарных дисциплин* для более широкого видения проблем кинематографа по мере расширения его функций. Так, наряду с *методом дополнительности,* или *многофакторного моделирования*, а также названными выше историческими методами, были использованы *общенаучные и логические методы:* анализа и синтеза, индукции и дедукции, абстрагирования, сравнения, моделирования, мыслительного эксперимента. Методами эмпирического уровня осуществлялось практическое накопление, классификация и обобщение документов и материалов. Таким образом, научный метод является надежным средством познания объекта данного исследовательского труда.

Методология объединяет методы (систему и способы работы) и изучение (теорию) этой системы. Другими словами, методология – это общая теория методов в действии. В своем развитии методология опирается на диалектический метод Сократа и Платона, индуктивный метод Ф.Бэкона, рационалистический подход Фихте, диалектический метод Гегеля и К.Маркса, феноменологический метод Э.Гуссерля и т.д. Вместе с тем, методология тесно смыкается с современной формальной логикой. Выдающийся логик современности Г.Х. фон Вригт утверждает, что без логики «нельзя выстроить работу нового научного уровня» [5, с. 516]. Находим это утверждение справедливым – научные средства логики были использованы автором при анализе научного языка, определении структуры исторических научных теорий ученых Запада и России, а также логической взаимосвязи компонентов теорий: определений, понятий, законов, классификаций, типов.

Избранный комплексный «методологический срез» представляется необходимым компонентом исторической науки, яркой особенностью которой является не только научная рефлексия, т.е. осознание закономерности разви-

тия и построения знания о развитии общества в общей форме, но и интенсивное развитие внутринаучной исторической рефлексии [12, с. 29-41]. Это позволило вести исследовательскую работу в двух взаимосвязанных направлениях: традиционной (исследование многоплановых аспектов объекта) и на основе эмпирического подтверждения.

Таким образом, функционирование системы кинематографа в историческом и временном пространстве Приморского края Дальнего Востока России, обладающего сущностными, процессуальными и структурными свойствами, диктует такую исследовательскую методологическую стратегию, в которой основными ее элементами выступают всеобщие и частнонаучные методы исследования. При этом любой из научных методов имеет сложную и изменяющуюся структуру, применяется в совокупности с другими методами и может играть разную роль при постановке проблемы на эмпирической стадии выявления, систематизации и обобщения фактов. Осознание сказанного позволило обратиться к наиболее эффективным научным методам. Ценным подспорьем в этом для автора стали труды историков А.С. Кравец [12], А.Г. Бермуса [3], в том числе дальневосточных: Л.А.Моисеевой [15], С.М. Дударенок и Е.А. Поправко [7].

Вместе с тем, краеугольными составляющими метода являются подход и принцип. Подход определяет основной путь решения поставленной исследовательской задачи. Новая научная историческая парадигма объединяет ряд общенаучных подходов: компаративный (сравнительный), системный, проблемно-хронологический. Однако основой исторической парадигмы определен цивилизационный подход. Этот подход обладает компаративным характером, что позволяет проследить становление и развитие теории советского кинематографа в сравнении с эволюцией теории кино в Италии, Франции, Германии. Этот подход обеспечил возможность определить характеристику целостной системы кинематографии как нового мирового явления искусства, его социокультурную функцию, информационные, познавательные и образовательные ресурсы.

Компаративный подход стал базой для сравнения развития сети киноклубов, киноустановок, кинопередвижек в районах, входивших в состав Приморского края. Выявить и исследовать формирование новых функций кинематографа – образовательной, воспитательной, информационной – в процессе «создания» в Советском Союзе нового советского типа человека стало возможным на основе *системного подхода*.

Целостное многоаспектное рассмотрение вопроса после определения его границ, изучение предмета исследования вглубь и вширь, выявления главной стороны исследования проведено автором на основе *принципа объективности*. Вместе со сравнительно-историческим принципом он позволил выдержать региональную направленность исследования, выявить общие и специфические условия формирования и реализации государственной политики по обеспечению максимального использования функционирования советского кинематографа в Приморском крае Дальнего Востока, самого отдаленного и проблемного региона страны.

Принцип альтернативности использован при рассмотрении и анализе различных теорий кинематографа зарубежных и отечественных школ и направлений, определенных ученых.

Принцип детерминизма – всеобщей закономерной связи, причинной обусловленности всех явлений исторической парадигмы широко использован при выявлении причин обострения необходимости принятия комплекса мер для широкого охвата населения идеологическим воспитанием в условиях развернувшейся индустриализации страны и создания на Дальнем Востоке военно-промышленных «предприятий-дублеров» в условиях угрозы миллионной Квантунской армии милитаристской Японии.

Принцип детерминизма позволил увидеть в комплексе аспектов главную составляющую в особом отношении государства к кинематографу как особому виду искусств. Обострение международной обстановки в 1938-1941 гг. требовало радикальных военных реформ на Дальнем Востоке: усиление авиации и Тихоокеанского флота, пограничных служб и сухопутных воинских частей, а главное высокого патриотического воспитания воинов, в том числе с помощью документальных и художественных фильмов.

Принцип достоверности был учтен в исследовательской работе с различными типами источников и публикаций предшественников: письменных, архивных, статистических источников и материалов сети Интернет, работ отечественных и зарубежных авторов для выдвижения собственных выводов и суждений, составивших авторскую позицию.

Принцип противоречия, основанный на общенаучных законах (единства и борьбы противоположностей, отрицании отрицания, перехода количественных изменений в качественные), широко использован в выявлении социокультурного функционирования кинематографа в условиях жесткой цензуры, государственного и партийного контроля, не теряя при этом способностей саморазвития вместе с мировым научно-техническим прогрессом.

В исследовании также использовался *метод перспективных линий* для анализа процесса развития функционирования кинематографа, представляющий собой выделение практически значимых целей, движение к ним и корреляцию с ними в процессе движения, достижения и определения новых целей.

Использование автором общенаучных методов, как эмпирических, так и теоретических, позволило изучить задачи формирования функций кинематографа во всем многообразии с учетом социально-политического и экономического положения в стране. В частности, был использован метод качественно-количественного анализа содержания источников с целью выявления различных фактов и тенденций формирования новой государственной политики руководства развитием культуры и искусства.

Второй эмпирический метод – дискриптивный – позволил провести логический анализ внутри- и внешнеполитических процессов в 1938 – июне 1941 гг. и, основываясь на ретроспективном историческом анализе исследования уже осуществленных решений, дать их описание.

Благодаря широкому использованию частнонаучных методов, а именно, методов *кросс-темпорального* сравнения, региональной и глобальной

компаративистики (“case-study”), а также *институционального и бихевиористского исследовательского подходов* – стало возможным решение поставленных автором задач. Так, метод стратегии “case-study”, являясь эмпирическим исследованием, при котором существующая государственная политика, поддерживающая развитие в стране культуры, искусства и нового его вида – кинематографа анализировалась внутри его реального контекста; когда же границы между феноменом кинематографа и его контекстом были неясны, исследовались и использовались дополнительные разнообразные источники для доказательства основной направленности концепции «sea powes». Кроме того, использование кросс-темпорального метода, более сложного, чем статистический метод, позволило включить переменную времени при исследовании взаимосвязи между переменными зависимыми и независимыми.

Общелогические методы, приемы аналогии были применены автором для концентрации внимания на системе понятий, принципов и законов искусствоведческой науки, в рамках которой ученые включали проблемы кинематографа в свое исследовательское поле. В данном аспекте были изучены труды П. Фейерабенда [21], Е.А. Мамчур [14], К.Ф. Поппера [16], И.Д. Ковальченко [11].

Широкое применение принципа историзма обусловлено спецификой предмета исследования. Ключевым подходом при проведении исследования сущности функционирования кинематографа в пограничном и морском пространстве Приморского края в 1938-1941 гг. стал комплексный подход, позволяющий использовать такие отрасли исторической науки, как философия истории, история кинематографа, история кино, история и теория культуры, социология и т.д.

Особенности объекта исследования и междисциплинарный характер работы обусловлены применением структурно-функциональной исследовательской парадигмы и комплексной методологии, вобравшей фундаментальные подходы и принципы социальных наук. Это позволило рассмотреть советское общество временных рамок данной работы как целостную систему взаимосвязанных и взаимодействующих структур, каждая из которых выполняла свою функцию в реализации государственной политики. Такой подход позволил увидеть, как определенная совокупность множества взаимосогласованных частей, с одной стороны, поддерживала социалистическое общество в равновесии (статика), а с другой – изменяла его упорядоченным образом (динамика).

В процессе исследовательского отбора, изучения источников и литературы, анализа статистических данных и информации из периодической печати важен был выбор «метода» выполнения работы. Многообразие объективной реальности требовало применения в их изучении различных методов, которые в процессе исторического познания можно разделить на два уровня: теоретический и эмпирический. Так, в процессе первичной обработки государственных и текущих архивов властных структур разного уровня и предприятий различных отраслей Приморского края были использованы следу-

ющие общенаучные и общелогические методы: анализа и синтеза; индукции и дедукции; абстрагирования; моделирования; сравнения; мыслительного эксперимента и др.

Таким образом, сам предмет исследования определил необходимость использования в исследовании междисциплинарного подхода. Комплексный подход предполагает синтез теории и практики, изучение соотношения единичного и общего, а также выявление взаимосвязи и взаимообусловленности различных сфер жизнедеятельности общества.

Личностный фактор как основа антропологического метода оказался важен для понимания его влияния на формирование внутренней государственной политики, касающейся развития культуры и киноискусства. Бихевиористским методом было исследована деятельность высшего партийного и государственного руководства, известных общественных представителей, поэтов и писателей, имевших отношение к исследуемому историческому процессу.

Многоплановое применение использованных методов позволило разработать авторскую научную позицию, подкрепленную значительным количеством Приложений. Методы сравнения и абстрагирования, моделирования и мыслительного эксперимента обеспечили автору возможность сделать научные выводы и практические предложения по применению возможностей различных жанров кинематографа для разработки и реализации государственной политики по повышению уровня самооценки русского народа, идеологического его сплочения для выхода России из кризиса на основе возрождения культурных национальных традиций.

Список литературы

1. Алаев Л.В. Где тонко – там и порвалось! [Текст] / Л.В. Алаев // Новая и новейшая история. – 1996. – № 3. – С. 90-98.

2. Барг М.А. Цивилизационный подход к истории [Текст] / М.А. Барг // Философия истории в России. – М.: АОЗТ «Логос», 1996. – С. 259-264.

3. Бермус А.Г. Введение в гуманитарную методологию: научная монография [Текст] / А.Г. Бермус – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. – 336 с.

4. Валлерстайн А.И. Что после Анналов? (Судьба и перспективы историографического направления) [Текст] / А.И. Валлерстайн // Споры о главном. Дискуссия о настоящем и будущем исторической науки вокруг организации школы «Анналов». – М.: Наука, 1993. – С. 96-103.

5. Вригт фон Г.Х. Логико-философские исследования [Текст] / Г.Х. Вригт. – М.: Прогресс, 1986. – 600 с.

6. Гречко П.К. Концептуальные модели истории [Текст] / П.К. Гречко. – М.: Изд-во «Логос», 1995. – 144 с.

7. Дударенок С.М., Поправко Е.А. Методы исследования культуры [Текст] / С.М. Дударенок, Е.А. Поправко. – Владивосток: Издательский дом Дальневост. федерал. ун-та, 2013. – 352 с.

8. Искандеров А.А. Историческая наука на пороге XXI века [Текст] / А.А. Искандеров // Вопросы истории. – 1996. № 4. – С.7-19.

9. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация [Текст] / С.Г. Кара-Мурза. М.: Алгоритм, 2001. – Кн.1. – 528 с.

10. Коваль Б.И. К вопросу о методологии цивилизационного анализа [Текст] / Б.И. Коваль // Цивилизационные исследования. – М.: Логос, 1996. – С. 6-20.

11. Ковальченко И.Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований. Заметки и размышления о новом подходе [Текст] / И.Д. Ковальченко // Новая и новейшая история. – 1995. – № 1. – С. 3-11.
12. Кравец А.С. Методология науки [Текст] / А.С. Кравец. – Воронеж: ВГУ, 1991. – 146 с.
13. Малахов В.С. Новое в междисциплинарных исследованиях [Текст] / В.С. Малахов // Общественные науки и современность. – 2002. – № 5. – С. 131-140.
14. Мамчур Е.А. Проблема выбора теории [Текст] / Е.А. Мамчур. – М.: Наука, 1975. – 232 с.
15. Моисеева Л.А. Основы методологии исторической науки [Текст] / Л.А. Моисеева // История. – Владивосток: Изд-во «Русский остров», 2011. – 336 с.
16. Поппер К.Ф. Логика и рост научного знания: избранные работы [Текст] / К.Ф. Поппер / пер с англ. – М.: Прогресс, 1983. – 604 с.
17. Пригожин И.Р., Стенирс И. Порядок из хаоса [Текст] / И.Р. Пригожин, И. Стенирс. – М.: Прогресс, 1986. 432 с.
18. Репина Л.П. Новая историческая наука и социальная история [Текст] / Л.П. Репина. – М.: Рос. Академия наук, 1998. – 282 с.
19. Современные методологические проблемы исторического процесса [Текст] // Философия истории в России. – М.: Логос, 1998. – 272 с.
20. Тош Дж. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка [Текст] / Дж. Тош. – М.: Весь мир, 2000. – №4. – С. 211-219.
21. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки [Текст] / П. Фейербенд. – М.: Прогресс, 1986. – 542 с.
22. Novic P. That Noble Dream. The “Objectivity Question” and the American Historical Proffession. Cambridge, 1988. 628p.

РОССИЙСКИЙ КИНЕМАТОГРАФ В ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЕ ВЛАСТНЫХ СТРУКТУР ПО ФОРМИРОВАНИЮ «ЧЕЛОВЕКА МАССЫ» (1920-е гг. – ИЮНЬ 1941 г.): К ИСТОРИОГРАФИИ ПРОБЛЕМЫ

Чугунов А.М.
ректор Дальневосточной государственной академии искусств, доцент
Россия, г. Владивосток

В статье рассматривается специфика кинематографа, обладающего огромными возможностями социально-культурного и идеологического воздействия на общество, его значимость в идеологической работе властных структур по формированию «человека массы», всецело разделяющей ценности этой власти.

Ключевые слова: кинематограф, специфика, идеология, ценности, власть, «человек массы».

Кинематограф – явление многообразное, вобравшее в себя следующие составляющие: сами кинокартины как продукт кинотворчества; кинопроизводство; кинопрокат и сеть кинозрелищных предприятий; кинотеорию, включающую кинопедагогику, историю и эстетику кино. Но важнейшей функцией этой системы кинематографа в исследуемый период оставалось формирование духовных ценностей, идеальных образцов, стереотипов пове-

дения, системы миропонимания зрителей. Из этих разрозненных многообразий, связанных отношениями близости по времени становления, образовывались «силы сцепления», придававшие «экрану знаний» компактность гуманитарного образования. Таким образом, формировался, по мнению Абрама Моля [28, с. 45] и Хосе Ортеги-и-Гассета, «человек массы» (его крайнее состояние – толпа) [30].

Кинематограф – относительно молодой способ передачи идей и информации. Предтечей кинематографу стало изобретение Гуттенбергом книгопечатания в XV веке, однако только с появлением фотографии в 1839 году, он приобрел мощную динамику и масштабный характер. В 1895 году последовало изобретение кинематографа с движущейся фотографией. Далее появилось радио, телевидение, «видео-арт» и, наконец, в последней четверти XX века – дигитальное (цифровое) изображение.

Природу кинематографа и социальную ориентацию его феномена подчеркивал французский исследователь Риччотто Канудо в «Манифесте семи искусств», указывая на то, что кинематограф родился благодаря «синтезу» шести видов искусства: музыке, живописи, скульптуре, поэзии, танцу и архитектуре [13], поэтому кинематограф обладает огромными потенциальными возможностями социально-культурного воздействия на общество. Эту потенциальную значимость в идеологической работе советской власти по формированию «нового – советского типа человека», всецело разделяющего ценности этой власти, хорошо понимал В.И. Ленин, не случайно назвавший кино в одной из бесед с А.В. Луначарским «важнейшим из искусств» [33, с. 167].

Постановка темы данной статьи, вытекая из потребностей исторической науки, позволяет рассмотреть широкий спектр аспектов ценного исторического опыта, который может быть полезен властным структурам всех уровней в идеологической и социально-культурной работе с массами на основе возможностей искусства и, прежде всего, кинематографа. Воздействуя на зрителя, являясь массовым видом искусства, кинематограф сформировался одним из мощных проводников идей в культурном пространстве современной исторической эпохи.

В дооктябрьское время интерес исследователей к проблемам российского кинематографа не имел целенаправленного научного характера, поскольку еще только шло осознание значимости нового явления в культуре и его влияния на разные составляющие социальной структуры общества. Сведения о кинематографе этого периода имеются в работах С.С. Гинзбург [3], Н.М. Зоркой [11], Н.А. Лебедева [21], В.П. Михайлова [26], В.С. Листова [22], И.Н. Игнатова [12].

Определенные сведения об отношении к кинематографу дореволюционного российского общества содержатся в работах, позволивших сделать вывод, что интерес к кинематографу был связан с общим социально-политическим «климатом» в российском обществе, он менялся и не был статичен. Таковы работы М.И. Жабского [9] и Г.Р. Масловского [25].

После Октября 1917 года отношение государства к кинематографу в лице его лидеров развивалось как к мощному средству пропаганды и агита-

ции. Официальной датой рождения советского кино является 27 августа 1919 года – дата принятия Декрета о его национализации. Однако только с реальным укреплением НЭПа В.И. Ленин в беседе с А.В. Луначарским особо подчеркнул, что «кинопродукция должна быть государственной» [33, с. 167]. 19 сентября 1924 года В.И. Ленин подписал «Декрет о национализации кинематографии», а 19 декабря 1924 года Совнарком утвердил создание государственной организации «Совкино», к ведению которой были отнесены все функции проката, экспорта и импорта фильмов, а также производственные предприятия Госкино.

В трудах Н.А. Лебедева [19], Н.И. Лубашовой [23], Ю.Н. Семенова [35] были выявлены новые функции кинематографа и подтверждена постепенно возраставшая его зависимость от советской власти и ее цензуры. Важнейшей чертой «массового» кино стало утверждение архетипов коллективного бессознательного. Это «подключало» к восприятию фильма иные дискурсы, конструировало поколение, связывая в единой нарративной схеме прошлое и настоящее, время «до» и «после» социального капитализма и «разлома» в России. Перед кинематографом ставилась проблема формирования новой идеологии и новых ценностей на основе обращения к историческим корням национальной идеи.

Являясь носителем актуализированной социальной информации, пропагандируя определенные нравственные и идеологические ценности и нормы, создавая определенную картину мира, кинематограф стал осуществлять «идеологическую функцию». Вместе с тем, зависимость между символическими образами кино и новой социальной структурой общества стала основой для формирования еще одной новой функции кинематографа – отражения действительности [15].

Эти две социально-политические функции всегда играли значительную роль в период нестабильности социальной системы России, они были необходимы для конструирования новой реальности. Поэтому если в 1923 году в стране было произведено только 17 фильмов, в 1928 – 102, то к 1938 году государственная сеть кинопроизводства значительно выросла, обеспечивая новыми фильмами до 9.800 киноустановок [37, с. 6].

Советская власть на этом этапе становления кинематографии поощряла исследования социализации кино и его влияния на зрителя. Так, в «Киножурнале АРК» (АРК – Ассоциация революционной кинематографии) [8, с. 8-14] с 1925 года велась рубрика «Вопросы социологии кино». А.М. Дубровский, Н.А. Лебедев, М.И. Зарецкий и др. постоянно публиковали результаты подобных исследований. Первые попытки определить специфические особенности советского зрителя, круг его интересов в области искусства кино и кинонауки, социально-политические и идеологические функции кинематографии были выявлены в трудах Р.И. Егиазарова и А.В. Трояновского [17; 36].

Таким образом, лозунг ассоциации работников революционной кинематографии: «Кино – не самоцель, а сильное оружие борьбы за коммунистическую культуру» полностью отражает специфику своего времени. Власть нуждалась в кинематографе, поэтому в начале 30-х гг., когда произошло

окончательное оформление Советского государства и его идеологии, киносеть страны заметно выросла, составив к 1934 году 29.200 киноустановок. С.Л.Кудрявцев подчеркивает, что в кинематографии именно этого периода уже складываются предпосылки для централизации системы управления. Киноцензура, государственная монополия кинопроката, преобладание государственного капитала в акционерных обществах – все это факторы централизации кинематографии [18, с. 331-337].

Однако в работе В.П. Михайлова «Сталинская модель управления кинематографом» [27] имеется важное замечание о том, что И.В.Сталин, руководствуясь тем, что не всякая централизация усиливает диктат власти, инициировал выделение кинематографии в самостоятельную отрасль с подчинением ее непосредственно Правительству СССР. Два постановления: СНК СССР в феврале 1930 года «Об образовании общесоюзного объединения по кинофотопромышленности» и СНК СССР от 11 февраля 1933 года «Об организации Главного управления кинопромышленности при СНК СССР» завершили формирование новой системы управления. Наконец, 23 марта 1938 года постановлением «Об улучшении организации производства картин» при СНК СССР был создан Комитет по делам кинематографии. Таким образом, все составляющие сложной кинематографической системы «замкнулись» на Председателе по делам кинематографии; в ведении региональных властей остались только функции кинофикации.

Кинематографический процесс теперь управлялся, формировался и развивался не только в соответствии со своей внутренней логикой, но и в зависимости от новых исторических требований общества. Поэтому решающие для общества политические и социально-экономические факторы воздействовали на кинематографический процесс, изменяя его содержание, направленность, применяемые методы воздействия на зрителей. Кинематограф, в свою очередь, оказывал влияние на своих потребителей, кем бы они ни являлись. Поэтому создатели советского киноэпоса при всей заданности канонизированного искусства в условиях создававшейся новой «пролетарской культуры» смогли в лучших своих произведениях создать яркие, выразительные образы, близкие современникам. В.И.Чапаев из картины братье Васильевых; Александра Соколова в фильме «Член правительства» И.Хейфица и А.Зархи; Максим в «Трилогии о Максиме» Г.Козинцева и Л.Трауберга; герои картин С.Герасимова «Семеро смелых», «Комсомольск» и многие другие оказались созвучны историческому времени и восприятию публики, жаждущей своих героев – живых, с высокими человеческими качествами, личными героическими принципами и устремлениями.

Среди работ по проблемам истории развития кино следует выделить несколько направлений, так или иначе освещающих аспекты, интересующие автора данной статьи. Значительную группу составляют труды по теории кино, как по общим вопросам киноискусства [4; 7], так и специальные исследования, посвященные теоретическим проблемам документального и научно-популярного кино [24; 40]. Проблемам использования кино в качестве орудия пропаганды и агитации, воспитателя и просветителя народных масс, и воз-

действия кино на массового зрителя уделялось особое внимание [1; 2; 31]. Необходимо отметить, что жесткие идеологические и проблемные рамки были порождены ленинской парадигмой о кинематографе как «важнейшем из искусств», что долгие годы не давало исследователям возможности объективно оценить сущность и перспективы социокультурного функционирования кинематографа.

Вместе с тем, исследовательские работы периода концептуального осмысления политических и социально-культурных функций кино в историографии автором разделены на две части – период до разоблачения культа личности И.В. Сталина и после. Если в работах до XX съезда КПСС постоянно подчеркивалась руководящая роль И.В. Сталина, учившего деятелей кинематографа «овладению большевизмом, политической бдительностью» [16; 29], то после 1956 года отечественные историки искусства сменили ракурс оценки заметно и резко [14]. Несмотря на то, что организаторская роль Сталина была авторами вычеркнута из истории, в ряде исследований сохранилось признание огромного влияния на содержание и идейную направленность кинолент периода культа личности Сталина, подтвержденное обширным и ценным фактически материалом. Так, в монографии В.С. Листова [22] и крупной киноведческой работе по истории советского кино Н.М. Зоркой [11] заметны попытки переосмыслить весь путь развития советского кинематографа, избавляясь от устаревших штампов советской историографии.

Необходимо отметить, что в последнее время все чаще вопросы становления и развития советского кинематографа находятся в сфере внимания профессиональных историков (М. Ферро) [39, с. 47-57]. Журнал «Отечественная история» полностью посвятил этой проблеме № 6 за 2003 год, на основе чего под редакцией С.С. Секиринского был составлен сборник статей «История страны. История кино» [34, с. 3-9]. Однако эти статьи не являются фундаментальными исследованиями, но имеют значение в том, что, во-первых, в них призналась необходимость социального исследования учеными-историками функций и роли кинематографа, и, во-вторых, допустимость использования в качестве исторического источника художественного кино. Таким образом, наметились новые тенденции в изучении кинематографа, и появись первые работы, проведенные с привлечением сугубо исторической исследовательской методологии.

Тем не менее, с крахом коммунистического режима, распадом СССР и гибелью государственной кинематографической системы уже многое переосмыслено в создании новых подходов к изучению советского кинематографа. Примером тому могут служить исследования Е. Добренко [5] и Д.О. Дубицкой [6], раскрывающие роль кинематографа в социальной регуляции трансформирующихся систем. Сама российская история и духовные традиции переосмысливаются в контексте кинематографического творчества в диссертационных исследованиях, как искусствоведов, так и профессиональных ученых-историков [10; 38; 41]. Одновременно с этим были предприняты попытки рассмотреть кино в контексте трансформации культуры начала XX века [42]. Эстетический опыт возникшего в начале XX века нового тех-

нического искусства оказался амбивалентным. Выступая средством массовой коммуникации, кино, следуя новой, рождающейся культуре, оставался и остается социокультурным феноменом.

Документальное кино в этом контексте исследовалось как новая модель символического преобразования действительности, ключевым моментом которой является применение самой действительности в качестве материала. При этом «производственный фильм» являлся идеологически заданной моделью действительности, поскольку человек рассматривался своеобразным барометром духовно-нравственного состояния общества. Поэтому обязательным был показ документальных фильмов о производственных успехах героев социалистического труда, стахановцев, передовиков производства, достижений во всех сферах жизнедеятельности советского общества перед демонстрацией художественных фильмов во всех кинозалах страны. В результате чего кинематограф рассматривался как неизменная составляющая идейно-промышленного комплекса.

Своеобразным подспорьем в проведении исследования явились труды зарубежных ученых. Так, совместная работа П. Бабицкого и Дж. Римберга [43], вышедшая в рамках американской исследовательской программы по изучению СССР, и монография американского историка П. Кенеза [44] показывают кино как часть агитационно-пропагандистской системы, созданной советской властью. Немецкий историк Шт. Плаггенборг в своей работе «Революция и культура: культурные ориентиры между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма» [32] в специально выделенном разделе сосредоточил внимание на изучении восприятия кино обществом того времени, предпочтений зрительской аудитории и перспективах лучшей организации работы кинематографа. Ценные сведения имеются и в труде П. Лазерсфельда и Р. Мертона «Массовая коммуникация, массовые вкусы и организованное социальное действие» [20, с. 139-147]. Однако слабая источниковая база является общим недостатком вышеуказанных работ зарубежных авторов.

Обзор зарубежной литературы дает основание для краткого резюме. Это школа, в которой придается большое значение не только концепции критического анализа упущенных возможностей развития российского кинематографа в его социокультурном предназначении в условиях сталинской действительности, но и концепции ускоренной модернизации и инновационного процесса собственного саморазвития кинематографа как одного из важнейших видов искусств мира.

Таким образом, сам процесс формирования российского кинематографа рассматривается в настоящей работе как уникальная проблема российской культурной модернизации. В условиях слабых макросоциальных (институциональных, культурных, технико-экономических и др.) рычагов модернизации идеологическое воздействие кинематографа на сознание и волю масс представляется специфическим «модернизационным шансом» России.

Список литературы

1. Александров Е.В. Кинематограф как средство передачи научной информации [Текст]: автореф. дис. …канд. иск. / Е.В. Александров. – М., 1972. – 26 с.

2. Васильева Э.В. «Массовая культура» в кино и ее воздействие на зрителя [Текст] / Э.В. Васильева // Вопросы истории и теории кино. Труды ВГИК. – Вып. XII. – М., 1976. – С. 161-168.

3. Гинзбург С.С. Кинематограф дореволюционной России [Текст] / С.С. Гинзбург. – М.: Искусство, 1963. – 406 с.

4. Гинзбург С.С. Очерки теории кино [Текст] / С.С. Гинзбург. – М.: Искусство, 1974. – 264 с.

5. Добренко Е. Музей революции: советское кино и сталинский исторический нарратив [Текст] / Е. Добренко. – М.: Новое литературное обозрение, 2008. – 424 с.

6. Дубицкая Д.О. Функции кинематографа в периоды общественных трансформаций [Электронный ресурс] / Д.О. Дубицкая. – Режим доступа: http://dspace.onu.edu.ua:8080/bitstream/123456789/1436/1/Вестник%20ОНУ%20Соц%20т%2010%20вып%2011_74-79%2B.pdf.

7. Дробашенко С.В. Проблемы теории документального кино [Текст]: автореф. дис. …докт. иск. / С.В.Дробашенко – М.,1980. – 49 с.

8. Ерофеев В.Л. Организация кинорепертуара Госкино [Текст] / В.Л. Ерофеев // Киножурнал АРК. –1925. – № 1. – С.8-14.

9. Жабский М.И. Вестернизация кинематографа: опыт и уроки истории [Текст] / М.И. Жабский // Социологические исследования. – 1996. – № 2. – С. 25-35.

10. Закиров О.А. Исторические фильмы СССР 1936-1946 гг.: патриотическое освещение дореволюционного прошлого средствами игрового кино [Текст]: автореф. дис. …канд. истор. наук / О.А. Закиров. – М., 2011. – 20 с.

11. Зоркая Н.М. История советского кино [Текст] / Н.М. Зоркая. – СПб: Алетейя, 2006. – 544 с.

12. Игнатов И.Н. Кинематограф в России. Прошлое и будущее [Текст] / И.Н. Игнатов // Киноведческие записки. – 1992. – № 16. – С. 30-57.

13. Из истории французской киномысли. Немое кино. 1911-1933 [Текст] / пер. с фр. / предисл. С.И. Юткевича. – М.: Искусство, 1988. – 317 с.

14. Искусство миллионов. Советское кино 1917-1957 [Текст]. – М.: Искусство, 1958. – 624 с.

15. История отечественного кино. Документы. Мемуары. Письма [Текст]. – М.: Материк, 1996. – Вып. 1. – 178 с.

16. История советского киноискусства звукового периода: в 2-х чч. [Текст]. – М.: Госкиноиздат, 1946. – Ч. 1: 1930-1941. – 320 с.

17. Кинословарь: в 2-х тт. [Текст] / глав. редактор С.И. Юткевич. – М.: Советская энциклопедия, 1966-1970. – Т.1. – 975 с.

18. Кудрявцев С.В. Свое кино [Текст] / С.В. Кудрявцев. – М.: Дубль-Д, 1998. – 492 с.

19. Лебедев Н.А. Внимание: кинематограф! О кино и киноведении: статьи, исследования, выступления [Текст] / Н.А. Лебедев. – М.: Искусство, 1974. – 453 с.

20. Лазарсфельд П., Мертон Р. Массовая коммуникация, массовые вкусы и организованное социальное действие: пер. с англ. [Текст] / П. Лазарсфельд, Р. Мертон // Назаров М.М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследования. – М: АВАНТИ ПЛЮС, 2004. – С. 139-147.

21. Лебедев Н.А. Кино и зритель [Текст] / Н.А. Лебедев. – М.: Изд-во бюро пропаганды советского киноискусства, 1969. – 379 с.

22. Листов В.С. Россия, революция, кинематограф [Текст] / В.С.Листов. – М.: Материк, 1995. – 175 с.

23. Лубашова Н.И. Кино и зритель. Киноанкета [Текст] / Н.И. Лубашова. – Краснодар, 1999. – 347с.

24. Мартыненко Ю.Я. Документальное киноискусство [Текст] / Ю.Я. Мартыненко. – М.: Знание, 1979. – 120 с.

25. Масловский Г.Р. Уроки первого этапа [Текст] / Г.Р. Масловский // Искусство кино. – 1986. – № 4. – С.100-107.

26. Михайлов В.П. Рассказы о кинематографе старой Москвы [Текст] / В.П. Михайлов. – М.: Искусство, 1998. – 292 с.

27. Михайлов В.П. Сталинская модель управления кинематографом [Текст] / В.П. Михайлов // Кино: политика и люди (30-е годы). – М.: Материк, 1995. – С.12-27.

28. Моль А.А. Социодинамика культуры [Текст] / пер. с франц. / А.А. Моль / вступ. статья, редакция и примечания Б.В.Бирюкова, Р.Х.Зарипова и С.Н.Плотникова. – Москва: Изд-во «Прогресс», 1973. – 408 с.

29. Образы Ленина и Сталина в кино [Текст]: сб. статей. – М.: Госкиноиздат, 1939. – 120 с.

30. Ортега-и-Гассет Х. «Дегуманизация искусства» и другие работы [Текст]: сб. статей / Х. Ортега-и-Гассет. – М.: Радуга, 1991. – 646 с.

31. Пензин С.Н. Кино и эстетическое воспитание: методологические проблемы [Текст] / С.Н. Пензин. – Воронеж: изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1987. – 176 с.

32. Плаггенборг Ш. Революция и культура: Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма [Текст] / Ш. Плаггенборг. – СПб.: Альфарет, 2000. – 108 с.

33. Самое важное из всех искусств. Ленин о кино [Текст] / сост. А.М. Гак. – М.: Искусство, 1973. – 242 с.

34. Секеринский С.С. Кинематографичность истории, историзм кинематографа // История страны / История кино [Текст] / под. ред. С.С. Секиринского. – М.: Знак, 2004. – 487 с.

35. Семенов Ю.Н. Киноискусство и массовая аудитория [Текст] / Ю.Н. Семенов. – М.: Вече, 2008. – 368 с.

36. Трояновский А.В., Егиазаров Р.И. Изучение кинозрителя [Текст] / А.В. Трояновский, Р.И. Егиазаров. – М.; Л.: Наркомпрос РСФСР: Гос. изд-во, 1928. – 98 с.

37. Труды Всесоюзного научно-исследовательского кинофотоинститута. [Текст]. – М., 1979. – Вып. 59: Кинематография СССР в цифрах. – 290с.

38. Тюрин Ю.П. Российская история и духовные традиции в контексте кинематографического творчества [Текст]: автореф. дис. …докт. иск. / Ю.П. Тюрин. – М., 2006. – 46 с.

39. Ферро М. Кино и история [Текст] / М. Ферро // Вопросы истории. – 1993. – № 3. – С. 47-57.

40. Ханютин Ю.М. Современное документальное кино [Текст] / Ю.М. Ханютин. – М.: Знание, 1970. – 40 с.

41. Храмов В.Б. Советское кино как феномен советской культуры [Электронный ресурс] // Теория и практика общественного развития. – 2009. – № 2 / В.Б. Храмов. – Режим доступа: http://cyberleninka.ru/article/n/sovetskoe-kino-kak-fenomen-sovetskoy-kultury.

42. Хренов Н.А. Образы «великого разрыва». Кино в контексте смены культурных циклов [Текст] / Н.А.Хренов. – М.: Прогресс-Традиция, 2008. – 536 с.

43. Babitsky P., Rimberg J. The Soviet Film Industry. N.-Y., 1955.

44. Kenez P. The Birth of the Propaganda State. Soviet Methods of Mass Mobilization, N.-Y., 1986.

ЭЗОТЕРИЗМ И СОВРЕМЕННАЯ НАУКА

Борисова Ю.В.
старший преподаватель кафедры иностранных языков
Волгоградского государственного технического университета,
Россия, г. Волгоград

Статья посвящена проблеме взаимосвязи эзотерики и науки в современной культуре. Показано, что эзотеризм является частью современного научного мышления. Рост эзотерического знания подрывает авторитет науки. Научное знание становится одной из форм интерпретации действительности культуры.

Ключевые слова: эзотеризм, наука, познание, культура, деконструкция.

Кризис научной методологии, отклонение от норм научной рациональности, размывание критериев научной истины становится чуть ли не нормой существования современной культуры. Более того, в науке, как и в других областях культуры, происходит «перенасыщение» знаниями. Наука приобретает эклектичный характер, поскольку в область ее исследований вторгаются околонаучные и псевдонаучные идеи и концепции. Эзотерическое знание активно экспансирует своей влияние в научное познание, становится атрибутом современного научного мышления. Конечно, этот процесс имеет свои причины.

Одной из причин является постмодернистский проект деконструкции культуры, который по мысли Ж. Деррида, направлен на разрушение любых форм, структурирующих социокультурную целостность. Такой формой становится, в том числе, и наука. В своей работе «Письмо и различие» Ж.Деррида пишет, что «Логофоноцентризм – не философское или историческое заблуждение, в которое по случайности патологически впала история философии, Запада, да и всего мира, а скорее необходимые, и с необходимостью конечные, движение и структура: история символической возможности вообще (прежде разграничения между человеком и животным, даже живым и неживым); история различания, история как различание, которая находит свою преимущественную манифестацию в философии как эпистеме, в европейской форме метафизического или онтологического проекта, всемирно господствуя над сокрытием, над цензурой вообще текста вообще» [1, с. 252]. Под использованном в своей работе «Письмо и различие» понятии «логофоноцентризм» Ж. Деррида имеет в виду любые центризмы, создаваемые предыдущей европейской философией и культурой.

Во-вторых, глобализационные трансформации вызывают рост дифференцированного знания о мире, знание становится уделом же не научного сообщества, а каждого конкретного человека. Познание перестает отождествляться только с научным познанием, а сама наука оказывается один на один с огромной областью пограничных исследований (аномальных явлений, астрологии, парапсихологии), то есть с рядом нетрадиционных подходов и позна-

вательных ориентаций. В XX веке подобные явления касаются не только науки, но и религии: «в глазах скептичного человека XX века престиж традиционной религии поколеблен; она теряет роль руководства в жизни, не будит творческое воображение и не способствует рождению шедевров искусства, как это было раньше. Сила воображения перекочевала в науку, эксплуатирующую возможности человеческого духа для создания «системы формул и расчетов»» [2, С. 149].

Поскольку в современной культуре происходит деконструкция научного знания как части культуры, то размываются и критерии научности. Это ведет к тому, что наука, которая раньше могла четко ограничить себя от вненаучных форм знания, теперь этого сделать не может, поскольку оказывается внутренне деконструирована. Как известно, критерии научности задаются социокультурными параметрами. Деконструкция культуры разрушает классические каноны научного познания. Научное знание в современной культуре больше не считается гарантом единственно верного постижения действительности. Следовательно, оно, так же как и религия, мифология, эзотерика предлагает лишь одну из возможных версий познания действительности. В этой связи можно отметить два существенных обстоятельства, сближающих научный способ познания с эзотерическим способом познания действительности в современной культуре.

Во-первых, эзотерика и наука оперируют в современной культуре одними и теми же, в основном естественнонаучными понятиями («вещество», «энергия», «информация», «квантовая реальность»). Во-вторых, и наука и эзотерика стремятся к универсализму, то есть стремятся познать внутренние принципы устройства мироздания как целого, проникнуть в «суть вещей».

Сближение науки и эзотерики связано также и с кризисом классического типа рациональности, сменой научной парадигмы, произошедшей в XX веке. Кратко современную парадигму мышления можно обозначить как холизм: При этом под холизмом понимается целостный, системный взгляд на мир, признающий глубинную взаимозависимость всех вещей. Холистический подход является противоположным аналитическому или редукционистскому подходу в науке, который считает, что можно познать целое на основе анализа существующих частей [3, с. 5]. В холистическом подходе считается, что систему нельзя познать с помощью анализа, поскольку целое всегда больше своих частей. Свойства частей больше не являются их внутренними свойствами, они могут быть осмыслены только как часть целого и в контексте связи с другими частями. Можно сказать, что холистический подход всегда контекстуален, поскольку считает, что познание части невозможно само по себе, оно может быть осмыслено только в контексте целого.

Холистический подход характерен для современного эзотерического знания, направленного на синкретичное видение мира, стремление к познанию внутреннего единства частей. Синкретизм в эзотеризме тесно связан с холизмом, который стремится познать целое не на основе какого-либо одного фундаментального принципа, а собрать его из неких умозрительных, духовно-идеальных сущностей.

Таким образом, за счет апелляции к научному знанию происходит процесс легитимизации эзотерических доктрин. Если в XVII веке наука влияла на эзотерические доктрины, то есть научные открытия могли приводить к кризису или к трансформации эзотерических концепций, то в современной культуре эзотерика определяет и очерчивает границы научного познания мира.

Список литературы

1. Деррида Ж. Письмо и различие. – СПб.: Академический проект, 2000. – 432 с. – С. 252.

2. Юлина Н.С. Джордж Сантьяна: Воображение, животная вера и «царства бытия» // Юлина Н.С. Философская мысль в США XX в. – М.: Канон+, 2010. – 600 с. – С. 149.

3. Станкевич Л.П., Полякова И.П., Линченко А.А. Принцип целостности в контексте постнеклассической рациональности и эпистемологии // Вестник МГОУ. Серия «Философские науки». – № 3. – 2013. – С. 5-12.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ТРАДИЦИЙ И НОВАЦИЙ В ПРОЦЕССАХ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Гаращук С.С.
соискатель Северо-Кавказского федерального университета,
Россия, г. Ставрополь

В статье обращается внимание на устойчивый когнитивный стереотип, свойственный не только современности, но встречающийся уже на заре всемирной истории, когда новации понимаются в качестве движущих сил общественного развития, вступающих в противоречие с архаическими традициями. Апеллируя к мысли В.С. Соловьева о том, что тайна прогресса заключается в уважении предания, во внимании к нему при определении социальных целей, автор обосновывает диалектическое представление о взаимообусловленности традиций и новаций в социально-историческом процессе, в соответствии с которым всякая конкретная общественная традиция является тезисом, в лоне которого формируется новация как антитезис, сторона возникающего противоречия, завершающегося синтезированием нового тезиса, содержащего стороны преодолевающегося противоречия в качестве своих моментов и с течением времени становящегося в общественном сознании традицией.

Ключевые слова: диалектика, традиции, новации, социальное развитие, линейно-прогрессистская парадигма, общественное сознание.

Новации и традиции сегодня преимущественно противопоставляют, полагая при этом, что социальный прогресс фундируется именно новациями, вступающими в противоречие с косной традицией, замедляющей развитие общества. Конечно, подобные взгляды являются прямым следствием применения исследовательской методологии, опирающейся на линейно-прогрессистскую, или формационную парадигму исторического развития, для которой в принципе не имеет никакого значения уникальность существующих цивилизационных структур, порождающих в мире социокультурное многообразие [1]. Действительно, зачем же культурам сохранять свои особенности, если у человечества единственный путь развития, ведущий к

его универсализации? Надо заметить, что такая методология не является для истории чем-то новым, поскольку присутствовала в ней всегда, и это отображается в вечном конфликте «отцов и детей», хранителей традиции и ее реформаторов. «Наш мир достиг критической стадии. Дети больше не слушаются своих родителей. Видимо, конец мира уже не очень далек», – писал египетский жрец около четырех тысяч лет тому назад. «Младое поколение сегодняшнего дня не сумеет сохранить нашу культуру», – вторил ему вавилонянин, делая запись на глиняном горшке тысячу лет спустя. Древние греки вполне соглашались со своими предшественниками. «Я утратил всякие надежды относительно будущего нашей страны, если сегодняшняя молодежь завтра возьмет в свои руки бразды правления, ибо эта молодежь невыносима, невыдержанна, просто ужасна», – печалился Гесиод. «Наша молодежь любит роскошь, она дурно воспитана, она насмехается над начальством и нисколько не уважает стариков», – подтверждал столь авторитетный для философского мира Сократ [2].

Как представляется, основной причиной такого устойчивого во времени противопоставления старого и нового, традиционного и новационного, является то, что на обыденном уровне сознания теряется видение диалектической взаимосвязи традиций и новаций. Если же перейти на теоретический уровень и применить диалектическую методологию, то явно ощущаемое в социальной жизни противоречие «отцовского» и «сыновнего» разрешится вполне логичным образом. Действительно, ведь новации не могут возникнуть на пустом месте, для них нужна определенная почва, которая и формируется существующей в том или ином обществе социокультурной традицией. Значит, последняя может быть представлена в качестве тезиса, в лоне которого возникает антитезис – новация, вступающая в конфликт с породившим ее тезисом. Конфликт же в дальнейшем разрешается не исчезновением тезиса, а синтезированием, сохраняющим в качестве моментов как традицию, так и новацию. Более того, сам продукт синтеза со временем становится тезисом, традицией, порождающей новое противоречие. Почему же этот диалектический процесс взаимоперехода новаций в традиции (и наоборот) никогда не прекращается в историческом времени? Объяснить это можно принципиальным несовершенством всякой традиции, допускающей возможность ее пересмотра, дальнейшего развития, которое может оцениваться, в зависимости от избранного критерия, не только как прогрессивное, но и как регрессивное. Причем явный регресс, деградация общества может возникнуть в том случае, когда новация направлена не на совершенствование, возможно, даже исправление традиции, а на ее разрушение.

В своей небольшой, однако чрезвычайно глубокой по содержанию статье «Тайна прогресса» В.С. Соловьев рассказывает сказку об охотнике, который, заблудившись, присел отдохнуть возле бурного потока и задумался о бессмысленности своей жизни. Внезапно появившаяся сгорбленная старуха приглашает охотника перебраться через поток, на другой стороне которого находится «райское место», умоляя при этом перенести и ее туда. Охотник, разумеется, старухе не поверил, однако пожалел ее, посадил к себе на плечи

и почувствовал неестественную «страшную тяжесть», тем не менее, преодолевая себя, он вошел в воду и, к своему удивлению, почувствовал, что с каждым шагом его ноша слабеет. Перебравшись на другой берег, он оглянулся и обомлел, увидев, что нес на плечах «красавицу неописанную», приведшую его на свою родину, где у охотника уже не возникало желания сокрушаться о бесцельности своего существования. Точно так и современный человек, заключает философ, охотящийся за благами и фантазиями, сбивается с правильного пути, но за его спиной всегда стоит «священная старина предания», по форме своей кажущаяся ему непривлекательной. Однако стоит только ему, хотя бы из жалости, заметить и почтить седину этого предания, перед ним откроется единственно возможный исход из блужданий. «*Спасающий спасется,* – заключает свою статью В.С. Соловьев. – Вот тайна прогресса – другой нет и не будет» [3, с. 556-557].

Трудно не согласиться с центральной мыслью философа: человек, в какое бы историческое время он ни жил, способен обрести ясную цель существования, позволяющую ему с уверенностью смотреть в будущее, только в том случае, если он сохранит в себе уважение к «преданиям» – бережно передаваемым из поколения в поколение традициям своего народа.

Список литературы

1. Душина, Т.В., Лагунов, А.А. Объективное и субъективное в религиозно-общественной жизни [Текст] / Т.В. Душина, А.А. Лагунов // Философия права. – 2009. – № 5. – С. 107-112.

2. Наша молодежь любит роскошь… [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://tlog.neris.ws/post/707503540.

3. Соловьев, В.С. Тайна прогресса [Текст] / В.С. Соловьев // Сочинения в 2 т. Т. 2. – М.: Наука, 1990.

ПРИНЦИП ПРИЧИННОСТИ КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА

Карпин В.А.
зав. кафедрой факультетской терапии
Сургутского государственного университета,
доктор мед. наук, доктор философ. наук, профессор,
Россия, г. Сургут

Категория причинности является важнейшим понятием как для философии в целом, так и для процесса научного познания. Наука – это поиск причин изменения и развития предметов, процессов и явлений. По мере развития науки причинность неоднократно подвергалась пересмотру вплоть до полного отрицания. Последнее особенно касается развития современного научного мировоззрения в аспекте синергетики, где случайности отводится нередко доминирующая роль вплоть до постулирования индетерминизма. Целью настоящего исследования является доказательство того положения, что принцип причинности является универсальным принципом философии и науки.

Ключевые слова: философия науки, принцип причинности.

Аристотель в своей «Метафизике» [1] изложил учение о 4-х причинах, или началах, до настоящего времени полностью не исчерпанное философ-

ским мышлением. Он утверждал, что при поиске причин бытия, а также любых предметов или явлений вообще, необходимо ставить не один, а четыре различных вопроса, при ответе на которые мы получаем *полное понятие* о данном предмете: 1) материальная причина, causa materialis – *из чего* данный предмет; 2) формальная причина, causa formalis – сущность предмета, *что это*; 3) производящая (движущая) причина, causa efficiens – *откуда начало движения*; 4) целевая (конечная) причина, causa finalis – то, *ради чего* данный предмет существует. Недостаток существовавших ранее философских систем Аристотель видел прежде всего в том, что они объясняли мир, не учитывая действие отмеченных им четырех причин. Однако в последующих философских и научных исследованиях вплоть до настоящего времени обсуждалась и анализировалась преимущественно действующая причина, что значительно сузило и обеднило проблему. Принцип причинности является одним из фундаментальных в научных исследованиях, и нарастающая тенденция к его ослаблению и к индетерминизму неизбежно приводит к разрушению общей теории научного знания или заводит ее в тупик. Отделение действующей причины от трёх остальных видов причинности, допустимое и даже неизбежное как предварительный методологический прием, остается окончательной точкой зрения большинства исследователей, вследствие чего результаты исследования получают незавершенный характер и лишены действительного философского содержания и смысла.

Онтологическое исследование причинности диктует необходимость во всех случаях опираться на два ее основных вида – материальную (внутреннюю) и действующую (внешнюю) причины и их взаимоотношения.

Действующие причины осуществляют связи между предметами (процессами, явлениями), по отношению к которым они являются внешними. Причинные отношения внутри предметов (процессов, явлений) осуществляют материальные причины. Необходимо четко понимать их отличия и взаимоотношения на разных уровнях исследования материальных систем. Правильное понимание такого подхода к принципу причинности позволяет совсем иначе взглянуть на проблему индетерминизма.

Именно отсутствие в ряде научных исследований материальных систем движущих причин позволяло ученым ставить под сомнение принцип детерминизма.

Как мы понимаем взаимоотношения материальных и действующих причин? Чем глубже мы проникаем внутрь исследуемого объекта (в микромир), тем меньше ощущаем влияние действующих причин и тем более – влияние причин материальных. С другой стороны, в сторону макро- и мегамира влияние материальных причин ослабевает, а движущие причины становятся главенствующими. С позиции теории хаоса и синергетики материальные причины царствуют в мире хаоса, и движущие – в мире космоса. Однако на любом уровне окружающего мира сохраняется действие и взаимодействие обоих типов причин.

Примеры материальных причин:

1. *Радиоактивность*. Распад радиоактивных элементов. Ядра тяжелых химических элементов неустойчивы, но их распад происходит без какого-либо воздействия внешних (экзогенных) действующих причин, как бы самопроизвольно (спонтанно), ничем не управляемо и непредсказуемо, с выраженным элементом случайности.

2. *Квантовая физика*. Крайне неустойчивые короткоживущие элементарные частицы рождаются и распадаются через тысячные и миллионные доли секунды. Попробуем найти в этом процессе аристотелевские причины и обнаружим, что здесь имеет место лишь одна причина – материальная, а действующей и целевой причины у распада точно не обнаруживается.

3. *Мутации* в биологии. Генетические нарушения не всегда происходят под влиянием внешних действующих причин. Может быть и внутренняя материальная причина – спонтанные мутации. Изменчивость, развитие, эволюция происходят во взаимодействии материальной и действующей причин.

Подобные научные факты на рубеже XIX-XX вв., опираясь на отсутствие действующей причины, вызвали к жизни у многих исследователей пессимистические взгляды на саму идею причинности вплоть до отрицания детерминизма и появления очередной волны метафизических настроений, идеалистических взглядов и позитивизма [3].

Материальная причина является самостоятельной и может проявляться без наличия действующей причины (в отличие от мнения Аристотеля, который считал материю абсолютно пассивной). Это очень важный вывод для отстаивания принципа причинности в дискуссии с индетерминистами, которые опираются только на наличие или отсутствие действующей причины.

Рассмотрим эволюцию категории причинности по мере смены типов научной рациональности, общенаучных парадигм.

В постаристотелевский период развития науки, период царства механики, ученые изучали только движущую причину. На определенном этапе исторического развития вплоть до формирования первой, механистической картины мира эта ситуация в целом удовлетворяла научное сообщество. Это было царство механистического, лапласовского детерминизма, период классической науки, классической механики, детерминистской парадигмы. Здесь проявлением материальной причины являлось только инерционное движение, сущность которого до сих пор не раскрыта.

Дальнейшее развитие науки развеяло миф об универсальности механистического детерминизма, отведя ему ограниченное место в области классической механики. Изучение сложных многоуровневых многокомпонентных систем расширило понятие случайности, вероятности, статистической закономерности. Квантовая механика вообще подвела многих ученых к отрицанию детерминизма. Что же произошло на самом деле? Развитие неклассической науки, стохастической парадигмы привело не к кризису принципа причинности вообще, а к кризису механистической, детерминистской причинности, к кризису детерминистской парадигмы. Законы механической причинности не работают в сфере квантово-релятивистской картины мира, здесь вступают в силу закономерности вероятностной причинности, где случай-

ность становится полноправной категорией. Это был период неклассической науки, доминирования стохастической (вероятностной) парадигмы. Здесь, на уровне микромира, значительно возрастает роль внутренней, материальной причины наблюдаемых процессов и явлений, явно недооцененной исследователями того времени.

Развитие синергетического мировоззрения с формированием понятий постнеклассической науки и синергетической парадигмы можно назвать очередным кризисом причинности. Его апологеты [4,5] придерживаются той точки зрения, что в процессе развития сложных систем в точке бифуркации, где возникает качественная перестройка системы, направление ее дальнейшего развития определяется абсолютно случайным выбором, предыдущее состояние системы никак не влияет на ее дальнейшее развитие, и здесь не наблюдается никаких причинно-следственных связей. И. Пригожин и И. Стенгерс утверждали, что «в сильно неравновесных условиях процессы самоорганизации соответствуют тонкому взаимодействию между случайностью и необходимостью, флуктуациями и детерминистическими законами. Вблизи бифуркаций основную роль играют флуктуации или случайные элементы, тогда как в интервалах между бифуркациями доминируют детерминистические аспекты. Когда система, эволюционируя, достигает точки бифуркации, детерминитическое описание становится непригодным. Флуктуация вынуждает систему выбрать ту ветвь, по которой будет происходить дальнейшая эволюция системы. Переход через бифуркацию – такой же случайный процесс, как бросание монеты. Достигнув хаоса, мы не можем более прослеживать отдельную траекторию системы, не можем предсказать ее временное развитие; возможно только статистическое описание» [4].

Таким образом, на протяжении всего исторического развития науки принцип причинности рассматривался как результат действия исключительно внешней действующей причины, которая, в свою очередь, и являлась выражением детерминизма.

На наш взгляд, наиболее рациональное объяснение принципа причинности в синергетике (теории хаоса и самоорганизации) дала И.С. Добронравова [2]: «В качестве причины самоорганизации пытаются рассматривать предыдущее по отношению к бифуркации состояние среды. ... Однако никаких оснований для этого нет. Состояние среды перед бифуркаций еще даже не нелинейно. А без нелинейности нет самоорганизации. Между тем Илья Пригожин в качестве причины возникновения порядка из хаоса рассматривает не состояние, предшествующее бифуркации, а флуктуации по отношению к средним значениям... Эти флуктуации являются новым порядком, возникшим и поддерживаемым в условиях сильной неравновесности среды. … Ситуацию бифуркации следует рассматривать как ситуацию формирования причин... В этом случае причина равна действию, как и должно быть в соответствии с многовековой разработкой понимания причинности в мировой философской мысли. … Нелинейность среды при этом может быть рассмотрена как основание самоорганизации, а критическое значение управляющего параметра как ее условие. Двойная детерминация основанием и условием

определяет возникновение флуктуации как действующей_причины становления нового целого» [2, с. 215-216]. И тем не менее автор упорно флуктуации как явное проявление внутренней материальной причины расценивает как «спонтанное проявление действующей причины».

Чтобы разобраться в клубке представленных противоречий, необходимо вновь вернуться к аристотелевским началам. Главным недостатком научных споров является монополизм внешней, движущей причины. Однако материя не является пассивным субстратом, она обладает внутренней активностью, которая является внутренней, материальной причиной изменения и развития систем. Таким образом развитие есть результат взаимодействия внутренней, материальной и внешней, движущей причины, причем в различных ситуациях, на различных уровнях материального мира степень их участия неоднозначна: чем проще система, тем больше степень участия движущей причины (а в классической механике она практически доминирует, за исключением инерционного движения). Однако на уровне микромира, где взаимодействует огромное множество микроэлементов, материальная причина начинает неизбежно доминировать. Подобный подход позволяет разрешить многие споры вокруг принципа причинности, возникающие по мере углубления и развития научного знания.

Список литературы

1. Аристотель. Метафизика [Текст] / Сочинения. В 4 т. – Т. 1 / Аристотеь. – М.: Мысль, 1976. – С. 70.
2. Добронравова, И.С. Причинность в синергетике: Спонтанное возникновение действующей причины [Текст] / И.С. Добронравова // Спонтанность и детерминизм. – М.: Наука, 2006. – С. 212-224.
3. Гейзенберг, В. Исследование атома и закон причинности [Текст] / В. Гейзенберг // Шаги за горизонт: Избранные философские работы: Пер. с нем. – СПб.: Наука, 2006. – С.74-83.
4. Пригожин, И., Стенгерс, И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой: Пер. с англ. [Текст] / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М.: КомКнига, 2005. – С. 155-156.
5. Хакен, Г. Синергетика: Пер. с англ. [Текст] / Г. Хакен. – М.: Мир, 1980. – 404 с.

СОЦИАЛЬНО-ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗОВАНИЯ В ВИРТУАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ[1]

Леушкин Р.В.
ассистент кафедры философии
Ульяновского государственного технического университета,
Россия, г. Ульяновск.

Проблемную область данного исследования составляет феномен осуществления виртуальной социальной коммуникации, а именно возможность виртуальной социальной коммуникации, предельно общие аспекты и формы ее существования. Теория и методоло-

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, в рамках проекта № 15-33-01231 а2.

гия данного исследования складывается из синтетического объединения ряда положений структуралистских и социально-конструктивистских теорий и концепций.

Ключевые слова: виртуальная социальная коммуникация, коммуникативная система, онтологическая неполнота, виртуальный социальный конструкт, виртуальный капитал.

В последние десятилетия человечество столкнулось с новой формой организации социальной коммуникации, а именно с виртуальной социальной коммуникацией. Она инициирует стремительные изменения в организации социальных систем, что привлекает все большее внимание не только среди ученых и философов, но и в широкой аудитории. Вопросы специфики виртуальной социальной коммуникации, ее основных отличий от предшествующих форм социальной коммуникации требуют дальнейшей проработки.

Для того чтобы разобраться в характере виртуальной социальной коммуникации как коммуникативной практики, необходимо изучить специфику ее социально-онтологического существования. Это дает возможность выявить ее фундаментальные особенности и сравнить с другими видами социальной коммуникации. Это, в свою очередь, позволяет понять место и значение виртуальной социальной коммуникации в организации социальных процессов в современном обществе, раскрыть основы ее генезиса и увидеть перспективы будущего развития. Последний момент весьма важен в предупреждении опасных последствий кризисных периодов общественного развития, в которых немаловажную роль должен сыграть именно характер социальной коммуникации в глобальном сообществе. Этим объясняется актуальность темы данной статьи.

Виртуальная социальная коммуникация – это форма социальной коммуникации, в которой каналом передачи социальных смыслов являются электронные технические средства. Однако ее главной отличительной чертой является имитация контакта лицом к лицу, при отсутствии такового в действительности. Собственно виртуальной она называется именно по этой причине.

Виртуальная социальная коммуникация по преимуществу реализуется компьютерными сетями, объединенными в «интернет». Тем не менее, не стоит ее сводить только к интернет-коммуникации, поскольку это далеко не единственный вид виртуальной коммуникации. Например, общение по СМС тоже можно отнести к виртуальной коммуникации, но нельзя – к интернет-коммуникации. Более того, «виртуальная реальность ведет свой генезис отнюдь не от компьютера и даже не от схоластической философии, а из самых глубин первобытности – от начала символической деятельности человека, с создания системы симулякров, лишь условно и конвенционально обозначающих предметы и события – слов, рисунков, лепных и резных изображений» [7, с. 23]. Виртуальность создается, главным образом, не техническими средствами, а человеческими коммуникационными практиками. Ведь такой социальный конструкт, как миф существует примерно столько, сколько существует человеческая культура.

Виртуальная коммуникация, будучи опосредованной информационно-коммуникационными технологиями, сильно отличается от других типов соци-

альной коммуникации. Коммуникация, как связь между структурными элементами социальной системы, определяет форму этой системы. Именно связь, а не элементы, в большей мере определяет конфигурацию системы социальной коммуникации. Поскольку коммуникация является базовым условием существования социальной системы, постольку доминантный тип коммуникации в социальной системе задает характер ее структурации, или организации социального пространства. Устная коммуникация, будучи ведущей в традиционном обществе, позволяет социальным системам структурироваться на уровне родоплеменных отношений, с верхним экстремумом в форме феодализма. Печатной коммуникации достаточно для структурации на уровне национального государства, федерации и конфедерации (Д. Белл, Э. Тоффлер, М. Маклюен). А вот характер структурации социума, в котором социальные связи образованы электронными технологиями, остается пока неясным.

Для того чтобы разобраться в специфике понятий «виртуальная коммуникация» и «электронная коммуникация», стоит обратиться к их существующим определениям. Так, в работах В.И. Батова и В.В. Муромцева, «виртуальной коммуникацией называется такой процесс передачи информации, при котором искусственный канал связи создается неким сознанием, не являющимся статусным компонентом данного информационного взаимодействия» [1; с. 106]. Отсюда видно, что авторы придают особое значение искусственному происхождению канала и средств коммуникации, их опосредованному и неестественному характеру. В данном определении виртуальной коммуникации обозначается одна из качественных характеристик виртуальной реальности как таковой, а именно ее порожденность. Порожденность как одна из ключевых характеристик виртуальной реальности отмечается и в работах Н. А. Носова [4], где показывается относительность онтологии виртуальности. Е. Е. Таратута отмечает такую особенность виртуального общения, как утрата онтологической ответственности [6]. Здесь можно увидеть такую особенность виртуального взаимодействия, как онтологическая «неполноценность» в актуальности. Данное свойство можно определить как актуальную, действительную онтологическую неполноту [2].

Неполнота виртуальных процессов и явлений выражается в неопределенности существования в актуальной действительности. Так понятая неполнота присутствует и в виртуальной социальной коммуникации. Для того чтобы показать это, необходимо обратиться к анализу виртуальных систем социальной коммуникации.

Система социальной коммуникации – это социальная система, организованная особой формой социальной коммуникации, отличной от других видов подобных систем (изолированных, как исторически, так и географически) [5]. Исследование систем социальной коммуникации выводит коммуникацию на передний план и позволяет осуществлять эффективный сравнительный анализ различных видов этих систем.

Как любая система она включает в себя определенные элементы, здесь это единичные коммуникации. Единичная коммуникация не сводится к мгновенному автономному одномоментному акту, но представляет собой

динамическую коммуникативную связь. Именно совокупность этих динамических коммуникативных связей образует жесткую социальную структуру. Данная связь имеет ряд особенностей, изменение которых приводит к изменению социальных структур на уровне крупных социальных систем. Прежде всего это пространственные и временные характеристики. Ведущую роль в интеграции играет форма коммуникативных связей элементов системы. Таким образом, можно говорить о существовании специфичных систем социальной коммуникации (социально-коммуникативных систем).

Виртуальным элементом социально-коммуникативных систем является коммуникативная самореференция. На базе виртуальных социально-коммуникативных систем последняя существует как неполная [4]. Неполнота ее заключается в том, что в коммуникации сообщение апеллирует не к полноценному адресанту (онтологическому Другому), а к гипотетическому адресанту (существующему, преимущественно, в качестве конструкции). Именно конструкция адресанта берет на себя роль самого адресанта. Таким образом, симулируется не просто один из участников социальной коммуникации, так как конкретный актор не является элементом социально-коммуникативной системы, а самореферентная коммуникативная единица этих систем. В якобы актуальной ситуации коммуникации, происходит подмена реципиента его же электронной оболочкой, что ведет к возникновению неполной самореферентной единицы социально-коммуникативной системы. А это, в свою очередь, характеризует неполный, или виртуальный процесс, а именно виртуальную социальную коммуникацию, коммуникацию при которой происходит не приумножение смысла (или информации) а приуменьшение, его потеря.

Наличие элементов с нарушенной онтологией в социально-коммуникативной системе приводит к возникновению особых бытийных образований [2]. К этим образованиям, в рамках виртуальной социальной коммуникации, можно отнести виртуальные социальные конструкты. Конструкт, в нашем случае, является элементом, разворачивающейся в рамках коммуникативного дискурса реальности, кирпичиком виртуальной реальности [3]. Одним из примеров виртуального социального конструкта можно отнести виртуальный капитал. Социальная форма данного капитала, с нашей точки зрения является основополагающим фактором жизнеспособности такой формы социальной интеграции, как интернет-сообщество. Без наличия данных объективных условий, существование виртуальных социальных конгломераций было бы невозможно в принципе.

В ходе исследования мы получили результаты, суть которых можно выразить в нескольких пунктах.

Виртуальная социальная коммуникация осуществляется на основе специфической социальной системы. Виртуальная социальная коммуникация связана с процессом отчуждения в информационно-технологической сфере общества. Виртуальная социальная коммуникация осуществляется в символическом пространстве, имеет относительную автономность, может быть представлена через особую социально-коммуникативную систему. Сама

по себе виртуальная социальная коммуникация обладает такой характеристикой, как онтологическая неполнота действительного существования. В организации данной формы коммуницирования играют важную роль некие объективные социально-онтологические условия, например такие, как виртуальный социальный капитал.

Список литературы

1. Батов, В.И. Виртуальная коммуникация как феномен культуры [Текст] / В.И. Батов // Философские науки. – М., 2008., № 7. С. 98-107.

2. Леушкин, Р.В. Виртуальный объект как проблема конструктивного реализма [Текст] / Р.В. Леушкин // Фундаментальные исследования. –М., №6, 2014. С. 1553-1558.

3. Леушкин, Р.В. Конструкты виртуальной социальной коммуникации [Текст] / Р.В. Леушкин // Социальная жизнь как единство разнородных состояний. Сборник научных трудов IV Международной теоретико-практической конференции, посвященной памяти доктора философских наук, профессора Георгия Федоровича Миронова (1944-2008). – Ульяновск: УлГТУ, 2014. С. 158-166.

4. Носов, Н. А. Виртуальная психология [Текст] / Н. А. Носов. – М.: Аграф, 2000., 432 с.

5. Сметана, В.В. Социальная коммуникация (Социально-философский анализ коммуникативных отношений и коммуникативного дискурса) [Текст]: Дис. … канд. филос. наук: 09.00.11. / В.В. Сметана. – Ростов-на-Дону, 2004, – 177 с.

6. Таратута, Е.Е. Философия виртуальной реальности [Текст] / Е.Е. Таратута –СПБ.: СПбГУ, 2007., 147 с.

7. Флиер, А.Я. Культура как виртуальная реальность [Текст] / А.Я. Флиер // Обсерватория культуры. -2006., №2., С . 22–27.

О НЕКОТОРЫХ ТЕОРИЯХ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В ЗАРУБЕЖНОЙ ФИЛОСОФИИ

Петров И.Ф.
профессор кафедры технологий сервиса и деловых коммуникаций
Академии маркетинга и социально-информационных технологий,
д-р философ. наук, профессор,
Россия, г. Краснодар

В статье рассматриваются зарубежные теории, игнорирующие человеческую историю и законы развития общества, сводящие всю жизнедеятельность человека к проявлениям его физической и биологической природы.

Ключевые слова: человек, личность, жизнедеятельность, фрейдизм, неофрейдизм, биологические аспекты поведения.

В зарубежной философии существуют теории, которые сводят всю жизнедеятельность человека к проявлениям его физической, биологической природы. Такие теории игнорируют человеческую историю и законы развития общества. Представители подобных концепций ведут речь о «собственном инстинкте», «инстинкте эгоизма» и т. д. Одной из самых распространенных теорий, которая и по сей день оказывает влияние на теорию личности,

является фрейдизм и его разновидность – неофрейдизм. Различные стороны теории З. Фрейда достаточно подробно проанализированы в работах Ф. В. Бассина, Б. В. Зейгарника, К. Б. Клемана, Ж. Лакана, Б. Е. Рожнова, Л. Сэва и др.

В конструкции личности З. Фрейда содержится предположение о сложности, многоплановости структуры поведения человека. И, тем не менее, все эти компоненты в основном подчинены биологическим аспектам. Так, например, в его структуре личности существуют три основных компонента: Оно (Ид), Я (Эго) и Сверх-я (Супер-эго). Ид является той ареной, где властвуют вытесненные бессознательные инстинкты, а с другой – подчиняется принципу удовольствия. Эго, с одной стороны, следует бессознательным инстинктам, а с другой – подчиняется нормативам и требованиям реальности. Супер-эго – это совокупность моральных устоев общества, выполняет роль «цензора». Таким образом, по мнению Б. В. Зейгарника, Эго находится в конфликте, ибо требования Ид и Супер-эго несовместимы. Исходя из этого Эго (Я) постоянно прибегает к защитным механизмам: вытеснению, сублимации (само вытеснение совершается неосознанно). Для осуществления разнообразных функций форм деятельности Фрейд выделил систему специфических механизмов (сублимация, проекция, перенос, вытеснение, регрессия и т. д.). Организм рассматривается им как сложная энергетическая система, управляемая законом сохранения энергии. Поэтому если либидо (З. Фрейд выделил две потребности, которые определяют психическую деятельность человека – либидозную и агрессивную) остановлено в одном из своих проявлений, оно должно неизбежно произвести какие-то другие эффекты. Супер-эго обеспечивает социальную преемственность этих эффектов, но если это ему не удается, конфликт между Ид и Супер-эго приобретает обостренный характер и нормальное функционирование системы нарушается, блокированное либидо находит свое выражение в симптомах болезни, невроза [1, с.7–8].

Есть и другие теории, например, концепция «реформированного», «реконструированного» психоанализа (упомянутый выше неофрейдизм), которые хотя и обращаются к социальному фактору, но определяющей основой сознания и поведения человека считают предрасположения, коренящиеся в его психике в виде влечений.

Представителем рассматриваемой концепции является Э. Фромм. Его учение является, если так можно выразиться, наиболее социализированным учением неофрейдизма. По Фромму, мысли, чувства, поступки личности нужно рассматривать как дремлющие в ней тенденции, которые ждут удобного случая для своего выражения [7, с.180]. Несмотря на то, что Фромм рассматривает социальный фактор, показывая, как экономическая и политическая деятельность обостряет состояние человеческой отчужденности, он остается верен положению о первичности психических сил. «Анализ Фроммом личности, – справедливо считает С. К. Рощин, – и общественных отношений, внешне носящий исторический характер, на самом деле основан на подмене факторов, имеющих первостепенное значение в человеческой истории, факто-

рами совсем иного уровня» [6, с.80]. Такие явления, как подчинение другим, стремление к власти, пассивное согласие с социальными нормами, стремление к разрушению, объясняются им действием особых психических сил, которые имеют свои корни в «родовой травме» человека (когда тот, выделившись из животного мира, осознал свою отдаленность от окружающей среды). То есть Фромм, впрочем, как и другие неофрейдисты, подменяет социальные явления психологическими (психологический редукционизм).

На самом же деле суть не в извечно заданных психических предрасположениях, а, как известно, в том, что люди есть продукты обстоятельств, исторически меняющихся социальных условий и изменяются с изменением первых.

Список литературы

1. Здравомыслов А. Г. Проблема интереса в социологической теории [Текст]. – М., 1981. – 228 с.

2. Петров И. Ф. Дифференцированный подход к удовлетворению культурных потребностей личности [Текст]. – Тула: Приокское книжное издательство, 1990. – 142с.

3. Петров И. Ф., Петров Л. И. Личность в контексте культурных потребностей [Текст]. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. – 150 с.

4. Петров Л. И. Общество и потребности [Текст]. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. – 171 с.

5. Петрова С. И. Социальные потребности и культурные процессы [Текст]. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. – 151 с.

6. Рощин С. К. Западная психология как инструмент идеологии и политики [Текст]. – М., 1980. – С. 80.

7. Fromm E. Escape from Freedom. 1949.

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД И РЕГИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Петров И.Ф.
профессор кафедры технологий сервиса и деловых коммуникаций
Академии маркетинга и социально-информационных технологий,
д-р философ. наук, профессор,
Россия, г. Краснодар

В статье системный подход рассматривается в качестве одного из факторов концептуальных основ планирования развития культуры в индустриальном регионе. Изучение различных уровней исследования культуры и переход от одного уровня исследования к другому демонстрирует диалектику системного анализа, показывает методологическую взаимосвязь всех уровней.

Ключевые слова: культура, системный подход, социальный анализ, уровень исследования.

Сегодня становится очевидной острая потребность в разработке концептуальных основ планирования развития культуры в индустриальном регионе, поскольку такая разработка позволила бы учесть как многообразные социальные, политические и этнокультурные последствия принимаемых ре-

шений, так и выработать стратегию развития номенклатуры специальностей подготовки кадров в области культуры на долговременную перспективу.

Отметим некоторые общие вопросы системного подхода в культуре и региональной культуре в частности. Наиболее значимое требование системного подхода – рассмотрение объекта как целостного множества элементов в совокупности его внутренних и внешних связей и отношений. Отсюда вытекает необходимость:

– во-первых, определения уровня, на котором ведется исследование, так как иерархичность анализа объекта, характерная для системного подхода, требует очерчивания границ исследуемой системы и ее отношения к системам более высокого (и более низкого) порядка;

– во-вторых, определения методов, которыми следует пользоваться;

– в-третьих, уточнения используемого языка и категориального аппарата, описания и практики;

– в-четвертых, установления системы управления (обычно выделяют три уровня управления – стратегический, тактический и оперативный).

Наиболее существенным требованием, отвечающим специфике познавательной практики системного подхода в социальном анализе, является определение уровня, на котором ведется системное исследование.

В анализе социальных явлений в зависимости от степени их общности могут быть выделены три уровня:

1 уровень – общесоциологическая теория. Объектом исследования на этом уровне выступает культурная жизнь общества в целом, а региональная культура рассматриваются как элемент культурной сферы (наряду с другими элементами – культурной деятельностью, культурными отношениями). При этом используются по преимуществу философские и общетеоретические методы, естественный язык, а полученные знания ориентированы на стратегический уровень управления культурной жизнью;

2 уровень – специальная социологическая теория. Объектом исследования на этом уровне выступает культура как система, складывающаяся из подсистем составляющих элементов. Как известно, этот уровень социального анализа связан со специальной социологической теорией. Её еще называют теорией среднего уровня, так как она является необходимым промежуточным звеном, соединяющим знания, получаемые на общесоциологическом уровне, с данными эмпирических исследований той сферы, которая принята в исследовании за самостоятельную систему. Такой теорией, анализирующей социальные связи культуры и региональной культуры в частности, является социология культуры;

3 уровень – эмпирические исследования. Здесь за систему принимаются объекты, которые являются элементами более широкой системы культуры, к примеру, культурное производство, культурные потребности определенных социальных групп, региональная культура.

Рассмотрение различных уровней исследования культуры и переход от одного уровня исследования к другому демонстрирует диалектику системного анализа, показывает методологическую взаимосвязь всех уровней.

В своем исследовании мы рассматриваем региональную культуру на уровне специальной социологической теории – социологии культуры и на уровне эмпирических исследований, то есть системный анализ объекта осуществляется во взаимосвязи второго и третьего исследовательского уровней.

Список литературы

1. Петров И. Ф. Дифференцированный подход к удовлетворению культурных потребностей личности [Текст]. – Тула: Приокское книжное издательство, 1990. – 142с.

2. Петров И. Ф. Дифференциация культурных потребностей личности: социологический подход [Текст]. – Кемерово: КемГУКИ, 2006. – 152с.

3. Петров И. Ф., Петров Л. И. Личность в контексте культурных потребностей [Текст]. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. – 150 с.

4. Петров Л. И. Общество и потребности [Текст]. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. – 171 с.

5. Петрова С. И. Социальные потребности и культурные процессы [Текст]. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. – 151 с.

СОЦИАЛИЗАЦИЯ КАК ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

Петров И.Ф.
профессор кафедры технологий сервиса и деловых коммуникаций
Академии маркетинга и социально-информационных технологий,
д-р философ. наук, профессор,
Россия, г. Краснодар

В статье рассматривается социализация в качестве одного из ведущих факторов формирования личности. Показывается, что социализация не просто сумма внешних влияний, регулирующих проявление имманентных индивиду биопсихологических импульсов и влечений, а формирующий личность целостный процесс.

Ключевые слова: личность, социализация, индивид, процесс, формирование личности.

Как известно, социализация, не просто сумма внешних влияний, регулирующих проявление имманентных индивиду биопсихологических импульсов и влечений, а формирующий личность целостный процесс. «Процесс социализации преобразует человеческого индивида всесторонне. По крайней мере, все или почти все в нем, вплоть до физиологических параметров, определенным образом модифицируется под влиянием процесса социализации. Соответственно все, или почти все, черты, свойства социализированного индивида социально значимы, но не все личностны. Не исключается ситуация, когда у социализированного индивида отсутствуют личностные черты, свойства. Это не препятствует тому, что такой индивид реализует себя как член (определенного) общества и выполняет комплекс общественно необходимых функций. Так обстояло дело в доклассовом обществе (в условиях первобытной общины). Периоду нерасчлененности общественного сознания (на формы), его синкретичности соответствует единообразие общественного бытия людей, их социальная однородность [4, с.77–78].

Несмотря на частое использование понятия «социализация», оно не имеет однозначного толкования и в одних случаях сближается с понятием «воспитание», в других – с «формированием» личности. Сопоставляя и обобщая различные точки зрения по этому вопросу, в интересах анализа поставленной проблемы в дальнейшем ограничим круг наших рассуждений пределами двухфакторного подхода к формированию личности (наследственность и среда) и ее культурных потребностей, не забыв при этом и об активности самой личности как социального существа. В этой связи правомерна такая постановка вопроса – «Что есть появившийся на свет человек?» Является ли он в этот мир существом, включающим в себя биологическое и социальное одновременно, рождается биологическим, а затем становится социальным, а может, изначально он или социален, или биосоциален? В научной литературе каждый из перечисленных подходов имеет своих сторонников и последователей, все они достаточно подробно проанализированы в работе К. А. Абульхановой [1, с.115–131]. Мы же хотим добавить, что в различных концепциях социализации, принятых за рубежом, на одном полюсе стоят авторы, рассматривающие человека как биологическое существо, которое лишь приспосабливает врожденные формы поведения, инстинкты и т. п. к условиям существования в обществе (фрейдизм), на другом – те, кто видит в личности пассивный продукт социальных влияний [2, с.629]. Что касается отечественной философии, то такого рода примером полярных точек зрения во взглядах на соотношение натуры и культуры, роли биологической наследственности и культурно-исторической преемственности в развитии личности могут служить высказывания Д. К. Беляева и Н. П. Дубинина. Так, Д. К. Беляев утверждает, что «все люди уже при рождении потенциально ... разнокачественны как в смысле своих физических свойств, так и в плане психических способностей, в том числе своей одаренности и своего поведения... [Разнокачественность людей] не относится к категориям межрасовой, межклассовой, межсоциальной разнокачественности» [2]. Н. П. Дубинин же считает, что все нормальные люди способны к неограниченному духовному развитию, основанием для этого служит универсальность возможностей мозга и тела человека. Что касается психики человека, то она в его генах не заложена [3].

Проанализировав точки зрения по этому вопросу, можно сказать, что социализация – процесс формирования целостной личности. Взаимодействие биологического, социального и индивидуального в формировании личности является сложным видом диалектического единства этих начал. Биологическое в человеке представляет собой естественную, природную предпосылку развития духовного мира личности. Каждый человек способен к всестороннему развитию ввиду неспециализированности его мозга и тела, уникальности его генетической программы.

В свете проблемы формирования личности можно говорить, что каждому человеку свойственна природой заданная уникальная интеграция задатков и что социальная жизнь должна, не повреждая эту первоначально согласованную систему задатков, побуждать индивида к развитию их в способности посредством общественно значимой деятельности [5, с.17–18]. Иными

словами, без активности человека (как существа общественного и живого организма) никакие задатки не могут сформироваться в способности. А без сформированного деятельного (и ответственного) отношения индивида к своей личности не может быть полного раскрытия сущностных сил личности.

Список литературы

1. Абульханова К. А. Диалектика природного и общественного как методологический принцип наук о человеке [Текст]. – М., 1977. – С. 115–131.

2. Диалектика в науках о природе и человеке: в 4 кн. / ред. колл. И. Т. Фролов и др. [Текст]. – М., 1983. – Кн. 4. – С. 118–119.

3. Дубинин Н. П. Наследование биологическое и социальное [Текст]. – М., 1980. – С. 63–64.

4. Зотов Н. Д. Личность как субъект нравственной активности: природа и становление [Текст]. – Томск, 1984. – 246с.

5. Минюшев Ф. И. Феномен социалистической личности [Текст]. – М., 1984. – 188с.

6. Петров И. Ф., Петров Л. И. Личность в контексте культурных потребностей [Текст]. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. – 150 с.

ЧЕЛОВЕК КАК СОЦИАЛЬНОДЕЙСТВУЮЩИЙ СУБЪЕКТ

Петров И.Ф.
профессор кафедры технологий сервиса и деловых коммуникаций
Академии маркетинга и социально-информационных технологий,
д-р философ. наук, профессор,
Россия, г. Краснодар

В статье рассматривается деятельность в качестве всеобщего признака человека, выделяющая его из остального мира и являющаяся ведущим фактором самореализации личности.

Ключевые слова: человек, индивид, личность, деятельность, активность, виды деятельности.

Всеобщим признаком человека является деятельность, в том числе социальная, выделяющая его из остального мира. О личности мы судим по тому, насколько она как общественная система способствует или препятствует проявлению человеческого в процессе деятельности, является результатом и средством самореализации, обеспечивает свободу творчества. «Когда характеризуют человека, то в первую очередь говорят о его деятельности – что он делает и как он делает» [1, с.3]. Известно, что любой вид целенаправленной человеческой деятельности при условии ее превращения в самодеятельность, то есть деятельность, свободную от внешнего принуждения, может стать ареной раскрытия и реализации ее сущностных сил. В деятельности и через нее индивид включается в общественные отношения, которые складываются в ходе практики. «... Исследуя *действительные* общественные отношения и их *действительное* развитие, я исследую именно продукт деятельности живых личностей» [3].

Основные моменты теории деятельности достаточно подробно исследованы в отечественной литературе (Б. А. Воронович, М. В. Демин, М. С. Каган, А. Н. Леонтьев, А. Н. Маргулис, Э. С. Маркарян, А. П. Огурцов, Ю. К. Плетников, К. Г. Рожко, В. В. Фофанов, Э. Г. Юдин и др.). Тем не менее, остается не решенным вопрос о соотношении понятий «деятельность» и «активность». Самой распространенной точкой зрения является подведение человеческой деятельности под понятие активности (Л. П. Буева, М. В. Демин, М. С. Каган, Э. С. Маркарян, А. В. Маргулис) и движения (С. Ф. Анисимов, Б. А. Воронович, В. П. Зинченко, В. А. Лекторский, В. М. Мунипов). Подробный анализ различных точек зрения сделан в монографиях М. В. Демина [1] и К. Г. Рожко [5]. Так, К. Г. Рожко отмечает варианты понимания деятельности: через взаимодействие и отношение ее определяет С. Л. Рубинштейн; адаптивно-адаптирующие (приспособительно-приспосабливающие) действия – Э. С. Маркарян, М. С. Кветной, Б. А. Боронович и Ю. К. Плетников; через функции общественной системы – Л. П. Буева; способ бытия людей – Э. Л. Акопов, В. А. Хотякова.

Из всех отмеченных подходов к определению деятельности, на наш взгляд, наиболее оптимальной является точка зрения М. С. Кагана. Он считает, что человеческая деятельность «может быть определена как активность субъекта, ... а сам человек должен рассматриваться как субъект деятельности» [2, с.43]. По М. С. Кагану, все основные виды деятельности (преобразовательная, познавательная, ценностно-ориентационная) имеют по четыре группы разновидностей, определяемых характером или субстратом объекта:

– деятельность, направленная на природный предмет;

– деятельность, направленная на социальный предмет (социальный институт, учреждение, отношение и т. п.);

– деятельность, направленная на другого человека;

– деятельность, направленная на самого субъекта (например, самопознание и самоизменение) [2, с.46–53].

Классифицировав приведенные выше разновидности человеческой деятельности по признаку непосредственного участия в социальных отношениях, можно заметить, что первый и последний виды деятельности могут протекать без непосредственных контактов с другими людьми, хотя и зависеть от результатов их деятельности, а деятельность, направленная на «социальный предмет» или на другого человека, всегда находится в рамках контактов людей друг с другом [6, с.53].

Всякие действия индивида, связанные прямо или опосредованно с жизнью и действиями других людей, являются социальными действиями независимо от того, какой характер и какое направление они имеют. В. И. Сперанский выделяет следующие признаки, отличающие социальные действия от всех других (элементарных) действий личности:

- социальное действие всегда прямо или опосредованно проявляется как взаимоотношения с другими людьми (отдельными индивидами или человеческой общностью);

- социальное действие – это свободное действие, не детерминируемое жестко внешними обстоятельствами;

- социальное действие – это осознанное действие; осуществляя его, индивид предполагает его последствия, понимает – хотя и не всегда в полной мере – свою возможную ответственность [6, с.58].

Таким образом, человек – это активно действующий социальный субъект, изменяющий условия своей жизнедеятельности, существо не только социально деятельное, но и социально мыслящее.

Список литературы

1. Демин М. В. Природа деятельности [Текст]. – М., 1984. – 168с.

2. Каган М. С. Человеческая деятельность [Текст]. – М., 1974. – 328с.

3. Ленин В. И. Экономическое содержание народничества [Текст] // Полн. собр. соч. – 5-е изд. – М., 1958–1978. – Т. 29. – С. 427.

4. Петров И. Ф. Дифференцированный подход к удовлетворению культурных потребностей личности [Текст]. – Тула: Приокское книжное издательство, 1990. – 142с.

5. Рожко К. Г. Принцип деятельности [Текст]. – Томск, 1982. – 210с.

6. Социально-экономические основы формирования нового человека [Текст] / ред. Ф. М. Волков. – М., 1985. – С. 27–28.

ПРОБЛЕМЫ БРЕНДИРОВАНИЯ ТЕРРИТОРИИ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПРОХОРОВСКОГО РАЙОНА БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Багаутдинова В.О.
студентка НИУ «БелГУ»,
Россия, г. Белгород

Шаповал Ж.А.
доцент кафедры социальных технологий НИУ «БелГУ», канд. социол. наук,
Россия, г. Белгород

В статье рассматривается технология брендинга территорий муниципальных образований. Описывается сущность и содержание понятия «бренд территории». Анализируется опыт брендирования территории Прохоровского района Белгородской области.

Ключевые слова: бренд, брендинг, брендирование территории, Прохоровский район.

Брендинг территории в последнее время занимает весомое место в политической и экономической политике государства и его регионов. Под брендингом территории понимают придание ей таких характеристик, которые позволяют сделать местность особенной, отличаться от других и быть уникальной.

Следует отметить, что бренд – это образ торговой марки, товара или услуги в сознании покупателя, выделяющий его в ряду прочих, схожих марок. Брендом может быть все, что может потребляться: товар, имущество, хобби, увлечение, стиль жизни, артист, экранный исполнитель, медиа персонаж. Также бренд – это символическое выражение комплекса информации, связанного с определенным товаром и услугой. Это последовательный набор функциональных, эмоциональных и самовыразительных обещаний потенциальному целевому потребителю, которые являются значимыми, важными для него [3].

Бренд территории мало чем отличается от коммерческого бренда. У него есть свои сущность, атрибуты и ценности. Однако он выступает более сложной маркетинговой единицей. Территориальный бренд или бренд муниципального образования – это бренд города либо иного территориального образования, выступающий важным фактором продвижения территории, опирающийся на политический, экономический, социокультурный потенциал территории и природно-рекреационные ресурсы, а так же бренды товаров и услуг, локализованные в определенной географической местности [2].

Разработка территориального бренда в основе своей имеет создание внутри территории и отправку во внешнюю среду некоторых сообщений, которые должны быть соответствующим образом приняты, поняты и в определенной степени переработаны получателями для того, чтобы запустить ответные переживания и действия извне.

Бренд естественным путем не создается, он является продуктом сознательного и управляемого осмысления, продуктом искусственно организованной общественной рефлексии и проектирования. Искусственность бренда предполагает управление его созданием и продвижением, наличие заказчика, наличие квалифицированной группы разработчиков, наличие информационных и финансовых ресурсов, четко сформулированное техническое задание, программу создания и продвижения бренда, мониторинг эффективности бренда, механизм поддержания и развития.

Процесс брендинга должен носить стратегический и целостный характер, сосредоточиваться на создании образа, индивидуальности территории как бренда, для чего все маркетинговые усилия необходимо объединить в одно целое, комплексное мероприятие. В долгосрочном проекте правильно построенный образ бренда способен усилить его восприятие, которое в свою очередь, обеспечит в будущем не только надежную и стабильную экономическую, но и социально-культурную составляющую бренда. При этом особое место должно уделяться процессу формирования ассоциаций, вызываемых брендом у населения [3].

Территориальный брендинг направлен на формирование конкурентных преимуществ муниципального образования перед другими территориями, а также на улучшение его имиджа, повышение популярности и известности в глазах туристов. В связи с этим немаловажное значение имеет не только привлечение потенциальных потребителей туристического продукта, но и рекомендации по расширению круга лиц, заинтересованных в посещении туристической местности [4].

Туристическая привлекательность в силу своей непостоянности может меняться в зависимости от множества факторов, которые могут тем или иным образом отразиться на привлекательности туристической территории. К таким факторам могут относиться: наличие современной материально-технической базы туризма, а именно наличие новейших гостиничных комплексов, специализированных предприятий и учреждений с широким ассортиментом услуг, которые они производят и т.д. [4].

Одним из приоритетных направлений Стратегии социально-экономического развития Белгородской области на период до 2025 года является формирование в регионе конкурентоспособного туристско-рекреационного кластера при эффективном использовании и сохранении туристско-рекреационных ресурсов территории. Туризм является одним из наиболее перспективных направлений структурной перестройки экономики региона, оказывает стимулирующее воздействие на развитие сопряженных с ним отраслей, таких как транспорт, строительство, связь, сельское хозяйство, производство товаров промышленного потребления.

С 2007 года в Белгородской области реализованы долгосрочные целевые программы в сфере сельского туризма. Развитие данного направления осуществлялось в соответствии с утвержденной постановлением Правительства Белгородской области от 23 октября 2010 года № 346-пп долгосрочной целевой программой «Развитие сельского туризма в Белгородской области на

2011 – 2013 годы» за счет средств федерального и областного бюджетов в рамках совместного проекта Минэкономразвития России и Правительства Белгородской области.

В 2013 году развитие всех видов туризма в регионе осуществлялось в рамках долгосрочной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Белгородской области на 2013 – 2017 годы», утвержденной постановлением Правительства области от 14 января 2013 года № 5-пп.

В настоящее время реализуется государственная программа Белгородской области «Развитие экономического потенциала и формирование благоприятного предпринимательского климата в Белгородской области на 2014 – 2020 годы», включающая соответствующую подпрограмму развития туризма.

Несмотря на хороший туристско-рекреационный потенциал области, темпы развития туристской отрасли недостаточно высокие. Жители области для целей, связанных с отдыхом, предпочитают выезжать за пределы региона. К основным проблемам развития туризма в регионе можно отнести: недостаточно развитую материальную базу туристской индустрии, нехватку гостиничных номеров средней категории; небольшой ассортимент услуг развлечений при их высокой стоимости; не соответствующую требованиям и ожиданиям туристов квалификацию персонала объектов туризма; недостаточное продвижение турпродуктов на внутреннем и внешнем рынках.

В настоящее время в регионе реализуется Концепция брендирования территорий в Белгородской области. Брендирование муниципальных образований в Белгородской области рассчитано на 2013 – 2015 годы и предусматривает создание и использование местных брендов под общим контролем органов государственной власти области при абсолютной ответственности за использование принятого бренда территории на органах местного самоуправления муниципальных районов и городских округов [1].

Мероприятия по брендированию территории реализуются в большей части районов и округов Белгородской области, включая Прохоровский район.

Обладая богатой историей, многовековыми традициями и живописными природными ландшафтами, Прохоровский район имеет возможность развития туризма различных форм: от делового, культурно-познавательного, религиозного, до аграрного и спортивного туризма с активными формами отдыха. Предопределяющими факторами успешного развития сельского туризма в Прохоровском районе, являются наличие Государственного военно-исторического музея-заповедника «Прохоровское поле», генерирующей мощный поток туристов, и наличие инновационных ядер, способных обеспечить конкурентоспособность туристско-рекреационного направления и его динамичное развитие.

За последние два года число туристов в районе возросло практически в два раза – с 97 до 200 тысяч человек в год. Ежегодно только музей-заповедник «Прохоровское поле» посещает более 120 тысяч человек. В районе активно развивается сельский туризм – появляются небольшие гостиницы или усадьбы для размещения туристов, в том числе узкоориентированные базы размещения – для охотников, рыболовов. Активно

развивается агротуризм – малые и средние фермерские хозяйства. Появляются кафе и рестораны национальной кухни, развивается охота и рыболовство.

Создание бренда для территории Прохоровского района рассматривается как важный фактор продвижения и позиционирования территории как внутри региона, так и за его пределами. Успешное продвижение территориального бренда отражает заинтересованность местной администрации в дальнейшем развитии и повышении престижа территории, построении позитивных отношений с бизнесом и выступает гарантом её развития и процветания.

В 2013 году на территории Прохоровского района проводился открытый конкурс проектов на лучший бренд сельского поселения Прохоровского района. Конкурс проходил под девизом «Эстафета брендов сельских территорий – инновационная форма развития имиджа района».

Районный конкурс проектов по созданию лучших брендов сельских территорий проводился с целью подготовки обоснованного бренда конкретных сельских территорий, повышения заинтересованности глав сельских поселений Прохоровского района в создании отличительных символов, логотипов, определении сувенирной продукции созданного бренда для его дальнейшей реализации. Конкурс рассматривался как механизм вовлечения сельских поселений в решение вопроса развития и продвижения имиджа Прохоровского района посредством создания новых туристических и рекреационных зон, новой брендовой сувенирной продукции и новых символов сельских территорий.

Для участия в конкурсе необходимо было подготовить проект, отвечающий целям и задачам конкурса, который должен представлять собой актуальное исследование по тематике конкурса, содержать обоснованные выводы, а также конкретные предложения по его реализации. Необходимо было кратко и ясно отразить основные задачи, стоящие перед брендом, и конечный результат. Информация должна была сопровождаться образцами рекламной продукции и креативными материалами (пакет атрибутов бренда – логотип, слоган, символ (герб поселения), сувенирная продукция и т.д. Важной составляющей поданного материала являлась сопроводительная записка, содержащая обоснование выбора данного бренда и описание форм и механизмов его использования и продвижения.

В конкурсе принимали участие все сельские поселения муниципального района. Участником конкурса могло стать любое физическое лицо, приславшее свою заявку и представившее конкурсные материалы на рассмотрение оргкомитета. Каждое сельское поселение, входящее в состав Прохоровского района Белгородской области, представило на конкурс свои территориальные бренды и слоганы.

В результате проведения конкурса все сельские поселения района разработали собственные уникальные бренды. К примеру:

– Журавское сельское поселение представило бренд «Журавлиная родина». Цель создания бренда «Журавлиная родина» – объединить усилия всех социально-культурных институтов территории и создать «Музей журав-

ля», «Парк журавля», проводить конкурсы, акции, мероприятия, посвящённые этой птице, а в дальнейшем разработать туристический маршрут. В качестве символа-сувенира планируется изготавливаться деревянный срез с изображением журавля;

– Маломаяченское сельское поселение представило в качестве бренда изображение «костра». Во время вражеских набегов на территории нынешнего поселения разжигались сигнальные костры. Данный бренд изготовлен в виде матерчатой салфетки с вышитым изображением поленьев, огня и надписью на нижнем поле «Малые Маячки». Продвижением и рекламой бренда являются концертные и другие развлекательные программы, а также мероприятия, викторины, конкурсы и фестивали, с привлечением к участию в них жителей сторонних поселений. Также уделено особое внимание размещению бренда в интернете, на сайте поселения;

– Ржавецкое сельское поселение представило бренд «Капуста поволконски». Село Ржавец славится богатыми урожаями белокочанной капусты. Она выращивается с 19 века, со времён Князя Н.Г.Волконского. По краеведческим данным, большая часть угодий Волконских была засеяна капустой, поэтому брендом территории стала капуста, а сувениром – ажурный платочек с инициалами Князя Волконского;

– Холоднянское сельское поселение представило бренд – «Варенички по-холднянски». Со времён образования холоднянские крестьяне имели свои земли и сами решали когда их и чем засеивать, а после сбора урожая и помола зерна каждая хозяйка делала вареники и устраивались пробы, чья свежемолотая мука лучше и вкуснее. С тех времён пошла традиция: на торжестве в каждом дворе готовить вареники с разной начинкой.

Несмотря на то, что были выявлены победители конкурса, представленные бренды не были признаны как бренды, которые могут представлять Прохоровский район на других уровнях власти и на международной арене, так как они не смогут поддержать выполнение целей социально-экономического развития и не отражают все элементы уникальной идентичности территории. Таким образом, по оценке администрации района, бренды, представленные на конкурс, не смогут должным образом способствовать повышению конкурентоспособности территории, повышению качества и уровня жизни, благосостояния людей.

Итоги конкурса выявили как положительные, так и новые отрицательные стороны и проблемы в организации и функционировании муниципального управления. Положительным моментом является осознание муниципальными органами важности внедрения бренд-технологий в систему управления конкурентоспособностью территории. Отрицательным моментом является тот факт, что население района не в полной мере осознаёт наличие проблемы, связанной с брендированием территории, оно остаётся довольно безынициативным и пассивным в решении данного вопроса.

Всё это необходимо учитывать муниципальным властям в перспективе при формировании бренда Прохоровского района. Бренд района может стать одним из эффективных инструментов, позволяющих определить муни-

ципальному образованию не только свою уникальность, неповторимость, «изюминку» или запомнится потребителю, но и оказать положительное влияние на развитие инвестиционной привлекательности территории, рост репутационного капитала в целом, повысить свою конкурентоспособность.

Список литературы

1. О Концепции брендирования территорий в Белгородской области: распоряжение губернатора Белгородской области от 23 мая 2013 года № 235-р // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
2. Робертс К. Lovemarks: Бренды будущего. – М.: Рипол-Классик, 2008.
3. Селюков М.В., Шалыгина Н.П., Скачков Р.А., Курач Е.В. Формирование конкурентоспособного бренда региона // Фундаментальные исследования. – 2011. – № 8–3. URL: www.rae.ru/fs/?section=content&op=show_article&article_id=7981181 (дата обращения: 21.07.2015).
4. Шалыгина Н.П., Селюков М.В., Курач Е.В. О роли брендинга в формировании туристской привлекательности региона // Фундаментальные исследования. 2013. №8-5. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/o-roli-brendinga-v-formirovanii-turistskoy-privlekatelnosti-regiona (дата обращения: 21.07.2015).

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ УТИЛИЗАЦИИ ТВЕРДЫХ БЫТОВЫХ ОТХОДОВ В МУНИЦИПАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ

Захарова А.С.
студентка НИУ «БелГУ»,
Россия, г. Белгород

Шаповал Ж.А.
доцент кафедры социальных технологий НИУ «БелГУ», канд. социол. наук,
Россия, г. Белгород

В статье рассматриваются теоретические аспекты организации муниципальной системы обращения с твердыми бытовыми отходами. Анализируются основные подходы к содержанию понятия «утилизация отходов». Рассматриваются элементы муниципальной системы комплексного обращения с отходами.

Ключевые слова: твердые бытовые отходы, утилизация отходов, муниципальное образование.

Проблема утилизации твердых отходов производства и потребления является одной из наиболее значимых мировых проблем в области охраны окружающей среды. Существующая в большинстве крупных городов нашей страны система обращения с твердыми бытовыми отходами сложилась еще во времена СССР и в основном базировалась на полигонном захоронении. К настоящему времени в большинстве мегаполисов бывшего СССР, а также многих муниципальных образованиях ресурс существующих полигонов близок к исчерпанию, что требует срочного радикального пересмотра сложившейся схемы обращения с ТБО [3, с. 218].

Комплексное решение проблемы утилизации бытовых отходов (Integrated Waste Management) начинается с изменения взгляда на то, чем являются бытовые отходы. Известному эксперту по проблеме отходов Полу Коннетту принадлежит краткая афористичная формулировка, выражающая этот новый взгляд: «Мусор – это не вещество, а искусство – искусство смешивать вместе разные полезные вещи и предметы, тем самым определяя им место на свалке». Смешивая различные полезные предметы с бесполезными, – продолжает Коннетт, – токсичные с безопасными, горючие с несгораемыми, мы не должны удивляться, что полученная смесь бесполезна, токсична и плохо горит. Эта смесь, называемая бытовыми отходами, будет представлять опасность для людей и окружающей среды, попав как в мусоросжигатель, так и на свалку или мусороперерабатывающий завод [2, с. 34].

Традиционные подходы к проблеме ТБО ориентировались на уменьшение опасного влияния на окружающую среду путем изоляции свалки от грунтовых вод, очистки выбросов мусоросжигательного завода и т.д. Нетрадиционный взгляд на проблему, коротко выражаясь, состоит в том, что гораздо проще контролировать, что попадает на свалку, чем то, что попадает со свалки в окружающую среду. Основа концепции комплексного управления отходами (КУО) состоит в том, что бытовые отходы состоят из различных компонентов, которые не должны в идеале смешиваться между собой, а должны утилизироваться отдельно друг от друга наиболее экономичными и экологически приемлемыми способами.

Основными принципами комплексного подхода являются:

– ТБО состоят из различных компонентов, к которым должны применяться различные подходы;

– комбинация технологий и мероприятий, включая сокращение количества отходов, вторичную переработку и компостирование, захоронение на полигонах и мусоросжигание, должна использоваться для утилизации тех или иных специфических компонент ТБО. Все технологии и мероприятия разрабатываются в комплексе, дополняя друг друга;

– муниципальная система утилизации ТБО должна разрабатываться с учетом конкретных местных проблем и базироваться на местных ресурсах. Местный опыт в утилизации ТБО должен постепенно приобретаться посредством разработки и осуществления небольших программ;

– комплексный подход к переработке отходов базируется на стратегическом долговременном планировании, обеспечивает гибкость, необходимую, для того, чтобы быть способным адаптироваться к будущим изменениям в составе и количестве ТБО и доступности технологий утилизации. Мониторинг и оценка результатов мероприятий должны непрерывно сопровождать разработку и осуществление программ утилизации ТБО;

– участие властей, а также всех групп населения (то есть тех, кто собственно «производит» мусор) – необходимый элемент любой программы по решению проблемы ТБО [13].

Одной из методологических предпосылок научного исследования процесса утилизации и обращения с ТБО является анализ и уточнение содержания основных теоретических понятий и определений. Понятийный аппарат утилизации твердых бытовых отходов находится в стадии разработки, в частности, среди ученых, экологов нет единого мнения о том, какой термин использовать – «утилизация» или «переработка» твердых бытовых отходов.

Твердые бытовые отходы (ТБО) – это, предметы или товары, потерявшие потребительские свойства, наибольшая часть отходов потребления [4, с. 20].

Дискуссионным остается вопрос о терминологии, отражающей характер действий социальных субъектов, направленных на организацию утилизации бытовых отходов. Наиболее частыми понятиями являются: «сохранение природных ресурсов», «сжигание бытовых отходов», «рисайклинг» или «рециклинг», «захоронение», «компостирование», «сбражиивание», «предварительная сортировка», «санитарная земляная засыпка», «биотермическое компостирование», «низкотемпературный пиролиз», «высокотемпературный пиролиз».

Несмотря на то, что понятие «сохранение природных ресурсов» почти всегда увязывалось с проблемой ТБО, его содержание претерпело заметную эволюцию, для одних оно означает до сих пор лишь защиту дикой природы, для других – устойчивое производство полезных материалов из ресурсов планеты. Более общее определение этого термина, получившее в 90-х годах широкое признание, было сформулировано в 1980 г. в докладе «Стратегия по сохранению мира (World Conservation Strategy)» Международного Союза Сохранения природы и природных ресурсов (International Union for Conservation of Nature and Natural Resources) [11]. В докладе предлагается следующее определение: «сохранение природных ресурсов – это такое управление ресурсами биосферы, которое приносит самую большую пользу, в то же время поддерживает потенциал биосферы для удовлетворения потребностей будущих поколений».

Существуют и другие определения «сохранения ресурсов». Так, Вебстерский словарь определяет сохранение ресурсов как «организованное управление природными ресурсами для предотвращения их расточительства и разрушения» [8]. Отсюда следует, что сохранение ресурсов можно трактовать как планируемое управление природными ресурсами, оптимизирующее их полезность. Иными словами, сохранение природных ресурсов подразумевает использование меньшего количества сырья и энергии на протяжении всего жизненного цикла продукции – от ее разработки и производства для дальнейшего использования, возможных повторного использования и восстановления – включая переработку и сжигание.

В соответствии с межгосударственным стандартом ГОСТ 30772-2001 «Ресурсосбережение. Обращение с отходами. Термины и определения» понятие «утилизация» понимается как вид деятельности, связанной с

использованием отходов на этапах их технологического цикла, и (или) обеспечение повторного (вторичного) использования или переработки списанных изделий [5].

В соответствии с бухгалтерским словарем понятие «утилизация отходов» – это использование отходов производства и отходов потребления после соответствующей переработки отходов, которые находят применение в народном хозяйстве в качестве сырья или добавок к сырью как на самом предприятии, где образуются эти отходы, так и за его пределами, а также в качестве удобрений [1].

По мнению А. С. Гринина, понятие «утилизация отходов» является принципиально соотносительным, так как отражает субъект-объектные отношения и потому утрачивает содержание без определения того, к какому объекту оно относится. Утилизация отходов выступает сложным образованием, объединяющим множество различных элементов, что дает возможность говорить о большом количестве отходов и процессов, по отношению к которым «утилизация» выступает родовым понятием [6, с. 45-46].

По мнению Т. С. Лозовой, понятие «утилизация отходов» в общем виде может быть определено как процесс переработки различного рода отходов, а также вовлечение отходов в новые технологические процессы и циклы или использование их в других целях. Она выделила три принципиально различных пути утилизации бытовых отходов: а) организация свалок; б) сжигание отходов; в) вторичное использование отходов. Каждый из путей является абсолютно приемлемым, однако необходим грамотный подход в каждом их трех вариантов [9, с. 21-23].

В РФ нет федерального закона, в котором бы было закреплено понятие «утилизация отходов». С нашей точки зрения, под понятием «утилизация отходов» следует понимать процесс переработки всех видов отходов, ориентированный на повторное использование отходов, с целью ресурсосбережения, а также предотвращения их вредного влияния на окружающую среду и улучшение ее состояния.

Сегодня существует ряд способов хранения и переработки твердых бытовых отходов, а именно: предварительная сортировка; санитарная земляная засыпка; сжигание; биотермическое компостирование; низкотемпературный пиролиз; высокотемпературный пиролиз [12].

Следует отметить, что все используемые в мировой практике способы управления обращением с отходами в той или иной мере имеют определенные недостатки. Поэтому ни один из них не является однозначно приемлемым для решения проблемы обезвреживания ТБО. Следует понимать, что решение проблемы «безопасного» обращения с ТБО невозможно путем простого ужесточения экологических законов, стандартов, внедрения новых методов управления или «активных» технологий обращения с ТБО. Необходим системный подход, под которым понимается совместное рассмотрение экологических, социальных, экономических и технологических задач, связанных с обращением с ТБО. По результатам такого рассмотрения и должен быть

сформирован инфраструктурный комплекс, занимающийся сферой обращения с ТБО.

Несмотря на многообразие подходов к решению проблемы обращения с отходами, общим является подход, согласно которому любая муниципальная система комплексного обращения с отходами должна быть построена таким образом, чтобы обеспечить ее эффективное функционирование (с точки зрения нынешних представлений об эффективном природопользовании). Для этого должна быть выработана система приоритетов, определяющих относительную важность всех элементов системы и задающих алгоритм ее функционирования.

Муниципальная система обращения с отходами – это комплекс взаимосвязанных организационно-правовых, технико-технологических и финансово-экономических механизмов, обеспечивающих эффективную деятельность по обращению с отходами на муниципальном уровне.

Сложность системы обращения с ТБО предопределяет сложную организационную структуру соответствующего инфраструктурного комплекса, при функционировании которого возникает необходимость одновременного достижения нескольких целей, совокупность которых можно рассматривать как общую цель системы. Поскольку эти цели независимы и практически равнозначны, то рассматриваемая система является многоцелевой. Следовательно, ее эффективное управление представляет собой сложнейшую задачу в современной теории и практике управления.

Основными целями такой системы являются:

– обеспечение комфортного проживания населения;
– уменьшение негативного воздействия на окружающую среду;
– оптимизация затрат на деятельность по обращению с ТБО;
– обеспечение финансовой автономности, экономической эффективности и устойчивости работы хозяйствующих субъектов, действующих в сфере обращения с отходами [7].

Составными частями муниципальной системы обращения с отходами являются четыре функционально-структурных блока: административно-правового регулирования; технико-технологического обеспечения; организационно-экономического регулирования и финансового обеспечения (экономическая система управления); обучения и подготовки кадров, информирования общественности.

Важными направлениями муниципальной экологической политики являются формирование экологической культуры населения, экологическое просвещение и информирование, воспитание бережного отношения к природе и рациональному использованию природных ресурсов.

Муниципальная система всеобщего непрерывного и комплексного экологического образования и просвещения определяет следующие основные задачи:

– вовлечение различных социальных групп населения в практическую и просветительскую деятельность для сохранения,

рационального использования природных ресурсов и решения локальных экологических проблем;

– обеспечение населения, органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных организаций достоверной экологической информацией.

Информационная поддержка эколого-просветительских и практических мероприятий позволит создать их положительный имидж и повысит стремление населения к активному участию в мероприятиях экологической направленности.

Подводя итоги, отметим, что критическое состояние сферы обращения с ТБО определяется, главным образом, несовершенством технико-технологических подходов и плохим состоянием инфраструктуры сбора, транспортировки, переработки и размещения отходов. Крайне важно в ближайшее время переориентировать данную сферу деятельности с нераздельного сбора и размещения отходов на необорудованных полигонах на максимально возможное использование отходов и вовлечение их в повторный хозяйственный оборот в виде вторсырья. При этом задачи развития технологий и инфраструктуры являются взаимодополняющими. Изменение технологий сбора и переработки ТБО в соответствии с основными направлениями современной науки является объективной основой для изменения организационно-экономического механизма управления ТБО.

Список литературы

1. Агафонова М. Ю., Азраилян А. Н., Азраилян О. М. Большой бухгалтерский словарь. URL:http://slovo.yaxy.ru/60.html. (дата обращения 12.11.2014).
2. Административная сводка. Стратегия размещения отходов в Лондоне // Науч. и техн. аспекты охраны окруж. среды. 2007. № 1. С. 34-37.
3. Ахметова Г. З. История развития проблемы ТБО // Актуальные методологические и теоретические проблемы в российской науке: сб. науч. тр. Ч.1. 2006. С. 218-225.
4. Бурцева Н. Н. Муниципальные свалки в России: разрешение проблем // Твердые бытовые отходы. 2013. № 1 (79).
5. ГОСТ 30772-2001 Ресурсосбережение. Обращение с отходами. Термины и определения URL:http://www.waste.ru/modules/documents/item.php?itemid=127. (дата обращения: 12.11.2014).
6. Гринин А. С. Промышленные и бытовые отходы: хранение, утилизация, переработка. М., 2005. С. 45-46.
7. Иванов А. В. Обращение с твердыми бытовыми отходами. Организационные, технологические и финансово-экономические аспекты : автореф. дис. … канд. экон. наук. СПб., 2009.
8. Куркин П. Ю. Организация переработки и использования твердых бытовых отходов : опыт США и проблемы России: дис. … канд. экон. наук. М., 2000.
9. Лозовая Т. С. Способы переработки твердых бытовых отходов: обзор. СПб., 2010.
10. Об отходах производства и потребления : федер. закон от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ (ред. от 25.11.2013) // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс». Информ. банк. «Версия Проф». Разд. «Законодательство».
11. Стратегия по сохранению мира (World Conservation Strategy)» Международного Союза Сохранения природы и природных ресурсов (International Union for Conservation

of Nature and Natural Resources. URL:http://www.eclife.ru/laws/inter/1948/01.php (дата обращения 12.11.2014).

12. Твердые бытовые отходы как возобновляемый источник энергии // сб. науч. статей. Кохтла-Ярве, 2010. С. 34-45.

13. Федоров М. А. Разработка организационно-экономического механизма комплексного решения проблем промышленной переработки твердых бытовых отходов (на примере Московской области): автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2012.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПОДДЕРЖКИ МАЛОГО ИННОВАЦИОННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Кирнос А.Л.
студент НИУ «БелГУ»,
Россия, г. Белгород

Шаповал Ж.А.
доцент кафедры социальных технологий НИУ «БелГУ», канд. социол. наук,
Россия, г. Белгород

В статье рассматривается система государственной поддержки малого инновационного предпринимательства на федеральном и региональном уровнях. Определяются особенности и признаки малых инновационных предприятий, их преимущества и недостатки. Описывается инфраструктура и результаты поддержки малых инновационных предприятий в Белгородской области.

Ключевые слова: государственная поддержка, малое инновационное предпринимательство, инновационная инфраструктура, Белгородская область, инновации.

Опыт ведущих стран современного мира со всей очевидностью доказывает необходимость наличия в любой национальной экономике высокоразвитого и эффективного инновационного предпринимательского сектора. Именно за инновациями стоит будущее практически всех существующих сфер современной жизни людей. Инновационное предпринимательство способствует поиску новых идей, технологий и путей развития различных секторов российской экономики, что позволяет говорить о росте конкурентоспособности отечественных предприятий, совершенствовании инновационной инфраструктуры и развитии национальной инновационной системы Российской Федерации [8].

Малое инновационное предпринимательство (далее – МИП) – экономический процесс, который приводит к созданию новых, улучшенных по своим свойствам товаров, а также технологий путём практического использования инноваций, реализуемых предприятиями малого предпринимательства. Несмотря на то, что в инновационной сфере работает лишь около 6% от общего числа работающих в малом предпринимательстве, эту область развития малого бизнеса можно поставить по значимости для развития экономики на одно из первых мест [7].

Признаки малого инновационного предпринимательства:

1) разработка и продвижение на рынки новых продуктов и передовых технологий;

2) высокая доля НИОКР для создания новых конкурентоспособных продуктов и услуг;

3) масштабное влияние инноваций, новых изделий и передовых технологий на прибыль и оборот МИП;

4) высокая доля инвестиций в НИОКР и связанное с ними обновление производства в общей инвестиционной политике МИП;

5) значительная часть научных и инженерно-технических работников в общей численности персонала МИП;

6) значительная доля научного, лабораторного и испытательного оборудования в основных фондах МИП;

7) высокий уровень риска, связанного с осуществлением инновационных проектов [5].

В экономической науке и практике отмечаются следующие отличительные черты и преимущества малой инновационной компании перед крупными предприятиями и фирмами:

во-первых, более высокая эффективность конечных результатов инновационной деятельности и отдача инвестиций;

во-вторых, гибкость и адаптивность к рынку (отсутствует эффект инерции массового производства, свойственного крупным компаниям);

в-третьих, простота и эффективность управления, обусловленные малочисленностью сотрудников и отсутствием громадного управленческого аппарата;

в-четвертых, низкие издержки производства из-за отсутствия больших производственных площадей и многочисленного оборудования.

В то же время, для малой инновационной компании характерен повышенный риск бизнеса, связанный с единичной или малой номенклатурой выпускаемых товаров (когда снижение спроса на один-два вида изделий на рынке ставит компания перед угрозой банкротства), слабой инфраструктурой вновь создаваемого бизнеса, отсутствием производственных резервов (особенно на этапе организации), сложностями вхождения малой фирмы на монополизированные рынки.

Поддержка малого инновационного предпринимательства является одним из важнейших направлений государственной инновационной политики в большинстве индустриально развитых стран, где решением соответствующих вопросов занимаются, как правило, специальные государственные органы. В США – это Администрация по делам малого бизнеса, Национальный научный фонд, НАСА, отраслевые Министерства; в Германии – Министерство экономики, Министерство научных исследований и технологий, Федерация промышленных исследовательских ассоциаций [4].

Российская Федерация обладает мощным инновационным потенциалом для создания системы инновационного предпринимательства. Существующая система его государственной поддержки в нашей стране на сегодняшний день выглядит следующим образом.

Специализированные органы исполнительной власти, осуществляющие поддержку малого предпринимательства, действуют уже более чем в 70 субъектах Российской Федерации. Во всех регионах Российской Федерации организованы фонды поддержки малого предпринимательства, приняты и реализуются региональные программы. Продолжает создаваться сеть объектов инфраструктуры поддержки малого бизнеса – бизнес-центры, бизнес-инкубаторы, инновационно-технологические центры, технопарки и др. В создании объектов инфраструктуры участвуют Российское агентство поддержки малого и среднего бизнеса, Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере, Академия менеджмента и рынка, межрегиональные ассоциации, научные центры.

Существуют следующие формы государственной поддержки малого инновационного предпринимательства:

- предоставление имущества на льготной или безвозмездной основе;
- информационная и экспертная поддержка;
- налоговые льготы;
- льготы по взносам в фонды;
- финансовая и административная поддержка;
- образовательные программы;
- таможенные льготы.

Особенными приоритетами пользуются малые инновационные предприятия, созданные при поддержке или на базе высших учебных заведениях.

На основе постоянных отчислений государственных средств организован ряд фондов, деятельность которых ориентирована на финансовую помощь малому инновационному предпринимательству: Фонд технологического развития, Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере.

Особое значение для системы государственной поддержки инноваций имеют меры, предпринимаемые на региональном уровне. Так, Стратегией социально-экономического развития Белгородской области на период до 2025 года предусматривается ускоренное совершенствование как традиционных, так и высокотехнологичных секторов экономики в целях обеспечения устойчивого инновационного социально ориентированного развития [2].

В целях развития и эффективного использования научно-исследовательского потенциала Правительством области осуществляются мероприятия, направленные поддержку кооперации вузов с промышленностью и стимулирование создания малых инновационных компаний с участием университетов.

Для обеспечения совместной деятельности ведущих научных и образовательных учреждений, стимулирования спроса на инновационную продукцию развиваются элементы региональной инновационной инфраструктуры, выполняющие функцию обеспечения и поддержки инновационных предприятий на разных этапах инновационного процесса.

Субъектами государственной поддержки малого инновационного предпринимательства в Белгородской области являются Правительство Бел-

городской области, департаменты экономического развития, финансов и бюджетной политики, гарантийный фонд содействия кредитованию малого и среднего предпринимательства, областной фонд поддержки малого и среднего предпринимательства; Белгородский региональный ресурсный инновационный центр.

В настоящее время с участием вузов Белгородской области – НИУ «БелГУ», БГТУ им. В.Г. Шухова, БелСХА и Правительства области действуют 5 бизнес-инкубаторов (включая виртуальный бизнес-инкубатор), 2 инновационно-технологических центра, 4 центра коллективного пользования научным оборудованием, центр трансфера технологий, 3 университетских технопарка, промышленный парк «Северный», ОАО «Корпорация «Развитие», созданы фонды развития Белгородской интеллектуально-инновационной системы и смешанных инвестиций с участием бюджетных и внебюджетных средств, гарантийный фонд.

В рамках реализации совместных проектов Минэкономразвития Российской Федерации и Правительства Белгородской области ОГБУ «Белгородский региональный ресурсный инновационный центр» оказывает различные виды государственной поддержки малого и среднего инновационного предпринимательства, включая имущественную, финансовую, консалтинговую, образовательную, инжиниринговую.

В 2002-2006 годах в Белгородской области принят ряд нормативных актов, регулирующих совершенствование инновационной сферы и направленных на построение региональной инновационной системы (РИС).

Основополагающим документом в сфере инноваций и государственной поддержки малых инновационных предприятий является областной Закон «Об инновационной политике на территории Белгородской области». Закон регулирует правовые и экономические отношения между субъектами инновационной деятельности, определяет основы формирования и реализации государственной (областной) инновационной политики, направленной на ускорение развития и повышение конкурентоспособности экономики Белгородской области [1].

На региональном уровне принят ряд подзаконных нормативных правовых актов, определяющих организационные, правовые, экономические условия и гарантии инновационной деятельности и предусматривающих снижение налоговой нагрузки на инновационный бизнес по отдельным видам налогов. Таким образом, в Белгородской области, с точки зрения законодательного обеспечения, созданы благоприятные условия для поддержки и развития малого предпринимательства. Ежегодно в областном бюджете предусматривается до 20 млн. рублей на реализацию инновационных проектов по организации производств социально-значимой продукции, разработке и внедрению прогрессивных технологий, созданию новых рабочих мест.

Следует отметить, что к концу 2012 года в Белгородской области 15 организаций выполняли научные исследования и разработки. Их число за период с 2000 года сократилось в 2 раза, в основном за счет полного исчезновения

конструкторских, технологических организаций, уменьшения числа проектных и проектно-изыскательских и научно-исследовательских организаций.

В настоящее время по данным департамента экономического развития Белгородской области, в регионе существуют 159 субъектов, использующих инновационные технологии или производящих их. Их существенный рост пришёл на 2013 год, тогда их количество увеличилось на 36%. Существующим и образованным недавно предприятиям было выделено 180 млн. рублей государственной поддержки.

На базе высших учебных заведений действует 114 малых инновационных предприятий, из которых 31 – заключило с вузами договор о совместной деятельности в целях научно-технического сотрудничества, 5 предприятий осуществляют свою деятельность в соответствии с Федеральным законом от 3 ноября 2006 года № 174-ФЗ «Об автономных учреждениях», а 78 предприятий созданы в соответствии с Федеральным законом от 2 августа 2009 года № 217-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности». Эти субъекты малого инновационного предпринимательства не только ежегодно получают государственную поддержку, но и финансируются за счёт высших учебных заведений.

В Белгородской области есть немало успешных инновационных фирм, занимающихся научно-технической деятельностью, наиболее известные их них – ЗАО «ВладМиВа», ЗАО «Квил», ООО «Экохим-2000».

Государственный Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере в период 2003-2014 гг. инвестировал более 20,0 млн. рублей в инновационную сферу Белгородской области. Из общего количества направленных на рассмотрение конкурсной комиссии Фонда содействия научно-технических проектов малых инновационных предприятий Белгородской области около 50% получили финансовую поддержку из федерального бюджета.

За 2011-2014 гг. на поддержку и совершенствование инноваций Белгородской области государство выделило 166 млн. рублей, а затраты на внутренние фундаментальные исследования, по данным Белгородстата, составили 1,3 млрд. рублей по итогам 2014 года.

В Белгородской области количество предприятий, осуществляющих технологические инновации, в 2014 году увеличилось на 20% по сравнению с 2013 годом. Их доля в общей структуре организаций всех форм собственности составила 9,4%. Доминирующая роль в организационной структуре инновационных предприятий по-прежнему принадлежит научно-исследовательским организациям, выполнявшим исследования и разработки – их удельный вес в 2014 году составил 47%. На долю промышленных предприятий приходится всего 3,7%.

Обеспечение правового регулирования и защита интересов субъектов инновационной деятельности является приоритетным направлением регио-

нальной политики Белгородской области в сфере инноваций. Если сравнивать динамику выдачи патентов, то можно отметить, что в 2014 году количество удовлетворенных патентных заявок составило 267. Это на 13% выше аналогичного показателя 2012 года. Из них основную долю образуют патенты на изобретения – 152, на полезные модели – 106 и на промышленные образцы приходится 9 патентов. Однако число созданных передовых технологий сократилось с 19 в 2012 году до 11 в 2014 году.

В результате вышесказанного, объем инновационной части реализованной продукции области по итогам 2014 года составил 21,6 млрд. руб., затраты на инновации (технологические, маркетинговые и организационные) сложились в сумме 1,6 млрд. руб. Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме экспорта области составляет 8,62% [3].

Несмотря на отмеченные позитивные результаты, в сфере малого инновационного бизнеса сохраняется ряд проблем, в числе которых: достаточно высокие риски ведения предпринимательской деятельности; наличие административных барьеров; снижение доли кредитных организаций в структуре источников финансирования инвестиций; недостаточная интеграция образования, науки и бизнеса; низкий уровень расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки и обновление основных производственных фондов предприятий; низкий уровень развития рынка интеллектуальной собственности и культуры работы с интеллектуальной собственностью.

Перечисленные проблемы, на наш взгляд, являются наиболее глобальными и становятся зачастую непростым барьером для молодых предпринимателей. Ряд ведущих европейских стран уже десятилетия назад успешно решил существующие проблемы, и количество малых инновационных предприятий и их разработок при высших учебных заведениях в несколько раз превышает количество и качество наших разработок.

Список литературы

1. Об инновационной деятельности и инновационной политике на территории Белгородской области [Электронный ресурс] : Закон Белгородской области от 1 октября 2009 года № 296 108 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». Информ. банк. «Версия Проф». Разд. «Законодательство».

2. О стратегии социально-экономического развития Белгородской области до 2025 года [Электронный ресурс] : Постановление правительства Белгородской области от 25 января 2010 г. № 27-пп // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». Информ. банк. «Версия Проф». Разд. «Законодательство».

3. Об утверждении государственной программы Белгородской области «Развитие экономического потенциала и формирование благоприятного предпринимательского климата в Белгородской области на 2014 – 2020 годы» от 16 декабря 2013 года N 522-пп // Российская газета. – 2014. – 1 декабря.

4. Инновационная деятельность и научно-технологическое развитие: учеб. пособие; под ред. Н.К. Толочко. – Мн.: Изд. центр БГУ,– 151 с.

5. Вознюк, В.Н. Управление процессом развития инновационной деятельности на малых предприятиях : диссертация ... кандидата экономических наук : 08.00.05. Новочеркасск, 2006. 204 с.

6. Кравцов, О.А. Совершенствование методов оценки и механизма снижения рисков при инновационном проектировании : диссертация ... кандидата экономических наук : 08.00.05. Ярославль, 2005. 171 с.

7. Мартов, С.Н. Разработка информационной инфраструктуры для деятельности малых инновационных предприятий в образовательных учреждениях высшего профессионального образования : диссертация ... кандидата экономических наук : 08.00.05. Орел, 2013. 231 с.

8. Мартынов, А.А. Развитие методов государственной поддержки инновационного предпринимательства : диссертация ... кандидата экономических наук : 08.00.05. Москва, 2008. 172 с.

ПРОТИВОРЕЧИЯ В СОДЕРЖАНИИ И ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ С СЕМЬЕЙ

Мустаева Ф.А.
профессор кафедры социальной работы и психолого-педагогического образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова, д-р социол. наук, профессор,
Россия, г. Магнитогорск

В статье подчеркивается сложность социальной работы с семьей, выражающаяся в противоречивом характере этой работы. Содержание и организация социальной работы с семьей должны строиться на научной основе, с учетом типологических особенностей семьи. Приводятся результаты проведенного автором социологического исследования.

Ключевые слова: семья, социальная работа с семьей, социальная поддержка, социальный патронаж, учреждение социальной службы, противоречия.

Социальную работу с семьей мы определяем как часть семейной политики, направленной на оказание социальной помощи семье, социальную поддержку и социальную защиту всех типов семей [3, с. 40]. Однако, в современных условиях, к сожалению, наблюдается противоречие между несколько декларативным характером государственной семейной политики, не в полной мере учитывающей перманентные трансформации в жизни семьи и рассчитанной на оказание ей временной помощи, и реальной социальной ситуацией, в которой оказалось значительное большинство российских семей, нуждающихся в помощи и поддержке со стороны государства и общества.

Исследуя проблему социальной работы с семьей, назовем актуальный на сегодня вопрос, который активно дискутируется учеными: можно ли теорию социальной работы считать наукой? С точки зрения В.А. Никитина, в отечественной науке сложилась потенциально сильная группа исследователей теории социальной работы, вместе с тем «необходимо решительно и скорее переходить от нынешних первичных теоретических схем, опирающихся преимущественно на эмпирический опыт, к уровню развитой научной теории» [4, с. 16]. Другими словами, можно говорить о противоречии между прикладным и фундаментальным характером исследований в области социальной работы с семьей.

Еще одним является противоречие между теорией и практикой социальной работы с семьей. Как известно, в зарубежных исследованиях достигнуты значительные успехи в плане методологии и методики социальной работы с семьей. Вместе с тем, как отмечает канадский профессор П. Леонард [6, с. 4], практикующим социальным работникам будущее социальной работы представляется неопределенным, они вынуждены задумываться о будущем благополучии общества в целом и семьи в частности, пытаясь при этом определить свое место в этом благополучии.

Так сложилось и в отечественной, и зарубежной практике социальной работы, что чаще всего объектом внимания специалистов становятся семьи, имеющие проблемы. Именно поэтому объектом социальной работы, как правило, считаются семьи малообеспеченные, нуждающиеся в материальной поддержке, неблагополучные и др. Мы придерживаемся мнения, что социальная работа с семьей – понятие широкое, предполагающее оказание не только материальной помощи, но и моральной поддержки, юридической, психолого-педагогической и других видов помощи различным типам семей и в различных вопросах их жизнедеятельности, и в этом смысле они все являются объектом социальной работы.

Однако, российская семья может столкнуться с таким противоречием: при наличии большого количества субъектов социальной работы семья может не владеть информацией об их существовании, содержании и направлениях деятельности. Другими словами, зачастую семья не знает, куда и к кому можно обратиться за помощью и поддержкой по конкретному вопросу.

Многоаспектная деятельность субъектов социальной работы с семьей порождает множество противоречий, влияющих на содержание и эффективность работы с семьей. И, прежде всего, это противоречия между самими субъектами социальной работы, например:

– Министерство труда и социальной защиты РФ принимает постановления в области социального обслуживания и социальной защиты семьи, а исполнительные органы управления социальной работой на региональном или местном уровне не всегда выполняют их в должном объеме и с учетом потребностей семей региона;

– учреждения социальной службы не всегда взаимодействуют друг с другом, иногда дублируют работу, могут быть не информированы об инновационных методах работы других учреждений;

– государственные учреждения социальной службы недостаточно или совсем не взаимодействуют с администрациями и социальными службами предприятий, общественными, благотворительными организациями [1, с. 227].

В ряде регионов достаточно часто проявляется противоречие между содержанием деятельности учреждений социальной службы и потребностями конкретных семей населенного пункта или региона. Другими словами, деятельность ряда учреждений строится без учета особенностей различных типов семей, уровня их материальной обеспеченности и т.д.

Еще одно противоречие: между современными требованиями к содер-

жанию и методике социальной работы с семьей и компетентностью, профессионализмом специалистов, работающих в социальной сфере.

Проведенный нами анализ тенденций развития и функционирования учреждений социальной службы выявил следующее противоречие в содержании и организации социальной работы с семьей: несмотря на активное развитие сети разнопрофильных учреждений социального обслуживания семьи, открытия отделений по работе с семьей на базе имеющихся центров социальной защиты населения, все же сегодня в России имеется большой процент семей, нуждающихся в социальных услугах, но не охваченных ими.

Чтобы социальная работа могла охватить своим вниманием как можно больше нуждающихся в социальных услугах семей, носила не временный, спонтанный, а систематический характер, в последние годы в социальной работе с семьей все чаще стал использоваться социальный патронаж. Однако, использование в социальной работе с семьей данной технологии сопряжено с возможностью проявления ряда противоречий:

– не любая семья (особенно относящаяся к группе риска и тем самым в первую очередь нуждающаяся в социальной защите) желает, чтобы ее патронировали, чтобы посторонние люди вмешивались в жизнь семьи;

– чтобы быть эффективной социальной технологией, социальный патронаж должен носить систематический характер, на практике же эта систематичность зачастую нарушается;

– социальный патронаж – достаточно сложная технология социальной работы, требующая от специалиста знаний, умений и опыта в области разработки патронажной программы с учетом особенностей конкретной семьи, что удается не любому специалисту.

Выявленные нами противоречия в использовании социального патронажа приводят к тому, что в деятельности большинства учреждений социальной службы применение данной технологии не стало часть системы, а носит чаще всего спонтанный, нецеленаправленный характер, что, естественно, не лучшим образом сказывается на эффективности социальной работы с семьей [1, с. 231].

В эпоху перемен, особенно в сложных социально-экономических условиях актуализируются социальные проблемы семьи. Отсюда, возрастает субъектная роль социальной работы, и семья в этих условиях нуждается в усиленном внимании со стороны как отдельных учреждений социальной службы, так и в целом государства и общества. Это подтверждается результатами проведенного нами социологического исследования, направленного на определение степени влияния финансово-экономического кризиса на жизнедеятельность современной семьи [2]. 60,8 % респондентов высказались в пользу того, что государство должно помогать семье в решении ее проблем. Среди этих респондентов есть семьи, которые рассчитывают на помощь со стороны государства, не предпринимая со своей стороны особых усилий для улучшения материального положения своей семьи; есть и такие семьи, которые готовы сами работать и материально обеспечивать семью, но нуждаются в помощи, например, с трудоустройством взрослых членов семьи или с определением детей в образовательные учреждения.

Проведенное исследование позволило заключить, что финансово-экономический кризис повлиял на российскую семью по-разному: наряду с семьями, которые стали жить хуже (52,8 %), есть и такие, которые, наоборот, стали жить лучше (таких среди наших респондентов оказалось 1,3 %). Налицо противоречие между негативными социальными явлениями как следствием кризиса и наличием группы семей, жизнь которых не изменилась под влиянием негативных социальных явлений или изменилась, наоборот, в лучшую сторону.

В ходе исследования мы пришли к важному выводу: социальная работа с семьей не может проводиться с использованием тех же методов и технологий, что и до кризиса. В условиях экономических потрясений содержание социальной работы, на наш взгляд, должно измениться в сторону усиления помощи семье в поиске собственных резервов при решении возникающих проблем.

Анализ практической деятельности учреждений социальной службы в условиях финансово-экономического кризиса позволил нам выявить следующие противоречия социальной работы с семьей:

– увеличилось количество семей, нуждающихся в социальной поддержке и защите, в социальных услугах со стороны учреждений социальной службы (прежде всего неполные, семьи с детьми-инвалидами, многодетные, малообеспеченные семей и др.), но больше таких учреждений не стало;

– социальные проблемы семьи претерпели определенные изменения (связанные с занятостью и трудоустройством членов семьи, возможностями решения проблем образования детей и др.), а формы оказания социальной помощи семье в деятельности учреждений социального обслуживания семьи существенно не изменились.

Результаты проведенного социологического исследования подтверждают тот факт, что в условиях экономических потрясений, когда обостряются проблемы семьи и становится все больше семей, нуждающихся в социальной поддержке и защите, актуализируется проблема изменения содержания и форм социальной работы с семьей. С учетом тех проблем семьи, которые выявлены в ходе нашего и других социологических исследований, основное внимание в содержании социальной работы следует направить на то, чтобы помочь семье выжить в сложных социально-экономических условиях с наименьшими для себя затратами и потерями.

Так как мы придерживаемся мнения, что объектом социальной работы являются все семьи, нуждающиеся в помощи, то мы не согласны с бытующей и широко распространенной точкой зрения, что в социальной поддержке нуждаются только семьи малообеспеченные, неполные, многодетные, имеющие детей-инвалидов и другие категории, определенные в Национальном Стандарте Российской Федерации [5, с. 74]. В социальных услугах нуждаются сегодня все семьи, в том числе благополучные. Вместе с тем, в силу существующего противоречия (связанного с тем, что потенциал социальной службы, как правило, не позволяет организовать социальную работу со всеми

семьями), а также в силу того, что часть семей не обращается за помощью в учреждения социальной службы, на практике получается, что объектом социальной работы становятся именно те семьи, которые сами не в состоянии справиться с возникающими в их жизни кризисами и проблемными ситуациями или справляются с ними лишь с большим и чрезмерным напряжением.

В свете вышеизложенного, социальная работа по своему содержанию должна быть направлена не на некую реально не существующую «среднюю семью», относительно которой можно делать лишь абстрактные, неопределенные предположения о тех социальных проблемах, с которыми она может сталкиваться, а только на конкретные семьи, находящиеся на определенной стадии жизненного цикла и испытывающие те или иные нормативные или ненормативные кризисы и стрессы.

Основное противоречие, к которому мы приходим в качестве главного вывода по проблеме исследования, заключается в следующем: социальная работа призвана оказывать социальную помощь и поддержку нуждающимся в этом семьям, однако, в силу ограниченности своих ресурсов она не в состоянии обеспечить эту социальную помощь и поддержку на должном высоком уровне. По итогам проведенного исследования мы приходим к выводу о целесообразности изменения назначения социальной работы в современном обществе, а именно: основной целью социальной работы должно стать стимулирование семьи, нуждающейся в социальной помощи и поддержке, в самореализации своих возможностей, в поиске внутренних резервов, в постепенном переходе семьи к самоопределению во всех сферах жизнедеятельности.

Список литературы

1. Мустаева, Ф.А. Самоопределение семьи в условиях трансформации российского общества [Текст] : дис. ... д-ра социол. наук / Ф.А. Мустаева. – Екатеринбург, 2012. – 318 с.

2. Мустаева, Ф.А. Семья в условиях финансово-экономического кризиса [Текст] / Ф.А. Мустаева // Социологические исследования. – 2010. – № 7 (315). – С. 66-68.

3. Мустаева, Ф.А. Семья и дети как объект социальной работы : монография [Текст] / Ф.А. Мустаева. – Магнитогорск : МаГУ, 2009. – 310 с.

4. Никитин, В.А. Некоторые проблемы разработки концептуальных основ теории социальной работы : сборник научных статей [Текст] / В.А. Никитин. – М.: АНО «СОТИС», 2008. – 144 с.

5. Российская Федерация. Национальный стандарт РФ. ГОСТ Р 52885-2007. Социальное обслуживание населения. Социальные услуги семье [Текст] // Социальное обслуживание. – 2009. – № 3. – С. 73-82.

6. Work. Economy. Welfare: Professional Social Work Promoting Human Society for All: IFSW European Seminar. Book of Abstracts [Text]. – Helsinki, Finland, 1999.

СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ МОДЕРНИЗАЦИЙ В ОБЩЕСТВЕ

Сизиков В.П.
доцент кафедры высшей математики Омского государственного университета путей сообщения, канд. техн. наук, доцент,
Россия, г. Омск

Разумов В.И.
заведующий кафедрой философии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, доктор филос. наук, профессор,
Россия, г. Омск

С привлечением системной методологии в ранге ДИС-технологии осуществлён системный анализ модернизаций в обществе. На примере модели в ранге когнитивной ячейки, описывающей турбулентность, выявлены базовые особенности в проявлении модернизаций в обществе (бюрократизация, демократизация, индустриализация, секуляризация) и возможности их сбалансированности.

Ключевые слова: бюрократизация, демократизация, ДИС-технология, индустриализация, контрмера, модернизации, режим, секуляризация, турбулентность.

Введение. Данная работа является продолжением [1–3] апробаций ДИС-технологии, которой присущи одновременно качества системной методологии, языка программирования на уровне оболочки экспертных систем и аппарата имитационного моделирования. ДИС-технология позволяет быстро получать на качественном уровне то, что обычно требует долгих исследований, проведения затратных и экологически вредных экспериментов. В данной работе это демонстрируется на примере анализа модернизаций в обществе.

При моделировании процессов в обществе их тонкая и богатая природа не дополняется выявлением оснований методов моделирования. Более того, на настоящее время отсутствуют даже основания к построению социальной теории и теории общества. Традиционные модели не позволяют давать надёжные прогнозы для процессов в обществе. Обусловлено это недооценкой онтологической обоснованности моделей и теорий. Для того чтобы эффективно применять математическую модель или физическую теорию к изучению процессов в обществе необходимо, чтобы в их основании лежала выявленная общая природа. На таких исходных принципах разворачивается теория динамических информационных систем (ДИС, ТДИС) и её приложения, в том числе, ДИС-технология.

Поэтому предлагается использовать потенциал ДИС-технологии, в частности, полученные результаты по изучению феноменов турбулентности [2]. На учёт берутся выделенные Р. Коллинзом процессы модернизации: бюрократизация (Б*), демократизация (Д*), индустриализация (И*), секуляризация (С*) [4, С. 264–293].

Общий мониторинг турбулентности. Согласно [2], имеем три вершины v_0, v_1, v_2, представляющие модель исходной системы G в ранге триады с кругооборотом в ней ресурса по циклу $v_0 \to v_1 \to v_2 \to v_0$. К ним добавляется вершина v_3 с дополнительно возможным кругооборотом ресурса по циклу $v_0 \to v_3 \to v_2 \to v_0$ в триаде U из вершин v_0, v_3, v_2. В целом получается модель более широкой системы H в ранге когнитивной ячейки. При этом подсистема U организует внешнее управление турбулентной подсистемой G в H.

Для запуска процесса информационного функционирования (ПИФ) у ячейки H задаётся некоторое распределение активов r_i и пассивов q_i по вершинам v_i, уровни трансформации λ_i пассива в актив в v_i и относительные проводимости $f_c(v_j,v_i)$, $f_d(v_i,v_j)$ контролирующего и ведущего ребра, проводящих ресурс от v_i к v_j (i,j=0,1,2,3). Общий объём ресурса в ячейке принимается за 1 – условную единицу, и используются формулы: $f_d(v_i,v_j)=a_{ij}(r_j+q_j)$, $f_c(v_j,v_i)=b_{ij}(r_j+q_j)$, $0 \le a_{ij}=(a_i a_j)^{0,5} \le 1$, $0 \le b_{ij}=(b_i b_j)^{0,5} \le 1$ – постоянные взаимодействия, $0 \le a_i \le 1$, $0 \le b_i \le 1$ – постоянные мотиваций взаимодействия, свои в каждой v_i (i,j=0,1,2,3). Все a_i, b_i и $0 \le \lambda_i \le 1$ считаются неизменными в конкретном ПИФ. Таким образом, имеется 12 свободных параметров λ_i, a_i, b_i (i=0,1,2,3), и важно определяться, как от их значений зависит режим ПИФ ячейки H и каковы его особенности на триаде G.

Ограничимся вариантами, когда среда подобна однородному по природе материалу, для чего считаем одинаковыми все a_i, обозначая их через a, и все b_i, обозначая их через b (i=0,1,2,3). Так что окажется $a_{ij}=a$ и $b_{ij}=b$ (i,j=0,1,2,3). С учётом этого определяется минимальная серия экспериментов, для которых приводятся графики ПИФ: $a=b$=0,5 и, соответственно: $\lambda_0=\lambda_1=\lambda_2$=0,3, λ_3=0,1 (рис. 1 слева); $\lambda_0=\lambda_1=\lambda_2$=0,05, λ_3=0,85 (рис. 1 справа); λ_0=0,08, λ_1=0,6, λ_2=0,22, λ_3=0,1 (рис. 2 слева); λ_0=0,03, λ_1=0,3, λ_2=0,07, λ_3=0,6 (рис. 2 справа); λ_0=0,22, λ_1=0,08, λ_2=0,6, λ_3=0,1 (рис. 3 слева); λ_0=0,07, λ_1=0,03, λ_2=0,3, λ_3=0,6 (рис. 3 справа); λ_0=0,6, λ_1=0,08, λ_2=0,22, λ_3=0,1 (рис. 4 слева); λ_0=0,3, λ_1=0,03, λ_2=0,07, λ_3=0,6 (рис. 4 справа); $\lambda_0=\lambda_1=\lambda_2$=0,3, λ_3=0,1, но a=0,5, b=0,01 (рис. 5 слева) и a=0,01, b=0,5 (рис. 5 справа). В отличие от вариантов в [2] теперь при модернизациях в обществе актуальным принято условие $\lambda_0+\lambda_1+\lambda_2+\lambda_3=1$.

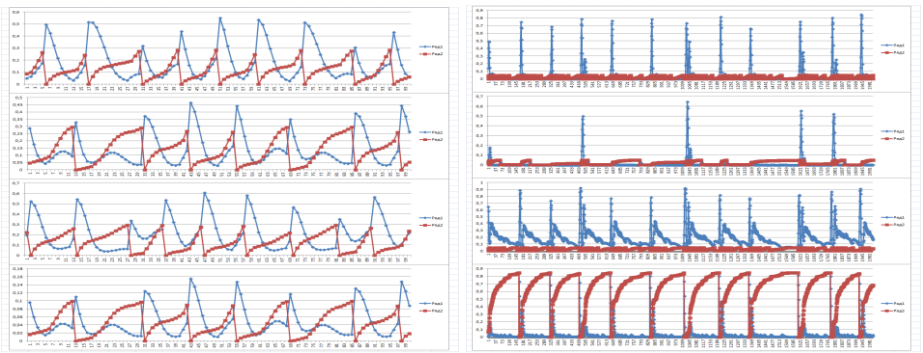

Рис. 1. Случаи умеренного (слева) и мощного (справа) управления

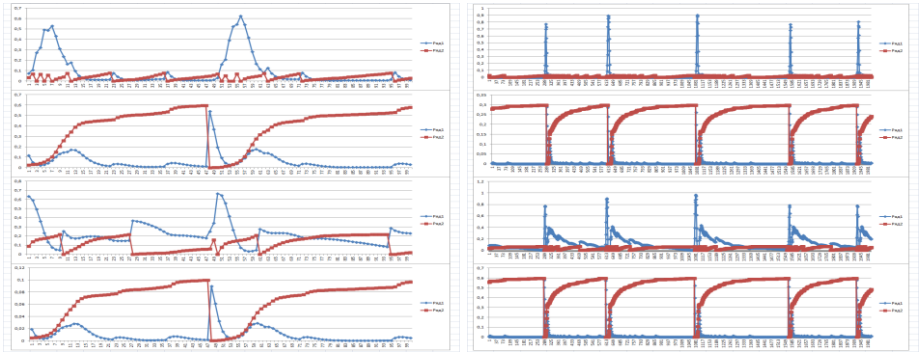

Рис. 2. Случаи избытка тормозов в недоступном прямому управлению (слабому – слева и сильному – справа) элементе в G

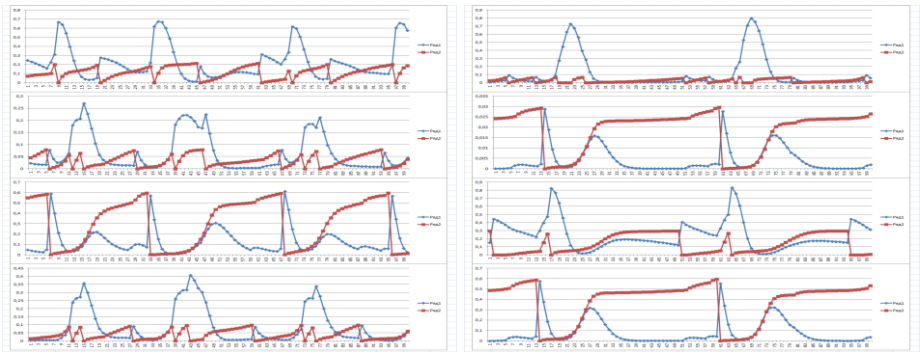

Рис. 3. Случаи избытка тормозов в доступном прямому управлению (слабому – слева и сильному – справа) элементе в G

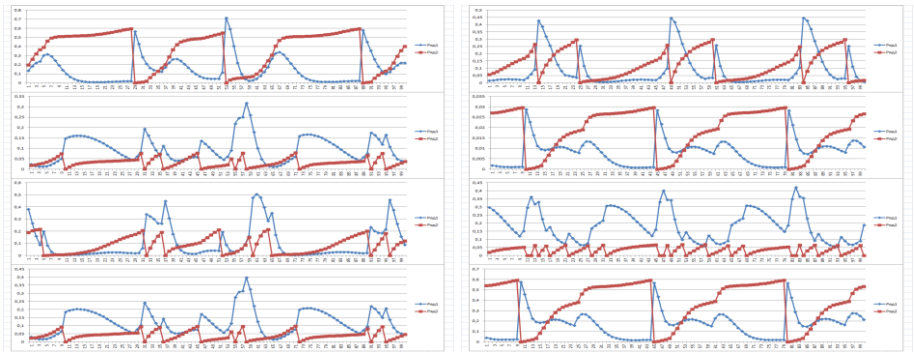

Рис. 4. Случаи избытка тормозов в доступном наблюдению при управлении (слабом – слева и сильном – справа) элементе в G

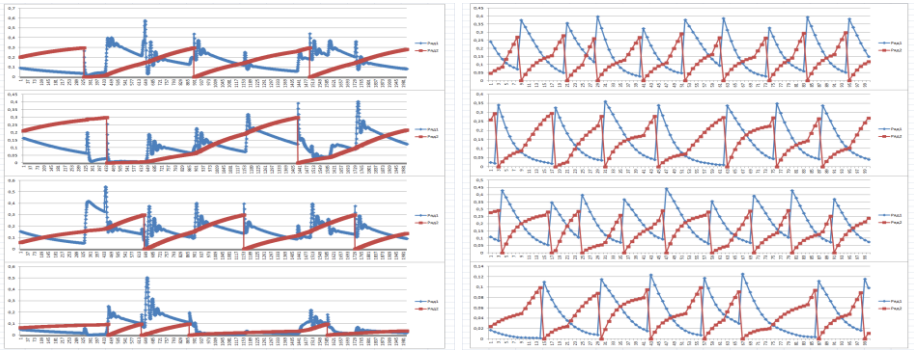

Рис. 5. Случаи ослабленной (слева) и усиленной (справа) работы пассива в системе

В приведённых вариантах подсистема U управляет подсистемой G через изменение величины λ_3. При этом наблюдаются вершины триады U, но никак не v_1. Можно через v_3 управлять и изменением объёма ресурса в систе-

ме, т.е. условной единицы, но это не приносит новых качеств к избранным вариантам.

Модернизации в обществе в ракурсе турбулентности. Осуществим интерпретации базовых по турбулентности режимов для случая, когда ячейка *H* отражает модернизации в обществе, и в ней вершины v_0, v_1, v_2, v_3 представляют, соответственно, Д*, С*, И*, Б* [4]. При этом Д*, С*, И* задают основу *G* социального развития, а Б* контролирует и регулирует этот факт.

Сразу обратим внимание, что на большинстве рисунков поведение ПИФ в вершинах v_1 и v_3 (вторая и четвёртая полосы, считая сверху) практически копируют друг друга, отличаясь, в главном, лишь амплитудой. Это чётко имеет место на левом рисунке 1, правом рисунке 3 и на обоих рисунках 2 и 4. Так, по теореме 1.4 из [5] в значительной части случаев ПИФ ячейки ведёт себя как ПИФ триады, получаемой объединением вершин v_1 и v_3 в одну. В переводе на модернизации в обществе получается, что С* часто повторяет поведение Б*, и это делает, по сути, возможным прямое управление социальным развитием со стороны Б*. Однако много чаще копии нет, а качественное сходство есть.

На рисунках 1 вершины в *G* равноправны. На левом рисунке 1 влияние от v_3 невелико, в ПИФ явно преобладает проявление актива (ряд 1) над пассивом (ряд 2), т.е. имеет место режим гравитации [2–3]. Однако при этом нет качества строгой циклической посменности пиков ресурса в вершинах триады *G*, каково характерно для режима гравитации. На каких-то этапах строгая посменность прослеживается, но через некоторое время порядок пиков меняется. Эта перемена порядка и есть проявление турбулентности у *G* в *H*. Вместе v_1, v_3 дают $\lambda_1+\lambda_3>\lambda_0=\lambda_2$, оттого и трансформации в v_1, v_3 происходят реже, чем в v_0, v_2. Таким образом, даже малое влияние Б* ведёт к хаосу в социальном развитии.

На правом рисунке 1 влияние от v_3, наоборот, очень велико, в ПИФ явно преобладает проявление пассива над активом в триаде *U*, т.е. в ней имеет место режим электромагнетизма [1–3], при котором v_3 играет роль положительного полюса электрического диполя, v_0 – отрицательного, а v_2 оказывается в роли магнитной среды как проводника электрического взаимодействия. Теперь наряду с тем, что *G* проявляет турбулентность, в *U* могут регулярно поступать молнии из v_0 в v_3. Обратим внимание, что электромагнетизма и молний нет в *G*, видимо, этому мешает равноправность её вершин. Поведение ПИФ в v_1 теперь не копирует таковое от v_3. В переводе на модернизации в обществе теперь оказывается, что, имея избыток власти, Б* теряет умение здраво управлять, многого требует для поддержки И*, за что получает контрмеры со стороны Д*.

Рисунки 2–4 дают варианты, когда равноправие в *G* нарушено. Главным властителем в *G* на рисунках 2 является вершина v_1, не входящая в *U*. Здесь пара v_1, v_3 едина и властна как никогда, так что на обоих рисунках в обеих триадах *G*, *U* ПИФ проявляется в режиме электромагнетизма, при этом роль положительных полюсов электрических диполей играют v_1 в *G* и v_3 в *U*, v_0 – отрицательный полюс, а v_2 – магнитная среда сразу у обоих диполей.

В частности, регулярно могут поступать молнии из v_0 сразу в v_1 и v_3. В переводе на модернизации в обществе оказывается, что избыток власти у С* ведёт к уменьшению средних показаний И*, за что сразу Б* и С* получают контрмеры со стороны Д*.

Главным властителем в G на рисунках 3 является вершина v_2, в которую U напрямую подаёт управляющие воздействия. На левом рисунке 3 управление слабо, и v_2 оказывается властной во всей системе H. Здесь тоже имеем сразу два электрических диполя, у них v_2 играет роль общего положительного полюса, v_1, v_3 – отрицательных полюсов, а v_0 – роль магнитной среды. Теперь молнии будут поступать регулярно в v_2, соответственно, из v_1 в G и v_3 в U, т.е. и управляющие воздействия могут представать как удары молний. От заботы о молниях поведение ПИФ в v_1, v_3 складывается не вполне согласованно. В переводе на модернизации в обществе оказывается, что общий избыток власти у И* привносит трудности в управление социальным развитием, за что И* получает контрмеры сразу со стороны Б* и С*.

А на правом рисунке 3 управление велико, и складывающаяся ситуация во многом повторяет ту, что уже была на левом рисунке 2, как бы поменяв местами v_1 и v_3. Хотя $\lambda_1<\lambda_2$, именно v_1 в G за счёт поддержки v_3 из U выступает в роли положительного полюса электрического диполя, а не v_2. В переводе на модернизации в обществе оказывается, что при властности И* в социальном развитии, но с уступчивостью управлению со стороны Б*, всё равно Б* и С* получают контрмеры со стороны Д* даже при относительно больших средних показаниях у И*, т.е. при мощной И* нет потребности в ещё более мощной Б*.

Главным властителем в G на рисунках 4 является вершина v_0, из которой U напрямую берёт наблюдения. Это уже не мешает единству и согласованности пары v_1, v_3. На левом рисунке 4 управление слабо. И здесь имеем сдвоенный электрический диполь, у которого v_0 выступает в роли положительного полюса, v_2 – отрицательного, а v_1, v_3 – в роли магнитной среды. Это, по сути, самый надёжный и безопасный вариант управления турбулентностью, и молнии здесь возможны лишь из v_2 в v_0. В переводе на модернизации в обществе теперь оказывается, что, имея общий избыток власти, Д* не оставляет шансов для развития И*, за что и получает ответные контрмеры со стороны И*.

А на правом рисунке 4 управление велико, и складывающаяся ситуация во многом повторяет ту, что уже была на правом рисунке 3, а также левом рисунке 2. В переводе на модернизации в обществе теперь оказывается, что при властности Д* в социальном развитии, но с уступчивостью управлению со стороны Б*, Б* и С* просто вынуждены получать контрмеры со стороны Д*, так как рост властности Б* может только уменьшить средние показания у И*.

Для качественных перемен режима ПИФ решающее значение имеет лишь отношение a/b. И на рисунке 5 представлены два случая: с $a/b>1$ и с $a/b<1$. Так, рост отношения a/b приводит сначала к хаосу амплитуд и периодов, а затем и вовсе к режиму сотрясения (левый рисунок 5) с испусканием затухающих волн при каждой трансформации пассива в актив, причём зату-

хание длится тем дольше, чем больше *a/b*. И это при слабом управлении. При сильном управлении аналогичное будет в русле электромагнетизма, доходя до испускания электромагнитных волн. Другими словами, при превосходстве потребления над производством функционирование системы сопровождается фрустрациями с последующим их нивелированием, и никакие модернизации не в силах избавить от таких сотрясений.

А с уменьшением *a/b* поведение актива в каждой вершине всё больше обретает тенденцию постоянно убывать, пока не настанет момент трансформации в ней пассива в актив, как оно представлено на правом рисунке 5. При этом характер поведения режима ПИФ остаётся, в главном, таким же, как и при *a/b*=1. В частности, при сильном управлении будет проявляться электромагнетизм, и тоже с тенденцией на постоянное убывание величины актива. Другими словами, при преобладании производства над потребностями функционирование системы становится сбалансированным, при этом никакие модернизации не в силах избавить от тенденции на постоянное убывание величины актива в каждом элементе системы.

Модернизации в ракурсе типов движений. Обратим ещё внимание на то, в какой мере у каждой из вершин ячейки проявляются актуальные принятия решений и тепловое движение (интеллект и тепло) в режиме ПИФ. Для каждого из представленных выше вариантов ПИФ приведём значения средних величин интеллекта и тепла, соответственно, в вершинах v_0, v_1, v_2, v_3 ячейки. Поскольку эти величины даже в сумме не могут никогда превысить, соответственно, 1/18 и 1/9 от условной единицы, то условимся приводить их в процентах.

Итак, требуемые значения составляют, соответственно: 0,3%, 0,22%, 0,19%, 0,07% и 0,04%, 0,02%, 0,04%, 0,007% (левый рисунок 1); 0,09%, 0,005%, 0,01%, 0,02% и 0,02%, 0,002%, 0,007%, 10^{-4}% (правый рисунок 1); 0,17%, 0,12%, 0,07%, 0,02% и 0,04%, 0,002%, 0,01%, $3\cdot10^{-4}$% (левый рисунок 2); 0,03%, 0,003%, 0,002%, 0,005% и 0,006%, $7\cdot10^{-6}$%, 0,001%, 10^{-6}% (правый рисунок 2); 0,13%, 0,1%, 0,24%, 0,12% и 0,02%, 0,02%, 0,009%, 0,02% (левый рисунок 3); 0,12%, 0,009%, 0,03%, 0,18% и 0,03%, $2\cdot10^{-4}$%, 0,005%, 0,004% (правый рисунок 3); 0,18%, 0,07%, 0,27%, 0,08% и 0,007%, 0,01%, 0,04%, 0,02% (левый рисунок 4); 0,31%, 0,008%, 0,13%, 0,15% и 0,03%, $9\cdot10^{-5}$%, 0,09%, 0,002% (правый рисунок 4); 0,008%, 0,006%, 0,01%, 0,004% и 10^{-5}%, $4\cdot10^{-6}$%, 10^{-5}%, $2\cdot10^{-5}$% (левый рисунок 5); 0,007%, 0,005%, 0,006%, 0,002% и 0,001%, $6\cdot10^{-4}$%, $8\cdot10^{-4}$%, $3\cdot10^{-4}$% (правый рисунок 5).

Сразу можно заметить, что показания тепла всюду меньше показаний интеллекта. И это естественно, так как у тепла, в отличие от интеллекта, нет накопительной функции. Превосходство тепла над интеллектом возможно там, где интеллект почти полностью отсутствует, например, у вершин-зомби, где λ=0, что означало бы бессмысленность соответствующей модернизации в теме общества. Так что выбранные варианты ПИФ далеко не утопичны.

В половине случаев (оба рисунка 1, оба рисунка 2 и правый рисунок 5) лидером в показаниях сразу интеллекта и тепла является вершина v_0, что представляет Д*, причём эти показания у v_0 превосходят и сумму показаний

у v_1 и v_3. Во всех этих случаях либо имеет место сбалансированный ПИФ, либо Д* осуществляет контрмеры в адрес Б*. Превосходство в интеллекте v_0 имеет ещё на правом рисунке 4, где Д* проводит уже «хладнокровные» контрмеры в адрес Б*, обрекая на перегрев И*, выраженный в самом большом показателе тепла у v_2 из всех представленных случаев. А превосходство в тепле v_0 имеет ещё на правом рисунке 3, где Д* устраивает контрмеры в адрес Б* без особой на то необходимости, тем более что лидерство в интеллекте при этом держит именно Б*, располагающаяся на месте v_3. Первенство в интеллекте и тепле v_0 держит ещё на левом рисунке 3, уступая, однако, при этом сумме показаний у v_1 и v_3. В этом варианте уже Б* и С* заняты контрмерами в адрес И*, а Д* как бы всерьёз озабочена сглаживанием этих натисков. Наконец в оставшихся вариантах (левые рисунки 4 и 5) лидерство в интеллекте держит И*, что представлена в v_2. В первом из этих вариантов v_2 держит первенство и по теплу, здесь И* устраивает контрмеры в адрес Д*. Во втором варианте первенство по теплу держит v_3, здесь из-за сотрясений И* больше других приходится заботиться о своём спасении, а Б* – об устойчивости своего управления.

Основные выводы по обществу. Осуществлённые исследования позволяют определиться с серией выводов.

1. Даже малое влияние Б* приводит к хаосу в социальном развитии, к эффектам турбулентности.

2. Поведение С* часто копирует поведение Б*, различаясь по амплитуде. Но в большинстве случаев копии нет, а качественное сходство всё-таки есть.

3. При высокой властности какой-либо модернизации неизбежно проявление контрмер в её адрес. При этом Д* получает контрмеры от И*, а С* и Б* почти всегда оказываются в паре, получая от Д* или, наоборот, направляя в адрес И* контрмеры вместе.

4. Модернизация, осуществляющая контрмеры, почти всегда оказывается передовой по показаниям интеллекта и тепла. Случаи, в которых этот факт нарушается, несут признаки неблагоприятного поведения в системе.

5. Потребность в Б* актуальна при низкой креативности И*. Более того, потребность в относительно высокой властности Б* вызвана тем, что при этом имеет место практически постоянная и надёжная активность у И*. Однако в этой активности у И* на порядки меньше работает интеллект, да и сам объём ресурса у И* может оказаться в целом с ничтожно малым средним значением при излишне властной Б*.

6. При преобладании потребностей над производством в системе ($a/b>1$) её функционирование сопровождается фрустрациями с последующим их нивелированием. При этом И* больше других напрягает интеллект для своего же спасения, а Б* «горячее» других от забот об устойчивом управлении.

7. При преобладании производства над потребностями в системе ($a/b<1$) её функционирование становится более сбалансированным с тенденцией на постоянное убывание величины актива в каждом элементе системы между последовательными в нём актами трансформации пассива в актив. И,

в главном, повторяются особенности, представленные для равновесного случая (a/b=1).

Заключение. Итак, для четырёх процессов, составляющих систему модернизации в обществе, с применением ДИС-технологии установлены их корреляции с разработанными режимами ПИФ ДИС. В серии имитационных экспериментов удалось установить функциональные зависимости компонентов системы модернизации: Б*, Д*, И*, С*. Выводы по проведенному исследованию позволят находить объяснения для широкого спектра процессов в обществе, а также представленные в работе модели позволяют прогнозировать динамику развития обществ, в том числе, с учётом развёртывания разнообразных проектов.

Относительно широко обсуждаемого феномена Б* есть основания заключать, что в обществе её роль вторична, и она обусловлена падением креативного потенциала у И*. Анализ моделей подтверждает это ситуациями, где усиление Б* разворачивается на фоне снижения интеллекта у И*, работа которой обеспечивает систему избыточным ресурсом, потребляемым Б*.

Не меньше проблем привносит в общество властность Д*. Данный фактор вызывает отток ресурсов от И*. В этом плане Д* становится в оппозицию Б*, нацеленной на внешнее управление развитием И* как производителя ресурсов в обществе, излишне властная Д* в основном расходует ресурс. Подтверждением этого являются примеры возникновения Д* в империях от античных Афин к США конца XX и начала XXI в. Считающаяся сегодня образцом Д* Западная Европа постоянно полна многолюдных демонстраций протеста, забастовок, заявок о выходе из ЕС или даже отдельного государства. Постепенный рост власти Д* в СССР скоро привёл к торможению в нём И*, а затем и к распаду СССР. С излишком властности Д* приходится бороться в современной России.

Надо признать перспективность идей о формировании онтологически осмысленных теорий и моделей с их апробациями на объектах разнообразной природы, где важное место должны занимать социальные системы и общество.

Список литературы

1. Сизиков, В.П. Модель и анализ взаимодействия протона и электрона на базе ДИС-технологии [Текст] / В.П. Сизиков // Теоретические и прикладные аспекты современной науки: Сб. науч. тр. по матер. VI Междун. науч.-прак. конф. в 6 ч. – Белгород : ИП Петрова М.Г., 2015. – Ч. III. – С. 118–125. То же [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.issledo.ru.

2. Сизиков, В.П. Турбулентность: системный статус и управление [Текст] / В.П. Сизиков // Теоретические и прикладные аспекты современной науки: Сб. науч. тр. по матер. IX Междун. науч.-прак. конф. в 6 ч. – Белгород : ИП Петрова М.Г., 2015. – Ч. II. – С. 129–137. То же [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.issledo.ru.

3. Сизиков, В.П. Трещины и дислокации: системный статус и управление [Текст] / В.П. Сизиков // Современные тенденции развития науки и технологий: Сб. науч. тр. по матер. II Междун. науч.-прак. конф. в 7 ч. – Белгород : ИП Ткачёва Е.П., 2015. – Ч. II. – С. 137–144. То же [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.issledo.ru.

4. Коллинз, Р. Макроистория: Очерки социологии большой длительности [Текст] / Р. Коллинз. – Пер. с англ. Послесл. Н.С. Розова. – М. : УРСС: ЛЕНАНД, 2015.

5. Разумов, В.И. Приложения информационных основ синтеза систем: ДИС-развёртки и парадигма закона. Монография / В.И. Разумов, В.П. Сизиков. – Электронное издание № 33934. – № гос. регистр. 0321304636, ФГУП НТЦ «Информрегистр». – Омск. 2014.

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ

Стопычева В.В.
студентка НИУ «БелГУ»,
Россия, г. Белгород

Шаповал Ж.А.
доцент кафедры социальных технологий НИУ «БелГУ», канд. социол. наук,
Россия, г. Белгород

В статье рассматриваются вопросы реализации молодежной политики в муниципальном образовании. Определяется содержание и сущность понятия «муниципальная молодежная политика». Описывается практика ее реализации на территории Красненского района Белгородской области.

Ключевые слова: молодежная политика, муниципальная молодежная политика, молодежь, муниципальное образование, Белгородская область.

Реализация молодежной политики в муниципальном образовании является важнейшей ступенью в формировании благоприятных условий жизнедеятельности и развития молодого поколения. Именно органы местного самоуправления работают с молодежью, поэтому они являются индикатором целесообразности всей молодежной политики, осуществляемой на территории Российской Федерации. Близость к молодежи заставляет муниципальные органы власти и управления творчески адаптировать и модифицировать существующее российское законодательство, касающееся молодежи.

Молодёжь – это особая социально-возрастная группа, отличающаяся возрастными рамками и своим статусом в обществе: переход от детства и юности к социальной ответственности [4]. Некоторыми учёными молодёжь понимается как совокупность молодых людей, которым общество предоставляет возможность социального становления, обеспечивая их льготами, но ограничивая в возможности активного участия в определённых сферах жизни социума. Молодёжь в значительной части обладает тем уровнем мобильности, интеллектуальной активности и здоровья, который выгодно отличает её от других групп населения.

Молодежь, с одной стороны, – это незащищенная группа, являющаяся, скорее, дестабилизирующей силой в обществе, а с другой – это поколение, от которого зависит будущее страны. Такой особый статус молодежи рождает потребность в адекватной молодежной политике, способной решить или

смягчить имеющиеся проблемы, а также направить в созидательное русло творческий потенциал молодежи.

Молодёжная политика – это неотъемлемая часть целостной политики государства, которая представляет собой систему мер и законодательных актов по установлению и поддержанию соответствующего общественного статуса подрастающего поколения, а вместе с ним определённого качества жизни самой молодёжи, которая в перспективе станет экономически активным населением.

Государственная молодёжная политика представляет собой систему государственных приоритетов и мер, направленных на создание условий и возможностей для успешной социализации и эффективной самореализации молодёжи, для развития её потенциала в интересах Российской Федерации и, следовательно, на социально-экономическое и культурное развитие страны, обеспечение её конкурентоспособности и укрепление национальной безопасности [1].

В Российской Федерации молодежная политика реализуется не только на федеральном и региональном, но и на муниципальном уровне. Реализация основных направлений молодежной политики в муниципальных образованиях строится на укреплении целостности общегосударственной молодежной политики. Основные направления, программы и проекты молодежной политики чаще всего реализуются в едином пакете федеральных, региональных и местных программ социально-экономического развития соответствующей территории.

Молодежная политика на муниципальном уровне, тесно связанная с государственной политикой тем не менее, представляет собой относительно самостоятельный процесс со своим механизмом реализации. На муниципальном уровне формируется целостная система социальной поддержки молодежи, ее обучения и трудоустройства, которая создает возможности регулирования процессов молодежной миграции, обеспечения защиты прав и реализации интересов молодых людей, поддержки молодых семей.

Муниципальная молодежная политика – совокупность целей и мер по их реализации, принимаемых органами местного самоуправления в целях создания условий и гарантий для самореализации личности молодого человека и развития молодежных объединений. Молодежная политика разрабатывается и реализуется в отношении лиц в возрасте от 14 до 30 лет.

Мероприятия по осуществлению работы с детьми и молодежью осуществляются во всех муниципальных образованиях. Функции по организации мероприятий по работе с молодежью осуществляются через отраслевые (функциональные) органы местной администрации (органы по делам молодежи), организационная структура и штатная численность которых определяется в зависимости от численности молодежи, проживающей на территории муниципального образования и степени отдаленности от центра субъекта Российской Федерации.

Главная цель реализации молодежной политики на муниципальном уровне заключается в создании условий для максимального раскрытия инно-

вационного потенциала молодого поколения в интересах развития общества, обеспечения должного уровня его конкурентоспособности.

Увеличить уровень социально-экономического развития района в будущем сможет только конкурентоспособная молодежь, подготовленная профессионально, нравственно и физически. Поэтому организация системной работы всех органов власти по выполнению этой задачи в Красненском районе Белгородской области является приоритетом. Это объясняется, прежде всего, социально-политической ролью молодежи, являющейся интеллектуальным, репродуктивным, экономическим и социальным резервом общества, его стратегическим ресурсом и капиталом.

Реализация молодежной политики в районе осуществляется на основе закона Белгородской области от 03.10.2013г. №223 «О поддержке молодежи в Белгородской области» [2] и муниципальной программы «Развитие молодежной политики, физической культуры и спорта в Красненском районе на 2015–2020 годы» [3].

Молодежная политика Красненского района исходит из идеи партнерства органов власти и молодежи на основе гармонизации государственных и личных интересов молодых людей, создания условий для развития всех категорий молодежи. Молодежная политика района поддерживает индивидуальное развитие молодого человека, а не стремится формировать его личность по шаблонам, стандартам, предписаниям. Ее задачами является информационное и ресурсное обеспечение выбора молодого человека, стимулирование инициатив молодежи и их организаций, а не навязывание своих вариантов решений.

Основными целевыми группами молодежной политики Красненского района являются:

– молодежные лидеры, члены молодежных объединений;

– работающая молодежь;

– талантливая молодежь;

– молодые семьи;

– молодежь с ограниченными возможностями;

– молодежь, находящаяся в трудной жизненной ситуации [3].

Учитывая тенденции социально-экономического и общественно-политического развития, реализация молодежной политики в Красненском районе осуществляется по следующим приоритетным направлениям:

– вовлечение молодежи в социальную практику и ее информирование о потенциальных возможностях развития;

– развитие созидательной активности молодежи;

– интеграция молодых людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, в жизнь общества;

– активное вовлечение в занятия физической культурой и спортом.

Для эффективной реализации приоритетных направлений молодежной политики в Красненском районе осуществляется выполнение следующих функций:

– научно-методическая функция, т.е. мониторинг социального состояния молодежи, социальное прогнозирование последствий реализации молодежных проектов, разработка методических рекомендаций;

– оперативное управление, т.е. формирование общественного консенсуса социальных интересов групп молодежи между собой и другими возрастными категориями;

– социальная поддержка, т.е. поддержка молодежи, оказавшейся в трудной жизненной ситуации;

– поддержка молодежных и детских общественных организаций, т.е. поддержка деятельности социально позитивных молодежных и детских общественных организаций;

– культурно-образовательная функция, т.е. развитие у молодежи культуры отношений с другими социально-демографическими группами.

В настоящее время на территории Красненского района наблюдается положительная тенденция роста социальной активности молодежи. В 2014 году был проведен районный конкурс социально-значимых проектов, в конкурсных испытаниях приняли участие 7 проектов направленные на включение молодежных объединений в процесс решения социальных проблем. Проект «Популяризация занятий уличной гимнастикой «Workout» среди молодежи Красненского района» принял участие в областном конкурсе молодежных проектов в номинации «Мода на здоровый образ жизни».

За последние годы значительно расширились возможности для самореализации творческой молодежи, активно растет популярность движения КВН, занятий физической культурой, проектной деятельностью, расширяется взаимодействие работников отрасли и средств массовой информации.

За 2014-2015 гг. в районе было проведено 64 мероприятия, в них приняли участие 1600 молодых людей. Наиболее значимыми стали: месячник оборонно-массовой работы, военно-спортивная игра «Зарница», праздник детства «Творить добро на Белогорье!», квест «Исторический лабиринт», районная игра «Школьная Лига КВН», районный фестиваль молодежного творчества «Красненская лира», районные фотоконкурс «Новый взгляд», межрайонный слет активистов «Российского Союза Молодежи» «В кРаСноМ», молодежный форум «Православная молодежь», «День призывника», конкурс граффити «Цвета Победы», акция «Мой Дед – Герой».

Большое внимание в районе уделяется военно-патриотическому воспитанию молодежи. Ежемесячно проводится волонтерская акция «Ветеран живет рядом», в рамках которой активисты посещают ветеранов, участников Великой Отечественной войны и вдов, с целью оказания им помощи в введении домашнего хозяйства, благоустройстве дворов и домовладений. Традиционными стали молодежные патриотические акции «Звездная эстафета Победы!», «Помнит сердце, не забудет никогда!», «Равнение не Победу!».

В Красненском районе созданы и функционируют 3 военно-патриотических клуба, в которых занимаются 30 молодых людей. На базе ДЮСШ функционирует спортивный зал, два борцовских зала, в которых

учащиеся получают навыки боевых искусств. В районе имеется 71 плоскостных спортивных сооружений, 12 спортивных залов, 6 стрелковых тиров, 9 приспособленных помещений для занятий физической культурой и спортом, 6 городков ГТО, 4 подростковых физкультурно-спортивных клуба.

Для повышения эффективности работы с молодёжью при органах местного самоуправления создан Молодежный совет Красненского района, который является совещательным органом при главе района, функционирующим на общественных началах. Молодежный совет формируется на выборной основе из молодых людей в возрасте от 18 до 30 лет, проживающих, обучающихся и работающих в Красненском районе.

В целях поддержки молодёжи в сфере культуры и творчества оказывается содействие в реализации прав молодёжи на свободу творчества, культурную деятельность, удовлетворение духовных потребностей и приобщение к ценностям отечественной и мировой культуры. На территории Красненского района функционирует 25 учреждений культуры. Они регулярно проводят мероприятия, направленные на развитие культурного потенциала молодежи Красненского района. В каждом учреждении функционируют хореографические кружки, проводятся курсы вокального и фольклорного мастерства, резьбы по дереву, кройки и шитья. В 19 учреждениях культуры созданы молодежные клубы: 12 клубов молодой семьи, 2 клуба технической направленности, 5 клубов молодежного творчества.

На территории Красненского района действует общественная организация Красненское местное отделение БРОООО «Российский Союз молодежи». Целью организации является помощь молодому человеку в поиске своего места в жизни, самореализации, раскрытии многогранной личности. Членами данной организации в районе являются 178 чел. В районе действует местное отделение регионального центра «ВМЕСТЕ». Целью данной организации является поддержка и развитие молодежных добровольческих инициатив на территории района, а также вовлечение учащихся и работающей молодежи в добровольческие мероприятия. Членами данной организации в районе являются 217 человек. Местное отделение ВООО «Молодая Гвардия Единой России» ведет активную деятельность по вовлечению молодежи в процессы построения демократического, социально справедливого общества, воспитание у молодежи чувства патриотизма и гордости за свою страну. Членами данной организации в районе являются 115 чел. Также в Красненском районе функционируют внутриучебные общественные организации: республика «Солнечная», «Россы», «Детство», «СМИД», «Страна детства», «Добрые сердца», «Дружных», «Ровесники», «Интересных Дел», «Гелиос».

В 2014 г. в районе был создан Молодежный консультационный центр, который создан в целях доступности бесплатных консультационных услуг для молодёжи в возрасте от 14 до 30 лет. За время функционирования Молодежного консультационного центра, специалистами было выполнено 29 ин-

дивидуальных консультаций, 13 психологических тренингов, 4 массовых мероприятия.

В Красненском районе созданы условия для развития добровольчества молодежи. В волонтерскую деятельность вовлечено 9,6% от общего числа молодежи района. Реализуется комплекс мер, направленных на информирование молодёжи о добровольчестве, путём публикации специальных материалов в средствах массовой информации. На территории Красненского района на момент 2 апреля 2015 г. зарегистрировано 217 добровольцев, осуществляющих деятельность по следующим направлениям:

– социальная помощь – 50 чел. (2,2% от общего количества молодых людей в возрасте от 14 до 30 лет);

– экологическая помощь – 50 чел. (2,2% от общего количества молодых людей в возрасте от 14 до 30 лет);

– посильная помощь – 50 чел. (2,2% от общего количества молодых людей в возрасте от 14 до 30 лет);

– профилактическая работа – 50 чел. (2,2% от общего количества молодых людей в возрасте от 14 до 30 лет);

– содействие правоохранительным органам – 17 чел. (0,8% от общего количества молодых людей в возрасте от 14 до 30 лет.) [5].

На территории района функционирует 10 волонтерских организаций в каждом поселении, деятельность которых направлена на реализацию социально значимых проектов, улучшение экологического состояния района, развитие гражданско-патриотических чувств, укрепление духовно-нравственных качеств, формирование и развитие толерантности у молодого поколения, а также становление здорового образа жизни.

В Красненском районе ежегодно проводится ряд мероприятий, направленных на профилактику негативных, пагубных привычек в молодежной среде. В 2014 г. в районе было проведено 27 профилактических антинаркотических мероприятий, в которых приняло участие 1210 человек в возрасте от 14 до 30 лет. Активную деятельность по профилактике вредных привычек проводит комиссия по делам несовершеннолетних, которая в течение года ведет работу с «трудными» подростками, с детьми из неблагополучных семей, контролирует поведение молодежи в местах массового скопления.

С целью широкого привлечения к систематическим занятиям физической культурой и спортом молодого поколения, в районе созданы необходимые условия по месту жительства. На территории Красненского района реализуется благотворительный марафон «Спортивный двор», в рамках которого построены 2 многофункциональные спортивные площадки, в том числе построено два силовых городка для занятий уличной гимнастикой «WORKOUT».

Для информирования молодежи используется группа ВКонтакте: «Молодежь Красненского района», которая включает в себя 875 участников. Среднее количество посетителей ежедневно составляет 250 человек.

В 2014 году участие в жизни района приняли 1300 молодых людей и это всего 56% от общего числа молодежи Красненского района. Эти данные свидетельствуют о необходимости привлечения молодежи к активной деятельности, что позволит в значительной степени увеличить уровень развития и престижа района.

Красненский район обладает набором специфических особенностей, которые являются барьером на пути реализации молодежной политики и не позволяют в полной мере организовать полноценную работу, направленную на получение высоких результатов. Препятствуют работе такие особенности, как:

– наличие на территории Красненского района поселений только сельского типа;

– удаленность от областного центра;

– низкая численность молодежи, проживающей на территории района.

Вышеперечисленные барьеры создают трудности на пути реализации молодежной политики, но органы местного самоуправления делают все возможное, чтобы результаты их работы были достойными. В Красненском районе созданы условия для всестороннего развития молодежи, активного отдыха. Успешно реализуются проекты и программы, направленные на улучшение качества жизни молодежи. Постоянно совершенствуется нормативно-правовая база этого направления работы. Все это позитивно сказывается на подрастающем поколении и молодежи, постоянно проживающей на территории района. Однако, не смотря на это, в Красненском районе, существует ряд актуальных проблем, решение которых позволит улучшить результаты работы в рамках реализации молодежной политики:

- недостаточный охват населения молодежными мероприятиями и проектами;
- трудности в вопросах трудоустройства и занятости;
- недостаточный уровень информирования молодежи об имеющихся ресурсах для реализации собственного потенциала и развития возможностей;
- отсутствие ресурсной базы для работы с группами молодежи, чьи интересы требуют наличия особых условий: выставочных площадей, творческих лабораторий и мастерских.

Многообразие проблем молодежи определяет межведомственный характер молодежной политики, требует сочетания отраслевого подхода с тесным взаимодействием органов государственной власти, органов местного самоуправления и общественных объединений.

Список литературы

1. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года : Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2012. – № 52. – Ст. 7477.

2. О поддержке молодёжи в Белгородской области : закон Белгородской области от 3 октября 2013 г. № 223 // Белгородские известия. – 2013. – 10 октября.

3. Об утверждении муниципальной программы Красненского района «Развитие молодежной политики, физической культуры и спорта в Красненском районе на 2015–2020 годы» : постановление админ. Красненского района от 12 ноября 2014 г. № 73

4. Большой толковый словарь. URL: http://tolkslovar.ru (дата обращения 13.02.2015)

5. Молодежный паспорт муниципального образования «Красненский район» / Администрация Красненского района, отдел по делам молодежи, физической культуры и спорта. Красное, 2015.

Научное издание

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

Сборник научных трудов
по материалам IV Международной научно-практической конференции

г. Белгород, 31 июля 2015 г.

В шести частях
Часть III

Подписано в печать 13.08.2015. Гарнитура Times New Roman.
Формат 60×84/16. Усл. п. л. 9,07. Тираж 100 экз. Заказ 120
ООО «ЭПИЦЕНТР»
308010, г. Белгород, ул. Б.Хмельницкого, 135, офис 1
ИП Ткачева Е.П., 308000, г. Белгород, Народный бульвар, 70а